

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гордеева А.В., Кононенко И.А.

Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей 11

Корнилова Т.В., Цзыянь О., Максарова Л.Б.

Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок 32

Вартанова И.И.

Взаимосвязь самоотношения старшеклассников разного пола с частотой проявления когнитивно-эмоционального конфликта ... 58

Арестова О.Н., Горшкова А.С.

Особенности мыслительной деятельности в связи с гендерной идентичностью личности 75

Кунашенко М.И., Матюшкина А.А.

Динамика интеллектуальной уверенности в решении проблемных задач 98

Дехтяренко А.А., Савченко Н.Л., Шлягина Е.И.

О различном вкладе личностных характеристик в компоненты субъективного благополучия 120

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рикель А.М., Дорохов Е.А.

Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? 143

Шипкова К.М., Булыгина В.Г.

Нейропсихологические и нейробиологические основы восстановления высших корковых функций. Модулярная теория VS теория системной и динамической локализации функций 166

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Собкин В.С., Емелин Г.Д.

Критика Выготским фашизма в немецкой психологии 30-ых: политические, социально-психологические и личностные контексты 189

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Журавлев А.П., Череменская М.А.

Сравнительный анализ ценностей у предпринимателей традиционного бизнеса и основателей стартапов 216

Белинская Е.П., Шаехов З.Д.

Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте 239

Ощепкова Е.С., Шатская А.Н.

Особенности развития связной речи у детей 6–8 лет в зависимости от уровня развития регуляторных функций 261

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

Памяти Владимира Владимировича Умрихина 285

В память нашего Коллеги, Друга и Учителя — Ольги Тимофеевны Мельниковой 287

CONTENT

EMPIRICAL STUDIES

Gordeeva A.V., Kononenko I.A.

Structure of virtual communication in the interrelation with personal characteristics of users 11

Kornilova T.V., Ziyang O., Maksarova L.B.

Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples 32

Vartanova I.I.

Manifestation of cognitive-emotional conflict in self-attitude of high school students of different sex 58

Arestova O.N., Gorshkova A.S.

Mental activity in connection with the person's gender identity 75

Kunashenko M.I., Matyushkina A.A.

Dynamics of intellectual confidence in problem solving 98

Dekhtiarenko A.A., Savchenko N.L., Shliagina E.I.

Various effects of personal traits on the components of subjective well-being 120

REVIEWS AND ANALYTICAL RESEARCH

Rikel A.M., Dorokhov Ye.A.

Analysing generation in social psychology: research or reject? 143

Shipkova K.M., Bulygina V.G.

Neuropsychological and neurobiological basis for the recovery of higher brain functions. modularity VS theory of system and dynamic localization of functions 166

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Sobkin V.S., Emelin G.D.

Vygotsky's criticism of fascism in German psychology of the 1930s:
political, socio-psychological and personal contexts 189

PSYCHOLOGY TO PRACTICE

Zhuravlev A.V., Cheremenskaya M.A.

Comparative analysis of the values of traditional business entrepreneurs
and startup founders 216

Belinskaya E.P., Shaekhov Z.D.

Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at
a young age 239

Oshchepkova E.S., Shatskaya A.N.

Development of narratives in children aged 6-8 years depending on the
level of executive functions 261

IN MEMORY OF OUR COLLEAGUES

In memory of V.V. Umrikhin 285

In memory of our Colleague, Friend and Teacher — Olga Timofeevna
Melnikova 287

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>

УДК 159.99

Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей

А.В. Гордеева, И.А. Кононенко ✉

Донецкий государственный университет, Донецк, ДНР

✉ inna.kononenko.1996@mail.ru

Резюме

Актуальность. Виртуализация затрагивает все сферы человеческой жизни, превратившись из простой технологии в информационно-коммуникативную среду. На сегодняшний день расширение ее влияния протекает в двух основных взаимопроникающих направлениях: увеличение воздействия виртуальности на мир реальный и виртуализация самой реальности. Под действием сетевого общения меняется сознание личности, формируется новый, сетевой, образ мышления и существования. При достаточно разносторонних исследованиях киберкоммуникации, отсутствует собирательный образ категории виртуального общения, описывающий его структуру, необходимый для организации более качественного и эффективного взаимодействия пользователей в интернете.

Цель. Определить структуру представлений о виртуальном общении и выявить взаимосвязи индивидуальных представлений с личностными особенностями пользователей социальных сетей.

Методы. Материал получен в ходе опроса (23.09.2020–15.12.2021), который заключался в том, чтобы испытуемые привели как можно больше свободных ассоциаций на словосочетание «Виртуальное общение — это...». Для диагностики личностных особенностей использовался 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (форма А).

Выборка. 183 человека 18–75 лет (средний возраст — 38,7 лет).

Результаты. Были выделены основные категории, описывающие «виртуальное общение» у пользователей социальных сетей: «аффективный» с разделением на «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «самореализация», «пространство и время», «перцепция».

Получена 5-факторная модель представлений о виртуальном общении. Выявлена взаимосвязь индивидуальных представлений о компонентах виртуального общения с личностными особенностями респондентов.

Выводы. На основании полученных результатов исследования определено 11 категорий, при помощи которых пользователями сети описывается понятие «виртуальное общение». Проанализированы особенности полученных категорий в разных возрастных группах. Получена 5-факторная модель киберкоммуникации, в которую вошли факторы: эмоционально-аффективный, перцептивный, фактор субъектности, мотивационный, когнитивно-временной. Выявлена и описана связь выделенных категорий киберкоммуникации с личностными особенностями пользователей социальных сетей.

Ключевые слова: киберкоммуникация, личностные особенности, структура общения.

Для цитирования: Гордеева А.В., Кононенко И.А. Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 11–31. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>

Structure of virtual communication in the interrelation with personal characteristics of users

Alla V. Gordeeva, Inna A. Kononenko ✉

Donetsk State University, Donetsk, DNR

✉inna.kononenko.1996@mail.ru

Abstract

Background. Having turned from a simple technology into information and communication environment, virtualization affects all spheres of human life. To date, the expansion of its influence proceeds in two main interpenetrating directions: increasing the impact of virtuality on the real world and the virtualization of reality itself. Under the influence of network communication, the consciousness of the individual changes. A new networked way of thinking and existence is being

formed. With sufficiently versatile studies of cybercommunication, there is no collective image of the category of virtual communication that would describe its structure for better and more effective interaction of users on the Internet.

Objective. The aim of the study is to determine the structure of ideas about virtual communication and to identify the relationship of individual ideas with the personal characteristics of social network users.

Methods. The material was obtained during a survey (23.09.2020–15.12.2021), which asked the subjects to bring as many free associations to the phrase «Virtual communication is ...» as possible. R.B. Kettell's 16-factor personality questionnaire (Form A) was used to diagnose personality traits.

Sample. The sample consisted of 183 people aged 18–75 years (average age 38.7 years).

Results. The main attributes of the concept of «virtual communication» among users of social networks were identified. They included such attributes as «affective» with a division into «positive emotions» and «negative emotions», «motivational», «cognitive», «objectness», «subjectness», «alternative to reality», «self-realization», «space and time», and «perception». The interrelation of individual representations of the components of virtual communication with the personal characteristics of respondents is noted.

Conclusion. According to the results of the study, eleven categories have been identified, with the help of which the concept of “virtual communication” is described by network users. The features of the received categories in different age groups are analyzed. A five-factor model of cybercommunication was obtained, which included emotional-affective, perceptual, subjectivity, motivational, and cognitive-temporal factors. The connection of the selected categories of cybercommunication with the personal characteristics of users of social networks is revealed and described.

Keywords: cybercommunication, personality traits, structure of communication.

For citation: Gordeeva, A.V., Kononenko, I.A. (2023). Structure of virtual communication in the interrelation with personal characteristics of users. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 11–31. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>

Введение

Неконтролируемое увеличение количества доступной информации и развитие коммуникационных сетей — характерная черта

нынешнего времени. Темп жизни изменился, он заметно ускорился, люди постоянно находятся в потоке коммуникационных взаимодействий. Деловое и личностное общение, все больше переходящее в интернет-среду, очевидно, имеет свою специфику. Поэтому изучение особенностей общения в виртуальной среде является крайне актуальным.

Можно очертить достаточно широкий круг вопросов, связанных с общением в интернете, который изучался отечественными исследователями. Это анонимность в интернет-среде (Солдатова, Рассказова, Нестик 2017); вопросы, связанные с самопрезентацией в сетях, самоотношением (Бабаева, Войскунский, Смыслова 2000, Жичкина, 2007); мотивы интернет-общения: коммуникативный мотив, мотив аффилиации, мотив самоутверждения (Арестова, Бабанин, Войскунский, 2000); психологические особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве (Лучинкина, 2019, Богомолова, 2015, Игнатьева, 2012 и др.).

Современные зарубежные исследования предлагают различные подходы для оценки изучения межличностного общения посредством интернет-коммуникаций: модель социальной идентичности в виртуальном мире или модель искаженной самоидентификации (Lamerchs, Molder 2003); теория обработки социальной информации (Utz, 2000); доказательство эффективности управления впечатлением «лицом к лицу» (face-to-face) за счет невербальных сигналов и эмоциональности в противоположность интернет-общению (Joinson, Vasalou, Courvoisier, 2010; Sheldon, Abad, Hirsch, 2011; Riedl, 2022; Lieberman, Amir, Schroeder 2022 и др.).

Выделяя особенности электронного общения в интернет-дискурсе (неопределенность рамок общения, чувство безопасности и невидимость субъекта общения, разнообразие средств, форм общения), ряд авторов отмечают, что выбор форм, интернет-платформ обусловлен личностью самого пользователя (Осин, Баранов, 2021). Это характеризует интернет как среду, где поведение и мысли определяются в большей степени личностными переменными, нежели ситуационными.

Выделяя компоненты понятия «виртуальное общение», мы опираемся в первую очередь на концепцию Г.М. Андреевой, в которой структура общения имеет три стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную (Андреева, 2001). В. Н. Панферов в содержательной структуре общения выделяет четыре компонента:

1) связь; 2) взаимодействие; 3) познание; 4) взаимоотношение (Панферов, 1971).

Также теоретической основой нашей работы послужили труды И.С. Лучинкиной, которая описала структуру коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве, выделив такие компоненты, как: когнитивный (систематические ошибки в мышлении человека, которые ведут к искаженному восприятию информации и нарушению коммуникативного процесса), мотивационный (доминирующие мотивы пребывания в сети, мотивы ведения провокативной деятельности) и аффективный (коммуникативные установки, психические состояния, рефлексивность), в свою очередь, определяющие конструктивное или деструктивное направление этого поведения (Лучинкина, 2019).

Процесс общения может быть рассмотрен с учетом анализа элементов, составляющих ситуацию общения, виртуальный контекст. В качестве субъекта общения принято рассматривать человека, являющегося инициатором общения, а также того, для кого эта инициатива предназначена. Структуру ситуации общения составляют время, место, среда и контекст общения, а также нормы, регулирующие общение (Куницына В.Н., 2001).

Немаловажным аспектом остается личность самого пользователя, которая детерминирует коммуникативное интернет-пространство. Отечественные исследователи отмечают наличие специфики когнитивно-личностной регуляции молодых людей с разными стратегиями сетевого поведения (Сунгурова, Михайлова, 2020), а также указывают на взаимосвязь копинг-стратегий, механизмов психологической защиты человека с уровнем его активности в сетях (Зекерьяев, 2021, Самсонова, 2018). Выбор средств интернет-коммуникации, как отмечают Г.А. Казарян с соавторами, коррелирует с индивидуальными особенностями молодежи: уровнем агрессии, коммуникативными установками, эмоциональным темпераментом (Казарян, Тер-Степанян, Егиазарян, 2022). Показывая специфику виртуального общения, Л.С. Енгибарян исследовала гендерную структуру интегральной индивидуальности у девушек с высокой степенью включенности в инфокоммуникацию. Было показано, что гендерный тип личности девушек определяет своеобразие осуществления интернет-общения (Енгибарян, 2014). То есть можем предположить, что способы и формы общения пользователя в виртуальной среде взаимосвязаны с его личностными характеристиками.

Важным и мало исследованным на сегодняшний день остается вопрос о том, как сам человек понимает конкретный процесс виртуального общения, из каких конструктов, категорий, образов он состоит.

Цель исследования

Определить структуру представлений о виртуальном общении и выявить взаимосвязи индивидуальных представлений с личностными особенностями пользователей социальных сетей.

Методы

Участникам исследования предлагалось дать не менее 20 свободных ассоциаций на словосочетание «Виртуальное общение — это...». Был использован метод контент-анализа ответов респондентов. На предварительном этапе в ходе обработки данных пилотной выборки (60 человек юношеского возраста) были выделены 11 категорий контент-анализа. Обобщенные названия выделенных компонентов базируются на трудах А.Е. Войскунского, Ю.Д. Бабаевой, А.Е. Жичкиной, И.С. Лучинкиной и др. Получена база данных, состоящая из 3324 дескрипторов (ответов испытуемых), определена частота встречаемости каждого понятия. Составлена кодировочная таблица индикаторов категорий. На основании ответов каждого испытуемого с помощью кодировочной таблицы были получены оценки по каждой категории виртуального общения для всех участников.

С целью автоматизировать процесс сбора данных и снизить вероятность ошибок при обработке ответов была использована специальная программа кодирования и обработки результатов контент-анализа. С помощью нее были сформированы две базы данных. Первая база дескрипторов с их кодировкой, то есть соотношением индикатора с той или иной категорией. В этой же базе накапливалась частота появления каждого дескриптора-индикатора. Вторая база содержала подсчет оценок по каждой категории для каждого испытуемого.

Для получения примерной структуры понятия «виртуальное общение» в представлении пользователей был использован метод факторного анализа. Факторизации подверглись индивидуальные оценки полученных категорий киберобщения.

Для изучения взаимосвязей компонентов виртуального общения с личностными особенностями пользователей был использован

корреляционный анализ. Диагностика личностных особенностей проводилась с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (форма А) (Шмелев, Похилько, Соловейчик, 1988).

Результат проверки на нормальность распределения полученных данных, выполненный с помощью критерия Колмогорова — Смирнова, показал, что не все переменные нормально распределены, поэтому для расчетов был использован коэффициент корреляции Спирмена.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23.

Выборка

Материал исследования получен в ходе опроса, проведенного с 23 сентября 2020 по 15 декабря 2021 года. Диагностический материал высылался желающим поучаствовать в исследовании в электронном формате, с сопроводительной инструкцией и гарантиями конфиденциальности. Выборку составили 183 человека, из них 78 человек юношеского возраста (18–21 год), 54 человека зрелого возраста (22–55 лет), 51 человек пожилого возраста (56–74 года). Средний возраст — 38,7 лет, ст. откл. 18,2 года. Всего 119 (65 %) женщин и 64 (35 %) мужчины. Все участники — пользователи социальных сетей.

Результаты исследования

1. Представление о виртуальном общении

Первый этап исследования заключался в анализе свободных ассоциаций испытуемых, которые они смогли привести на словосочетание «Виртуальное общение — это...». Пилотный опрос, в котором приняло участие 60 человек юношеского возраста, позволил сформулировать отдельные категории киберкоммуникации.

Данные респонденты были включены в часть общей выборки. Предположительно, пользователи юношеского возраста являются более активными, вариативными в виртуальном общении, поэтому было принято решение начать выделение компонентов именно с этой группы испытуемых. Важно отметить, что понятия «категория» и «компонент» в данной работе употребляются синонимично, отражая существенные признаки и закономерности виртуального общения как некой структуры.

Для обработки полученных ответов был использован метод контент-анализа, в результате были выделены следующие компоненты: «аффективный» с разделением на подкомпоненты «положительные

эмоции» и «отрицательные эмоции», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «самореализация», «пространство и время», «перцепция».

Под «аффективным компонентом» понимается эмоциональная сторона виртуального общения, коммуникативные установки, психические состояния. «Мотивационный компонент» определяет доминирующие мотивы пребывания онлайн, описывает особенности взаимодействия в виртуальной коммуникации. «Когнитивный компонент» киберкоммуникации представляет собой целостный процесс, в рамках которого осуществляется обмен информацией, знаниями между пользователями. «Объектность» включает понимание функций, форм виртуального общения, характеризует восприятие общения через объект (гаджет). Например, сюда относятся его внешний вид и устройство, интерфейсы интернет-платформ, их функциональная нагруженность, потенциал (Стерледева, 2018). «Субъектность» предполагает коммуникационную активность, инициативность, широту круга виртуального общения. Категория «альтернатива реальности» характеризует сам феномен виртуальной реальности, которая описывается идеями «лучшего мира», где происходит освобождение от привычной жизни, возможность получить свободу мыслей и действий, а также всецелый контроль над процессом общения. Можем предположить, что так реализуется социально-творческая функция, которая обеспечивает создание новых сообществ с полной информационной базой и общим ценностно-нормативным фундаментом (Гордеева, 2001). Компонент «самореализация» раскрывает моменты, связанные с самопрезентацией, проявлением и развитием собственных интеллектуальных и творческих возможностей в киберобщении и через него (Косивченко, 2010). Компонент «пространство и время» характеризует индивидуальное восприятие временных рамок данного вида общения, а также ощущение доступности любого и каждого, вне зависимости от расстояния. «Перцепция» — процесс познания одним человеком другого, формирование суждений о намерениях, способностях, эмоциях и мыслях собеседника (Баранов, 2011, Кузнецова, 2011, Расина, 2021). Восприятие и оценка конкретных участников социальных сетей другими участниками основывается на самопрезентациях, доступности и открытости аккаунта, общей культуре и степени грамотности продуцируемых вербальных сообщений (Войскунский, 2014).

Таким образом, можем говорить о том, что виртуальное общение в сознании людей преимущественно представлено категория-

ми, которые соответствуют структуре реального общения. Но при этом интернет-общение характеризуется большей динамичностью в контексте изменения форм, деятельностей, в которых происходит коммуникация.

Дополнив контент-аналитическую базу ответами испытуемых, относящимися к другим возрастным категориям, получены оценки «удельного веса» каждой из одиннадцати категорий (табл. 1). Для ответов респондентов из других возрастных групп использовалась категориальная сетка, полученная на молодежной группе.

С целью построения модели представления о виртуальном общении был использован факторный анализ (табл. 2). Факторизации были подвергнуты показатели 11 выделенных компонентов всех 183 участников исследования. Показателем компонента для каждого респондента было число слов, отнесенных к данной категории, в его ответах.

Таблица 1

Представленность категорий виртуального общения

Категории	Удельный вес смысловых категорий					
	Все респонденты	Юношеский возраст	Зрелый возраст	Поздняя зрелость	Женщины	Мужчины
Аффективный	7,7	4,5	1,6	1,6	8,0	7,3
Мотивационный	12,8	5,6	3,6	3,5	13,2	12,0
Когнитивный	7,4	3,5	1,9	2,1	7,2	7,9
Объектность	19,6	8,6	5,8	5,2	18,8	20,9
Субъектность	14,4	6,2	4,2	3,9	14,1	14,9
Альтернативная реальность	6,8	3,7	1,3	1,8	6,7	7,0
Пространство и время	4,3	2,1	1,2	1,0	4,2	4,5
Самореализация	7,9	4,0	1,6	2,3	8,7	6,5
Положительные эмоции	6,3	4,1	1,0	1,1	6,4	6,1
Отрицательные эмоции	5,1	3,3	0,9	0,9	4,9	5,4
Перцептивный	7,7	3,8	1,9	2,0	7,9	7,4

Table 1

Representation of virtual communication categories

Categories	Share of semantic categories					
	All respondents	Adolescence	Mature age	Late maturity	Women	Men
Affective	7.7	4.5	1.6	1.6	8.0	7.3
Motivational	12.8	5.6	3.6	3.5	13.2	12.0
Cognitive	7.4	3.5	1.9	2.1	7.2	7.9
Objectness	19.6	8.6	5.8	5.2	18.8	20.9
Subjectness	14.4	6.2	4.2	3.9	14.1	14.9
Alternative to reality	6.8	3.7	1.3	1.8	6.7	7.0
Space and time	4.3	2.1	1.2	1.0	4.2	4.5
Self-realization	7.9	4.0	1.6	2.3	8.7	6.5
Positive emotions	6.3	4.1	1.0	1.1	6.4	6.1
Negative emotions	5.1	3.3	0.9	0.9	4.9	5.4
Perceptual	7.7	3.8	1.9	2.0	7.9	7.4

Культура межличностных отношений (КМО) и критерий сферичности Бартлетта показали, что данные приемлемы для проведения факторного анализа. Выбранные для содержательной интерпретации факторы в сумме описывают не менее 68 % общей дисперсии анализируемой корреляционной матрицы.

2. Взаимосвязи индивидуальных представлений о виртуальном общении с личностными особенностями пользователей социальных сетей

Второй этап исследования заключался в определении взаимосвязи 11 выделенных компонентов виртуального общения с личностными особенностями пользователей социальных сетей и мессенджеров, диагностированных с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (форма А).

В ходе корреляционного анализа Спирмена получены значимые корреляции *аффективного компонента* виртуального общения с фактором Q2 «Конформизм — неконформизм» опросника Кеттелла ($r = 0,223$; $p = 0,002$).

Таблица 2

Результаты факторного анализа компонентов виртуального общения

Компоненты	Фактор 1 30%	Фактор 2 16%	Фактор 3 11%	Фактор 4 9%	Фактор 5 8%
1. Аффективный	0,751	0,216	0,469	0,000	0,081
2. Мотивационный	0,140	0,154	0,478	0,700	0,073
3. Когнитивный	-0,152	0,231	0,158	0,284	0,744
4. Объектность	-0,156	0,031	-0,858	-0,002	-0,002
5. Субъектность	-0,002	0,090	-0,224	0,879	0,054
6. Альтернатива реальности	0,248	0,653	0,128	-0,016	0,169
7. Пространство и время	0,277	0,014	-0,066	-0,121	0,807
8. Самореализация	0,054	0,652	0,180	0,216	0,377
9. Положительные эмоции	0,922	0,043	0,052	0,100	0,052
10. Отрицательные эмоции	0,544	0,327	0,519	-0,314	0,250
11. Перцептивный	-0,015	0,842	-0,121	0,095	-0,092

Table 2

Results of factor analysis of virtual communication components

Components	Factor 1 30%	Factor 2 16%	Factor 3 11%	Factor 4 9%	Factor 5 8%
1. Affective	0.751	0.216	0.469	0.000	0.081
2. Motivational	0.140	0.154	0.478	0.700	0.073
3. Cognitive	-0.152	0.231	0.158	0.284	0.744
4. Objectness	-0.156	0.031	-0.858	-0.002	-0.002
5. Subjectivity	-0.002	0.090	-0.224	0.879	0.054
6. Alternative to reality	0.248	0.653	0.128	-0.016	0.169
7. Space and time	0.277	0.014	-0.066	-0.121	0.807
8. Self-realization	0.054	0.652	0.180	0.216	0.377
9. Positive emotions	0.922	0.043	0.052	0.100	0.052
10. Negative emotions	0.544	0.327	0.519	-0.314	0.250
11. Perceptual	-0.015	0.842	-0.121	0.095	-0.092

Компонент, отвечающий за *отрицательно направленные эмоции*, взаимосвязан со следующими факторами:

G «Моральная нормативность» ($r = 0,160$; $p = 0,02$),

M «Практичность — мечтательность» ($r = -0,169$; $p = 0,02$),

Q3 «Самоконтроль» ($r = 0,183$; $p = 0,01$),

Q2 «Конформизм — нонконформизм» ($r = 0,180$; $p = 0,02$).

Значимых корреляционных связей с подкомпонентом *положительные эмоции* не обнаружено.

Связь *когнитивного компонента* киберкоммуникации отмечена с факторами:

Q2 «Конформизм — нонконформизм» ($r = 0,199$; $p = 0,007$),

F3 «Чувствительность — уравновешенность» ($r = 0,173$; $p = 0,02$).

Получены корреляционные связи компонента *объектность* с факторами:

H «Робость — смелость» ($r = 0,185$; $p = 0,01$),

I «Практичность — чувствительность» ($r = 0,190$; $p = 0,01$),

Q1 «Консерватизм — радикализм» ($r = 0,199$; $p = 0,007$),

F2 «Интроверсия — экстраверсия» ($r = 0,20$; $p \leq 0,01$).

Выявлены значимые связи компонента *виртуальной самореализации* с факторами:

N «Прямолинейность — дипломатичность» ($r = 0,221$; $p = 0,003$),

Q1 «Консерватизм — радикализм» ($r = 0,298$; $p = 0,001$).

Субъектность связана с фактором Q1 «Консерватизм — радикализм» ($r = 0,203$; $p = 0,006$).

Обсуждение результатов

Цель нашего исследования состояла в изучении представлений о виртуальном общении и их взаимосвязи с личностными особенностями пользователей социальных сетей. Согласно результатам контент-анализа (табл. 1) можем отметить, что в представлениях о виртуальном общении у пользователей наиболее выражены компоненты «объектность», «субъектность», «мотивационный», наименее — компоненты «пространство и время», а также компоненты «положительные эмоции», «отрицательные эмоции». Удобство, которое создает объектность, резко повышает число возможных действий для человека, то есть увеличивает уровень его субъектности. Поэтому чем выше степень технологичности и функциональности платформ виртуального общения, тем больше получает субъект возможностей для самореализации, самопрезентации и т.д.

Выраженность «мотивационного» компонента киберкоммуникации предположительно определяет взаимосвязь субъект-объектной диады и характеризует направленность личности пользователя, его главные тенденции поведения, так как мотивационные состояния личности зависят от объективных обстоятельств и предметов потребностей человека, а также от его систем смысловых и ценностных образований, притязаний и других личностных особенностей.

Данные факторного анализа (табл. 2) позволяют построить условную модель представлений о виртуальном общении. Наибольшие нагрузки по первому фактору получают переменные, которые описывают эмоционально-аффективную сферу личности. Поэтому данный фактор можно интерпретировать как отвечающий за эмоциональную направленность виртуального общения.

Второй фактор имеет выраженные нагрузки по трем переменным, которые содержательно несколько различаются. На наш взгляд, компонент «альтернатива реальности», «самореализация» и «перцептивный» могут объединиться в контексте самовосприятия и самопрезентации, а также восприятия другого в момент цифрового взаимодействия. Представляется возможным в этом случае выделить более общий компонент — «перцептивный», включающий в себя описания и функции других смежных компонентов. В дополнение отметим, что одним из наиболее привлекательных аспектов виртуальной реальности все же остается возможность создания личностью желаемого впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору, способность манипулировать создаваемой идентичностью.

Третий фактор имеет значимую отрицательную нагрузку по переменной «объектность», в этом случае его можно описать как «субъектная активность». Интерпретируя и характеризуя данный фактор, можно отметить, что благодаря технологиям виртуальной реальности ментальная репрезентация отдельного человека потенциально более субъектна и сам по себе человек — потенциально более активный агент воздействия на структурирование событий.

Четвертый фактор — «субъектно-личностный», нагружен такими компонентами, как «мотивационный» и «субъектность». Описывая содержательную направленность фактора, можем говорить, что пользователь варьирует проявление собственной активности в интернет-общении, что позволяет ему в социальных сетях и мессенджерах решать актуальные для личности проблемы коммуникации. Например, такие, как формирование чувства причастности к зна-

чимым группам и принятие их членами, расширение представления о мире и обеспечение становления субъектности личности.

Пятый фактор получил значимую нагрузку по компонентам «когнитивный» и «пространство и время». Значительную роль в оценке виртуального образа личности играют когнитивные процессы, абстрагирование, анализ, синтез полученных данных (мышление), сопоставление полученной информации с прошлым опытом и уже сформировавшимися эталонами (память, воображение, представление), а также интерпретация информации, которая представлена в виде знаков, символов и шаблонов (паттернов). Также в виртуальном общении присутствует фиксированность на времени, диалоги могут быть растянуты во временном континууме, и необходимо быстро сосредоточиваться на чате или сразу нескольких чатах. Следовательно, выделенный фактор мы можем интерпретировать как «когнитивно-временной», сутью которого является управление временем и выстраивание познавательного пространства в момент киберкоммуникации.

Обнаруженная связь между выраженностью аффективного компонента виртуального общения и фактором Q2 опросника Кеттелла позволяет предположить, что люди, имеющие свою точку зрения, обязательные и собранные, в большей степени ориентируются на *аффективный компонент* киберкоммуникации. В общении пользователи стараются проявлять независимость, находчивость, самостоятельно принимать решения. То есть эмоциональная значимость в данном контексте может быть обусловлена стремлением соответствовать себе, своим собственным ценностным переживаниям, что позволяет, с одной стороны, не бояться вступать во взаимодействия с новыми пользователями, а с другой — самостоятельно выбирать стиль, формы общения.

У коммуникантов цифровой среды, рациональных и конкретных в виртуальном взаимодействии, ориентированных на мораль, выражен подкомпонент, отвечающий за *отрицательно направленные эмоции*. Данный факт отмечен взаимосвязью представленного компонента с факторами G, M, Q2, Q3. Общение в данном случае может восприниматься в виде четких интеракций, что позволяет сохранять определенный уровень нормативности.

Люди, стабильные в эмоциональных проявлениях, собранные в высказываниях и поступках, умеющие аргументировано представить свою точку зрения, независимые от внешнего влияния, воспринимают киберобщение через призму *когнитивного компонента*.

Подтверждены статистически значимые корреляционные связи этого компонента с факторами Q2, F3. Пользователь в этом случае может быть нацелен на информацию, связанную с формированием образа собеседника. Важным для коммуникантов представляется поиск друг в друге различий и сходств, которые в дальнейшем влияют на процесс общения.

Взаимосвязь компонента *объектность* с факторами Н, I, Q1, F2 может свидетельствовать о том, что свобода выражать свои мысли и эмоции, а также разнообразно проявлять себя на платформах цифрового общения, характерна для пользователей, поддерживающих множество связей и контактов, которым свойственно проявление радикализма, экспрессивности, для воспринимающих киберобщение через его функционально-технологический аспект.

Связь между выраженностью компонента *самореализация* и факторами N, Q1 может говорить о том, что цифровая коммуникация является базой для личностного развития коммуниканта, его самовоспитания. Также можем предположить, что в данном случае цель и средства виртуального общения будут направлены на то, чтобы оно было максимально ресурсным, результативным для собеседников.

Субъектность связана с фактором Q1 и отражает коммуникационную активность, инициативность. Желание пользователя цифрового пространства быть в контакте с широким кругом других пользователей предполагает умение выстраивать диалог с взаимопониманием на когнитивном и эмоциональном уровне. Вероятно, высокий уровень субъектности может организовывать такая личностная особенность как радикализм.

Выводы

В ходе исследования в представлениях людей о виртуальном общении были выделены следующие его компоненты: «аффективный» с разделением на «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «самореализация», «пространство и время», «перцепция».

У пользователей сетей и мессенджеров выражены следующие компоненты интернет-общения: «объектность», «субъектность», «мотивационный», наименее выражены — компоненты «пространство и время», «положительные эмоции», «отрицательные эмоции». С развитием функционала коммуникационных интернет-платформ человек получает возможность более полно реализовать свой по-

тенциал. Поэтому большая включенность в киберкоммуникацию расширяет возможности для самореализации, самопрезентации.

Факторный анализ выделенных нами компонентов виртуального общения и их взаимосвязей позволил очертить примерную структуру виртуального общения, состоящую из пяти факторов: эмоционально-аффективный, перцептивный, субъектность, мотивационный, когнитивно-временной.

Пользователи социальных сетей, в зависимости от своих личностных особенностей, по-разному воспринимают процесс виртуального общения. В структуре киберкоммуникации одни компоненты могут превалировать над другими для обеспечения более комфортного и эффективного взаимодействия.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001.

Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Психологическое исследование мотивации пользователей Интернета // 2-ая Российская конференция по экологической психологии: тезисы. (Москва, МГУ, 12–14 апреля 2000 г.). М.: Экопсицентр РОСС, 2000. С. 245–246.

Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39.

Баранов А.Б. Социальная перцепция в условиях межличностного и текстового взаимодействия // Психологические и педагогические науки. Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. С. 46–48.

Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2015.

Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.

Гордеева А.В. Контент-аналитическое исследование структуры образа компьютера // Наука і освіта. Одеса. 2001. № 6. С. 138–142.

Енгибарян Л.С. Интегральная индивидуальность субъекта инфокоммуникации с высоким уровнем включенности в Интернет-общение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. 2014. № 4 (146). С. 127–135.

Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете // Флогистон. 2007. URL: <http://flogiston.df.ru/projects/articles/refmf.shtml> (дата обращения: 01.11.2022).

Зекерьяев Р.И. Психологические особенности влияния защитных механизмов личности над елe интернетчик-активность в виртуальном пространстве //

Психология. Историкокритические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 5А. С. 68–76.

Игнатъева Э.А. Формирование коммуникативных умений виртуального общения современной молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Казарян Г.А., Тер-Степанян А.Г., Егиазарян А.А. Соотношение индивидуальных особенностей молодежи и интернет-коммуникации // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2022. Т. 5, № 2 (15). С. 94–101.

Косивченко Е.И. Особенности личности пользователя виртуальных социальных сетей // Личность и бытие: субъектный подход: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова; Краснодар: КубГУ, 2010. С. 185–188.

Кузнецова Ю.М. Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 437–468.

Куницына В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.

Лучинкина И.С. Психологические особенности коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве: дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2019.

Осин Р.В., Баранов А.А. Специфика образа партнера по общению в интернете и в реальной жизни // Психолог. 2021. № 6. С. 40–51.

Панферов В.Н. Психология общения // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 45–49.

Расина Э.О. Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 2. С. 115–129.

Самсонова Н.Н. Взаимосвязь интернет-коммуникации и социального поведения молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2018.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.

Стерледева Т.Д. Субъектность и объектность в аспекте электронной виртуальной реальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 4. С. 64–68.

Сунгурова Н.Л., Михайлова Д.А. Особенности когнитивно-личностной регуляции студентов с разными стратегиями сетевой активности // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3 (140). С. 215–221.

Шмелев А.Г., Похилько В.И., Соловейчик А.С. Тест-опросник 16 ЛФ. Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Joinson, A.N., Vasalou, A., Courvoisier, D. (2010). Cultural differences, experience with social networks and the nature of «true commitment» in Facebook. *International Journal of Human-Computer Studies*, 68, 719–728.

Lamerchs, J., Molder, H. (2003). Computer-Mediated Communication: From a Cognitive to a Discursive Model. *New Media & Society*, 5 (4), 451–473. (Retrieved from doi:10.1177/146144480354001) (review date: 01.11.2021).

Lieberman, A, Amir, O, Schroeder, J. (2022). A voice inside my head: the psychosocial consequences of consumer technologies. Working Paper. Elsevier (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2022.104133>) (review date: 30.10.2022).

Riedl, R. (2022). On the stress potential of videoconferencing: definition and root causes of Zoom fatigue. *Electron Markets*, 32. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s12525-021-00501-3>) (review date: 30.10.2022).

Sheldon, K.M., Abad, N., Hirsch, C. (2011). A two-process view of Facebook use and relatedness need-satisfaction: Disconnection drives use, and connection rewards it. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 766–775.

Utz, S. (2015). The function of self-disclosure on social networking sites: not only intimate, but also positive and entertaining self-disclosures increases the feeling of connection. *Computers in Human Behavior*, 45, 1–10.

References

Andreeva, G.M. (2001). Social psychology: A textbook. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).

Arestova, O.N., Babanin, L.N., Voiskunsky, A.E. (2000). Psychological study of motivation of Internet users. 2nd Russian Conference on Environmental Psychology. Theses (Moscow, MSU, April 12–14) (pp. 245–246). Moscow: Ecopsicenter ROSS. (In Russ.).

Babaeva, Yu.D., Voiskunsky, A.E., Smyslova, O.V. (2000). Internet: impact on personality. Humanitarian studies on the Internet (Eds.), In A.E. Voiskunsky. (pp. 11–39). M.: Mozhaysk-Terra. (In Russ.).

Baranov, A.B. (2011). Social perception in the conditions of interpersonal and textual interaction. *Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki (Psychological and pedagogical sciences. All-Russian Journal of Scientific Publications)*, 46–48. (In Russ.).

Bogomolova, E.I. (2015). Vzaimosvyaz' lichnostnyh karakteristik s osobennostyami aktivnosti pol'zovatelej social'nyh setej internet: Avtoref. dis. ... cand. psikhol. nauk. (The relationship of personal characteristics with the characteristics of the activity of users of social networks of the Internet). Cand.Sci. (Psychology). Krasnodar. (In Russ.).

Engibaryan, L.S. (2014). Integral individuality of the subject of infocommunication with a high level of involvement in Internet communication. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Pedagogika i psikhologiya. (Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and psychology)*, 4 (146), 127–135. (In Russ.).

Gordeeva, A.V. (2001). Content-analytichne doslidzhennya strukturii obrazu komp'uter (Content-analytical study of the structure of the computer image). *Nauka i osvita*, 6, 138–142. (In Ukr).

Ignatieva, E.A. (2012). Formirovanie kommunikativnyh umenij virtual'nogo obshcheniya sovremennoj molodezhi: Avtoref. dis. ... cand. psikhol. nauk. (Formation of communicative skills of virtual communication of modern youth) Cand.Sci. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Joinson, A.N., Vasalou, A., Courvoisier, D. (2010). Cultural differences, experience with social networks and the nature of «true commitment» in Facebook. *International Journal of Human-Computer Studies*, 68, 719–728.

Kazaryan, G.A., Ter-Stepanyan, A.G., Egiazaryan, A.A. (2022). Correlation between the individual characteristics of youth and Internet communication. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1, Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki (Bulletin of Kaluga University. Ser. 1. Psychological sciences. Pedagogical Sciences)*, 5, 2 (15), 94–101 (In Russ.).

Kosivchenko, E.I. (2010). Personality features of the user of virtual social networks. *Personality and being: a subjective approach: materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference*, (pp. 185–188). Krasnodar: KubGU, (In Russ.).

Kunitsyna, V.N. (2001). *Interpersonal communication. A textbook*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).

Kuznetsova, Yu.M. (2011). *World view and modern technologies: «ease of being» on the Internet. Man as a subject and object of media psychology*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.).

Lamerchs, J., Molder, H. (2003). Computer-Mediated Communication: From a Cognitive to a Discursive Model. *New Media & Society*, 5 (4), 451–473. (Retrieved from doi:10.1177/146144480354001) (review date: 01.11.2021).

Lieberman, A., Amir, O., Schroeder, J. (2022). A voice inside my head: the psychosocial consequences of consumer technologies. Working Paper. Elsevier (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2022.104133>) (review date: 30.10.2022)

Luchinkina, I.S. (2019). *Psikhologicheskiye osobennosti kommunikativnogo povedeniya lichnosti v internet-prostranstve: Dis. ... kand. psychol. nauk. (Psychological features of a person's communicative behavior in the Internet space)*. Cand.Sci. (Psychology). Rostov-on-Don. (In Russ.).

Osin, R.V., Baranov A.A. (2021). The specifics of the image of a communication partner on the Internet and in real life. *Psychologist*, 6, 40–51. (In Russ.).

Panferov, V.N. (1971). *Psychology of communication. Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 7, 45–49. (In Russ.).

Rasina, E.O. (2021). The place of the virtual image of personality in the perceptual processes of social interaction in the virtual space. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya (Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education)*, 7 (2), 115–129. (In Russ.).

Riedl, R. (2022). On the stress potential of videoconferencing: definition and root causes of Zoom fatigue. *Electron Markets*, 32. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s12525-021-00501-3>) (review date: 30.10.2022)

Samsonova, N.N. (2018). *Vzaimosvyaz' internet-kommunikatsii i sotsial'nogo povedeniya molodozhi: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. (Interrelation of internet communication and social behavior of youth)*. Cand.Sci. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Sheldon, K.M., Abad, N., Hirsch, C. (2011). A two-process view of Facebook use and relatedness need-satisfaction: Disconnection drives use, and connection rewards it. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 766–775.

Shmelev, A.G., Pokhilko, V.I., Soloveitchik, A.S. (1988). Test questionnaire 16 LF. Practicum on psychodiagnostics: Psychodiagnostic materials. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.).

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik, T.A. (2017). The digital generation of Russia: competence and security. M.: Smysl. (In Russ.).

Sterledeva, T.D. (2018). Subjectivity and objectness in the aspect of electronic virtual reality. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii (Intelligence. Innovation. Investment)*, 4, 64–68. (In Russ.).

Sungurova, N.L., Mikhailova, D.A. (2020). Features of cognitive-personal regulation of students with different strategies of network activity. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal (Kazan Pedagogical Journal)*, 3 (140), 215–221. (In Russ.).

Utz, S. (2015). The function of self-disclosure on social networking sites: not only intimate, but also positive and entertaining self-disclosures increases the feeling of connection. *Computers in Human Behavior*, 45, 1–10.

Voiskunsky, A.E. (2014). Social perception in social networks. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology)*, 2, 90–104. (In Russ.).

Zekeryaev, R.I. (2021). Psychological features of the influence of protective mechanisms of personality over barely Internet-activity in virtual space. *Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzornyi i sovremennye issledovaniya (Psychology. Historical-critical Review and Modern Research)*, 10 (5A), 68–76. (In Russ.).

Zhichkina, A.E. (2007). Socio-psychological aspects of communication on the Internet. *Phlogiston*, (Retrieved from <http://flogiston.df.ru/projects/articles/refmf.shtml>) (review date: 01.11.2022). (In Russ.).

Поступила: 07.07.2023

Получена после доработки: 03.08.2023

Принята в печать: 24.08.2023

Received: 07.07.2023

Revised: 03.08.2023

Accepted: 24.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алла Валериановна Гордеева — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии филологического факультета Донецкого государственного университета, a.valer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1720-0466>

Инна Александровна Кононенко — аспирант кафедры психологии филологического факультета Донецкого государственного университета, inna.kononenko.1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5468-8793>

ABOUT THE AUTHORS

Alla V. Gordееva — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, Faculty of Philology, Donetsk State University, a.valer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1720-0466>

Inna A. Kononenko — Postgraduate student of the Department of Psychology, Faculty of Philology, Donetsk State University, inna.kononenko.1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5468-8793>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

УДК 159.9

Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок

Т.В. Корнилова, Ц. Оуян, Л.Б. Максарова✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉maksarovalydia@gmail.com

Резюме

Актуальность. В последние годы актуальным становится выявление индивидуально-стилевой регуляции принятия решений (ПР), поскольку ПР выступает неотъемлемой характеристикой жизнедеятельности человека в сложном и неопределенном мире. В качестве нового аспекта выделяется кросс-культурная общность и специфика эмоционально-личностных составляющих ПР.

Цель. Кросс-культурный анализ стилей принятия решений у российских и китайских участников по выделяемым согласно Мельбурнскому опроснику принятия решений — МОПР (Melbourne Decision Making Questionnaire — MDMQ) — особенностям продуктивного и непродуктивного совладания с неопределенностью.

Выборка. Участники — 531 человек: 259 из России ($M_{\text{возр}} = 27,67$; 32,4% мужчин) и 272 из Китая ($M_{\text{возр}} = 27,76$; 38,6% мужчин).

Методы. Верифицирована четырехфакторная структура МОПР для китайской выборки. Кроме МОПР участникам предъявлялся опросник позитивного и негативного аффекта PANAS. Все проходили тестирование на основе осведомленного сотрудничества; в российской выборке — очно, а в китайской онлайн через платформу Вэнь Чжуань Син (问卷星).

Результаты. Сравнение выборочных средних выявило большую *бдительность* у россиян и большее *избегание* (перекладывание ответственности) и *сверхбдительность* (неоправданную смену целей) у китайских участников. Корреляционный анализ показал: 1) сходные взаимосвязи непродуктивных копингов у россиян и китайских мужчин и отличие китайских женщин, у которых положительно связаны продуктивный и непродуктивные копин-

ги; 2) положительные связи стиля *бдительность* с позитивным аффектом и непродуктивных копингов с негативным аффектом.

Выводы. При различиях в высоте стилевых переменных следует вместе с тем говорить об общности соотношения их в латентных профилях двух культурных выборок. Уточнена кросс-культурная специфика установленных связей по фактору пола: у женщин в китайской выборке продуктивный и непродуктивные стили совладания с неопределенностью положительно связаны, что не наблюдалось среди участников в других выборках.

Ключевые слова: принятие решений, бдительность, избегание, прокрастинация, Мельбурнский опросник принятия решений.

Для цитирования: Корнилова Т.В., Оуян Ц., Максарова Л.Б. Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 32–57. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples

Tatiana V. Kornilova, Ouyan Ziyang, Lydia B. Maksarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

maksarovalydia@gmail.com

Abstract

Background. In recent years, the identification of individual style regulation of decision-making (DM) has become relevant, since DM is an integral characteristic of human life in a complex and uncertain world. As a new aspect, the cross-cultural commonality and specificity of the emotional and personal components of DM are highlighted.

Objective. The aim is to carry out a cross-cultural analysis of the decision-making style of Russian and Chinese samples according to productive and unproductive

approaches to coping with uncertainty distinguished in the Melbourne Decision Making Questionnaire (MDMQ).

Sample. The sample consisted of 531 participants: 259 from Russia ($M_{age} = 27,67$; 32,4 % men) and 272 from China ($M_{age} = 27,76$; 38,6 % men).

Methods. The four-factor structure of MDMQ for the Chinese sample was verified. In addition, the participants were presented with the Positive and Negative Affect Schedule — PANAS. All participants were tested through informed collaboration; in Russian sample it was conducted in person, in Chinese sample online testing through the Wen Zhuan Xing (问卷星) platform was involved.

Results. Cross-cultural comparison of sample means revealed greater Vigilance in Russians and greater Back-Passing and Hypervigilance in Chinese participants. Correlation analysis has shown (1) similar interrelations of unproductive coping among Russians and Chinese men and differences in Chinese women; (2) positive relations of Vigilance with positive affect and positive relations of unproductive coping with negative affect.

Conclusions. Considering differences in the variables of personal regulation of decision making, we should speak about the generality of their correlation in the latent classes of the two cultural samples.

Keywords: decision making, Vigilance, Back-Passing, Procrastination, Melbourne Decision Making Questionnaire.

For citation: Kornilova, T.V., Ouyan, Z., Maksarova, L.B. (2023). Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 32–57. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

Введение

Психологические исследования принятия решений (ПР) включают анализ как стратегий, так и эмоционально-личностной регуляции ПР. Если стратегии отражают целевую содержательную направленность и когнитивные структуры ПР, то стили отражают то, как процессуально личностью реализуются те или иные стратегии. Стили принятия решений можно рассматривать как интегративные характеристики способов ПР, отражающие и личностные предпочтения, и индивидуально сложившиеся приемы регуляции выборов, включающие как когнитивные, так и эмоциональные компоненты преодоления условий неопределенности. Ранее Ю. Козелецкий были намечены три основные парадигмы исследований ПР — когнитивная, мотивационная и поведенческая (Козелецкий, 1979). В последние

годы в силу понимания того, что для современного человека ПР становится каждодневной реальностью его жизнедеятельности в сложном и неопределенном мире, особое внимание стало уделяться аспекту стилевой регуляции ПР, причем с разведением уровней регуляции — индивидуально-стилевой, личностной и стратегической (Разваляева, 2021). Вместе с тем довольно трудно четко разделить грани индивидуально-стилевой и собственно личностной регуляции (со стороны самосознания, мотивации и диспозициональных личностных свойств), между когнитивными и личностными составляющими в психологическом опосредствовании выбора. Так, в разработанном С. Эпштейном с коллегами опроснике «Рациональный–Экспериментальный» (Epstein et al., 1996) выделяемые интуитивный и аналитически-рациональный стили включают предположения и о предпочитаемых человеком мыслительных стратегиях (в характеристиках Системы 1 и Системы 2), и о проявлении в них личностных особенностей (Корнилова, Разваляева, 2017).

При разработке опросника «Тенденция принятия решений» — Decision-Making Tendency Inventory — DMTI (Misuraca et al., 2015) авторы использовали в качестве компромиссного термин «тенденции» для обозначения предпочтений в стремлении человека на максимальный сбор информации (максимизация), на селективный поиск удовлетворяющего решения (сатисфизация) или на минимизацию усилий для ПР (минимизация). Это выступило характеристиками целевой направленности стратегий и одновременно стилей принятия решений — по предпочитаемому способу действий в ситуации выбора в условиях неопределенности.

В апробированном нами ранее Мельбурнском опроснике принятия решений (МОПР) (Корнилова, 2013) использовано понятие стилей разрешения субъективно ощущаемого конфликта в ситуации неопределенности. Он разработан на основе концепции И. Джениса и Л. Манна (Janis, Mann, 1977), связавших понятие стилей с выделением продуктивного и непродуктивных копингов при ПР. Важной новой характеристикой индивидуальных свойств, проявляемых при ПР, выступило свойство *вигильности* (*Vigilance*), или *бдительности* («бдить» — как быть готовым к решениям в любой момент), которое было осмыслено авторами в качестве универсальной стилевой характеристики, или предпочтения человеком продуктивного совладания с ситуациями неопределенности. Это свойство позволяет человеку в ситуации выбора преодолевать конфликт между различными мотивационными и эмоциональными «силами».

Бдительность связана с когнитивной сложностью, потребностью в познании, «вовлечением в мышление», высокой регуляцией аффекта (Kamhalová et al., 2013; Bouckenooghe et al., 2007), низкой агрессивностью при высокой активности (Urieta et al., 2021). В исследованиях этому продуктивному стилю совладания противопоставлены непродуктивные копинги: *сверхбдительность* — «паникерство» или метание между разными целями, отражающая эмоциональную дисрегуляцию в оценивании альтернатив возможного решения, а также тенденции к *избеганию* (и перекладыванию ответственности) и *прокрастинации* (откладыванию решения до последнего). Все три непродуктивных стиля ПР положительно связаны с депрессивной симптоматикой (Di Schiena et al., 2013; Cotrena, Branco, Fonseca, 2017), высоким нейротизмом, низкой экстраверсией, а также «когнитивными неудачами» (Di Fabio, 2006; Urieta et al., 2021). Таким образом, в МОПР заложено представление об интеграции в диагностируемых стилях ПР составляющих и когнитивной, и личностно-мотивационной сферы.

Возможные разночтения в понимании тенденций как стилей, отражающих особенности принятия и преодоления неопределенности (совладания с неопределенностью), в некоторой степени корректируются дифференциацией их связей с составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека. Согласно концепции множественной многоуровневой регуляции решений и действий человека (Корнилова, 2016), в свернутых стратегиях ПР (предполагающих доопределение поля альтернатив и критериев выбора) проявляются все 3 аспекта самореализации субъекта: 1) проявление интеллектуальной ориентировки (и актуализации стратегий), 2) эмоционально-личностная включенность в ситуацию, что предполагает взаимодействие ситуационных и диспозициональных факторов, 3) выраженность новообразований, характеризующих уровень проявленных усилий и продуктивности ПР. В соответствующей мультипликативной модели Т. Корниловой любое ПР — в совокупности указываемых характеристик — может рассматриваться с точки зрения выраженности тех или иных стилей (как предпочитаемых способов саморегуляции выборов в условиях неопределенности).

На основе разработки представлений о динамических регулятивных системах как иерархиях процессов, за которыми стоят разные составляющие интеллектуально-личностного потенциала человека, преодолевается дихотомия рационального vs личностного выборов (Корнилова, 2016; Чумакова, 2010).

Стили в указанных опросниках могут трактоваться как предпочтения личностью способов ПР, которые интегрированы в связи с латентными переменными интеллектуально-личностного потенциала.

Для анализа связей стилевых и диспозициональных переменных интеллектуально-личностного потенциала важным выступает аспект культурной принадлежности субъекта. Культурные нормы не просто влияют на поведение и предпочтения при ПР, но — с позиций культурно-исторической психологии — они интериоризируются в качестве средств саморегуляции в условиях неопределенности. Кросс-культурные сравнения российской, китайской, азербайджанской выборок (различающихся по шкалам толерантности–интолерантности общества к неопределенности и выраженности в нем коллективизма–индивидуализма) демонстрируют это на примерах отличий по эмоционально-личностным профилям (Корнилова, Корнилов, 2021; Kornilova, Zhou, 2021; Zirenko et al., 2021). Эти исследования, сочетающие корреляционный анализ и анализ латентных профилей, позволяют выявлять неслучайные сочетания выраженности разных переменных у лиц дифференцируемых групп. Мы предположили, что тем самым в сравнении разных культурных выборок можно выделить как универсальные, так и специфичные сочетания переменных, отражающих культурную детерминацию стилей ПР.

МОПР является результатом модификации более общего опросника Фландерса (Flinders' Decision Making Questionnaire, DMQ) (Mann et al., 1997). Он стал достаточно популярным при апробации его в других культурах, показав хорошую структурную валидность (Cotrena, Branco, Fonseca, 2017; Urieta et al., 2021; Sari, 2008). Наименьшую внутреннюю согласованность в апробациях МОПР проявляла шкала *сверхбдительности*, что приводило иногда к трехфакторному решению; например, в шведской версии (Isaksson et al., 2014).

При апробации МОПР для российской выборки проводился анализ латентных профилей и подтверждающий факторный анализ (Корнилова, 2013); тогда не было выявлено гендерных различий между мужчинами и женщинами и между студентами-психологами и студентами естественных факультетов.

Новым аспектом стало для нас кросс-культурное сравнение стилевых предпочтений ПР в российской и китайской выборках, что позволило отразить культурную специфику индивидуальных различий в выраженности и сочетании разных копингов при ПР.

В указанной ранней апробации опросника на российской выборке было показано, что МОПР обладает хорошей надежностью

и структурной валидностью. Отметим, что тогда *бдительность* была положительно связана с *интолерантностью к неопределенности* и отрицательно — с *толерантностью к неопределенности*, что позволило дополнительно характеризовать этот стиль как направленный на продуктивное преодоление неопределенности, а не ее позитивное принятие.

В найденном исследовании применения МОПР на китайской выборке были приведены только показатели альфа Кронбаха (Wang, Xu, Qin, 2019) — без других психометрических данных апробации опросника. Поэтому мы поставили дополнительную задачу — проверки факторной структуры МОПР на китайском языке.

Цель

Целью нашей работы стало сравнение российских и китайских участников по индивидуальным особенностям ПР, выделяемым при использовании МОПР, а также по сочетаниям стилей с преобладанием позитивного и негативного аффектов в латентных личностных профилях.

Гипотезы

1. О возможных различиях по полу, связанных с предположением о большей эмоциональной включенности женщин в ПР и большей выраженности у них непродуктивных стилей.

2. О положительных связях продуктивного копинга (*бдительность*) с позитивным аффектом, а непродуктивных — с негативным аффектом в обеих культурных выборках; но в силу предполагаемой большей роли межличностных отношений в китайской выборке ожидалась и возможная кросс-культурная специфика связей переменных в китайской выборке.

3. Возможны кросс-культурные отличия латентных профилей в китайской и российской выборках, связанные с разным отношением к неопределенности и предпочтением способов совладания с нею.

Методы

Все участники проходили тестирование на основе осведомленного сотрудничества; в российской выборке — в основном очно индивидуально или в малых группах, а в китайской — в основном онлайн через платформу Вэнь Чжуань Син (问卷星).

В китайской выборке все участники получили два опросника — МОПР и ШПАНА (PANAS) на китайском языке, в российской выборке все прошли МОПР, но опросник ШПАНА прошли только 106 чел.

Опросники

1. Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР) — The Melbourne Decision Making Questionnaire (Mann et al., 1997). Применялся в российской (Корнилова, 2013) и китайской апробации (китайского соавтора этой статьи Ц. Оуэн).

Опросник состоит из 22 вопросов с 3 альтернативными ответами, которые выражают согласие с утверждением. Диагностируются 4 стиля по шкалам: *бдительность*, *прокрастинация*, *избегание* и *сверхбдительность*, описанные во введении.

Дополнительной целью стала оценка психометрических свойств китайской версии МОПР, для чего проведен подтверждающий факторный анализ (табл. 1) и подсчет надежности шкал — их внутренней согласованности.

Таблица 1

Результаты подтверждающего факторного анализа опросника МОПР по китайской выборке

Показатели	χ^2	df	χ^2/df	RMSEA	CFI	TLI	SRMR
4-х факторная модель	397,243	203	1,957	0,059	0,889	0,874	0,074

Table 1

Results of the confirmatory factor analysis of the MDMQ on the Chinese sample

Indicators	χ^2	df	χ^2/df	RMSEA	CFI	TLI	SRMR
4 factor model	397.243	203	1.957	0.059	0.889	0.874	0.074

По результатам анализа показателей пригодности четырехфакторной модели можно сделать вывод о том, что опросник обладает хорошей структурной валидностью. На китайском языке опросник продемонстрировал структурность и внутреннюю согласованность шкал, аналогичную авторской: удовлетворительную для *бдительности* — $\alpha = 0,685$ — и для *сверхбдительности* — $\alpha = 0,704$, хорошую для *избегания* — $\alpha = 0,825$ и для *прокрастинации* — $\alpha = 0,796$. Эти показатели в целом (кроме α *бдительности*) сопоставимы с приводимыми для другой китайской выборки (Wang, Xu, Qin, 2019), где для

бдительности $\alpha = 0,784$, для избегания $\alpha = 0,825$, для сверхбдительности $\alpha = 0,703$, для прокрастинации — $\alpha = 0,767$.

Статистически значимых различий между группами китайцев с разным уровнем образования по стилям ПР не выявлено.

Для российской выборки полученные альфа Кронбаха свидетельствуют о хорошей структурной валидности: бдительность $\alpha = 0,708$, избегание $\alpha = 0,821$, прокрастинация $\alpha = 0,848$, сверхбдительность $\alpha = 0,688$.

2. Шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА) — Positive and Negative Affect Schedule (PANAS).

Опросник разработан Д. Уотсоном с коллегами (Watson, Clark, Tellegen, 1988); апробирован на русском языке (Осин, 2012). Он включает 20 прилагательных, которые оцениваются участником по 5-балльной шкале по степени соответствия с собственным эмоциональным переживанием.

Показатели представлены в 2-х шкалах — ПА (позитивный аффект) и НА (негативный аффект).

Для китайских участников применялась китайская версия опросника Хуана Ли с соавторами (Li, Tingzhong, Zhongmin, 2003). Результаты применения опросника в нашем исследовании показали эквивалентность китайской версии как исходной англоязычной методике, так и русскоязычной версии. В нашей китайской выборке установлена его высокая надежность (внутренняя согласованность): $\alpha = 0,89$ для шкалы ПА, $\alpha = 0,86$ для шкалы НА.

Для российской выборки показатели надежности ниже: для шкалы ПА $\alpha = 0,76$, для НА $\alpha = 0,67$.

Обработка данных

Сравнение выборочных средних для измеренных переменных и корреляционный анализ проводились в системе SPSS. Анализ латентных профилей проводился отдельно для российской и китайской выборок в программном пакете MPlus. *Анализ латентных профилей* фокусируется на индивидуальных различиях (*person-centered approach*), в том числе на взаимосвязях между переменными, идентифицируя источники различия гомогенных подгрупп как латентных классов, или профилей испытуемых.

Выборка

534 человека: 259 из России ($M_{\text{возр}} = 27,67$; 84 мужчины, 32,4%; 175 женщин, 67,6%) и 272 из Китая ($M_{\text{возр}} = 27,76$; 105 мужчин, 38,6%;

167 женщин, 61,4%). По возрасту выборки не отличались (российские участники отбирались из большей выборки в соответствии с демографическими данными китайских участников). В России 192 (74,1%) человека — студенты, работающие — 67 (25,9%); в Китае работающих 140 (51,3%), студентов — 132 (48,4%).

Результаты

Анализ различий по переменным

Сравнение диагностируемых переменных по непараметрическим критериям выявило значимо большую *бдительность* у россиян и *большее избегание* (перекалывание ответственности) и *сверхбдительность* (неоправданную смену целей) у китайских участников (значения непараметрических критериев представлены в табл. I в Приложении). По *прокрастинации* выборки не различались.

Сравнение *возрастных* групп (от 18 лет до 21 года и от 22 до 35 лет включительно; табл. II в Приложении) показало, что у россиян более молодые участники характеризуются более высоким уровнем непродуктивных копингов — *сверхбдительности, избегания и прокрастинации*. В китайской выборке не обнаружено возрастных различий.

Сравнение *по полу* показало, что у россиян не было значимых различий в *бдительности*, но у женщин показатели непродуктивных копингов выше; при использовании критерия Манна—Уитни выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами по показателям *сверхбдительности* ($U = 5176; Z = -3,88; p < 0,01$), *избегания* ($U = 5290; Z = -3,670; p < 0,01$) и *прокрастинации* ($U = 4664; Z = -4,79; p < 0,01$); средние ранги: 142, 142, 145 у женщин против 104, 105, 98 у мужчин соответственно.

В китайской выборке не обнаружено различий между мужчинами и женщинами по высоте переменных, но выявлены различия по связям между стилевыми переменными.

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ (табл. 2 и 3) показал, что у всех россиян (в группах и женщин, и мужчин) и у китайских мужчин *бдительность* не связана с непродуктивными копингами, но последние значимо коррелируют между собой. В отличие от этого, у китайских женщин все 4 копинга значимо связаны (табл. 3), то есть продуктивный копинг положительно связан с выраженностью непродуктивных стилей со-владания с неопределенностью.

Таблица 2

Связи шкал МОПР для российской выборки

№	Стиль		1	2	3
1.	Бдительность	Мужчины	–		
		Женщины	–		
2.	Избегание	Мужчины	–0,037	–	
		Женщины	–0,290	–	
3.	Прокрастинация	Мужчины	–0,203	0,670**	–
		Женщины	–0,118	0,635**	–
4.	Сверхбдительность	Мужчины	–0,183	0,493**	0,636**
		Женщины	0,012	0,519**	0,586**

Примечания: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). $N_m = 84$ (32,4%), $N_{ж} = 175$ (67,6%)

Table 2

Correlations between the MDMQ scales in Russian sample

№	Style		1	2	3
1.	Vigilance	Men	–		
		Women	–		
2.	Back Passing	Men	–0.037	–	
		Women	–0.290	–	
3.	Procrastination	Men	–0.203	0.670**	–
		Women	–0.118	0.635**	–
4.	Hypervigilance	Men	–0.183	0.493**	0.636**
		Women	0.012	0.519**	0.586**

Note: ** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). $N_m = 84$ (32.4%), $N_w = 175$ (67.6%)

В общей российской выборке *бдительность* значимо отрицательно связана с *прокрастинацией* ($\rho = -0,212$; $p < 0,05$). *Сверхбдительность* в общей российской выборке положительно связана с позитивным аффектом — ПА ($\rho = 0,211$; $p < 0,05$), отрицательно — с негативным — НА ($\rho = -0,212$; $p < 0,05$). *Сверхбдительность* также положительно связана с непродуктивными копингами — *избеганием* ($\rho = 0,546$; $p < 0,01$) и *прокрастинацией* ($\rho = -0,636$; $p < 0,01$), которые также положительно коррелируют между собой ($\rho = 0,676$; $p < 0,01$).

Таблица 3

Связи шкал МОПР для китайской выборки

№	Стиль	Пол	1	2	3
1.	Бдительность	Мужчины	–		
		Женщины	–		
2.	Избегание	Мужчины	–0,060	–	
		Женщины	0,200**	–	
3.	Прокрастинация	Мужчины	–0,010	0,446**	–
		Женщины	0,250**	0,563**	–
4.	Сверхбдительность	Мужчины	0,072	0,524**	0,680**
		Женщины	0,274**	0,582**	0,647**

Примечания: **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). $N_m = 105$ (38,6%), $N_{ж} = 167$ (61,4%)

Table 3

Correlations between the MDMQ scales in Chinese sample

№	Style	Sex	1	2	3
1.	Vigilance	Men	–		
		Women	–		
2.	Back Passing	Men	–0.060	–	
		Women	0.200**	–	
3.	Procrastination	Men	–0.010	0.446**	–
		Women	0.250**	0.563**	–
4.	Hypervigilance	Men	0.072	0.524**	0.680**
		Women	0.274**	0.582**	0.647**

Note: **. Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). $N_{men}=105$ (38.6%), $N_{women}=167$ (61.4%)

В общей китайской выборке *бдительность* значимо положительно связана с ПА ($\rho = 0,213$; $p < 0,01$); все непродуктивные копинги положительно связаны с НА (коэффициенты Спирмена соответственно для *избегания*, *прокрастинации* и *сверхбдительности* — $\rho = 0,369$, $\rho = 0,451$, $\rho = 0,522$ при $p < 0,01$).

Анализ латентных профилей

При анализе латентных профилей мы ориентировались на то, что при апробации МОПР для выборки россиян устанавливались два профиля (Корнилова, 2013). Поэтому мы проверяли модели, включающие разбиение каждой выборки на 2 и 3 класса. Показатели моделей даны в табл. 4.

Таблица 4

Пригодность моделей с выделением двух и трех кластеров по обеим выборкам

Модель	AIC	BIC	aBIC	Энтропия
Для китайской выборки				
2 класса	1406,290	1438,743	1410,206	0,641
3 класса	1408,182	1458,663	1414,273	0,679
Для российской выборки				
2 класса	1318,769	1350,885	1322,350	0,715
3 класса	1325,595	1375,552	1331,165	0,740

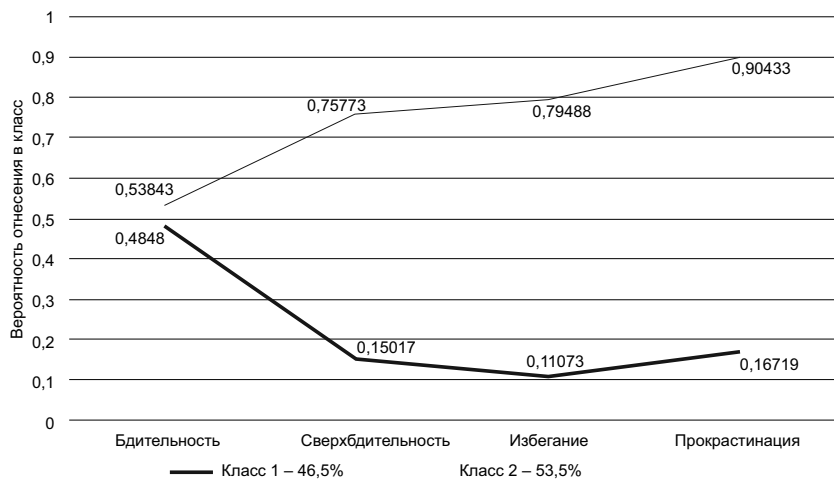
Table 4

Evaluating Class Solutions for 2 and 3 classes for both samples

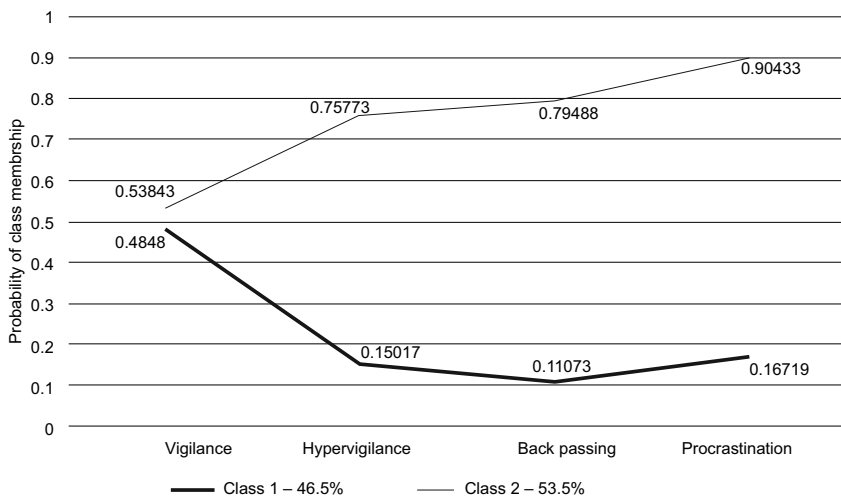
Models	AIC	BIC	aBIC	Entropy
Chinese sample				
2 class	1406.290	1438.743	1410.206	0.641
3 class	1408.182	1458.663	1414.273	0.679
Russian sample				
2 class	1318.769	1350.885	1322.350	0.715
3 class	1325.595	1375.552	1331.165	0.740

Как видно из рис. 1 и 2, для обеих выборок установлены схожие характеристики выделения двух профилей.

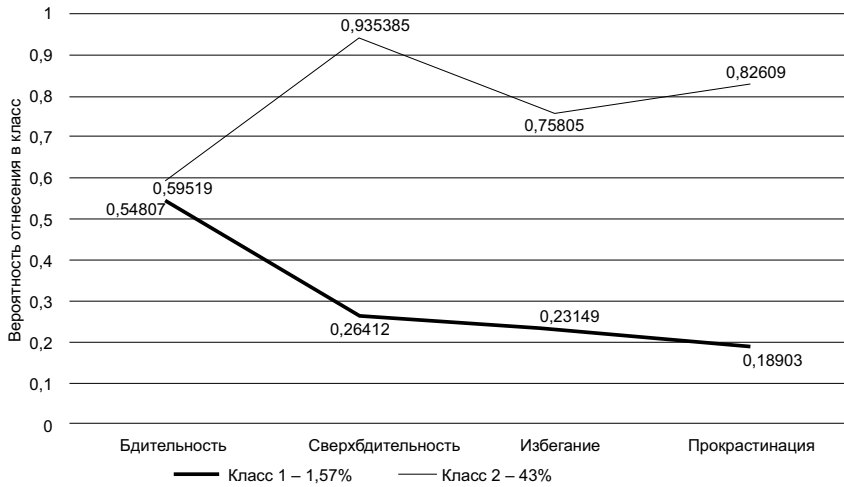
Двухкластерное решение демонстрирует при схожем среднем показателе бдительности расхождение по 3-м непродуктивным копингам (с минимальными и максимальными значениями). Однако трехкластерное решение дополнительно позволило выделить небольшие группы участников с иным соотношением высоты переменных: в российской выборке из группы с большими показателями по непродуктивным копингам (46,6% при 2-х кластерах) выделяется

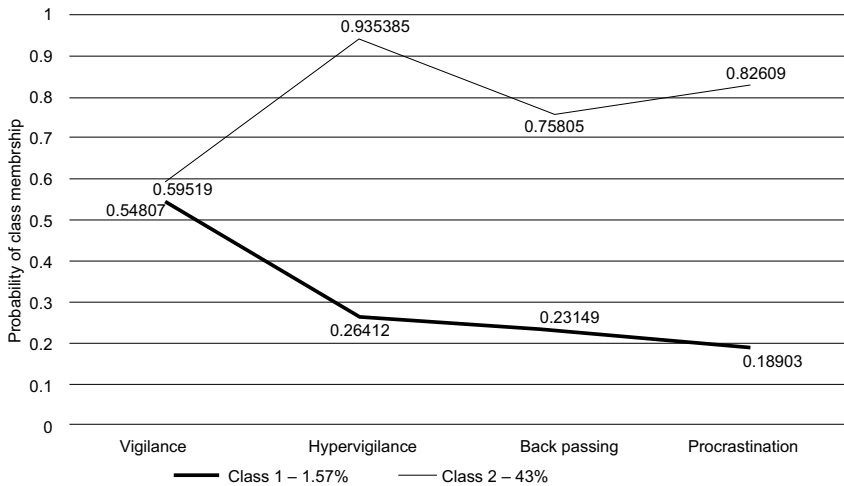
Рис. 1. График для двух классов по МОПР для российской выборки

Fig. 1. Graph for two MDMQ classes in Russian sample

Рис. 2. График для двух классов по МОПР для китайской выборки

Fig. 2. Graph for two MDMQ classes in Chinese sample

небольшая группа (7,6 %) с максимальной *бдительностью* при снижении *избегания*; в китайской выборке третья группа (12,3 %) отделяется от группы с низкими показателями непродуктивных копингов, демонстрируя еще меньшие показатели, при этом *бдительность* уменьшается.

На рис. 3 и 4 представлены трехкластерные решения с добавлением шкал позитивного и негативного аффекта. Поскольку в отличие от китайской выборки в российской только меньшая часть была протестирована по опроснику ШПАНА, конфигурация сопутствия переменных в профиле на рис. 3 несколько отличается от того, что мы видим на рис. 1.

Обсуждение результатов

В обеих выборках показатели по продуктивному копингу *бдительность* не различались у мужчин и женщин. Анализ внутригрупповых различий по полу только в российской выборке выявил повышение показателей по непродуктивным копингам у женщин, что не было обнаружено ранее в исследовании по апробации МОПР (Корнилова, 2013). Таким образом, гипотеза 1 принимается для российской выборки с уточнением, что у женщин выше показатель непродуктивных копингов (причем они снижаются с возрастом), но отвергается для китайской выборки, поскольку в ней не установ-

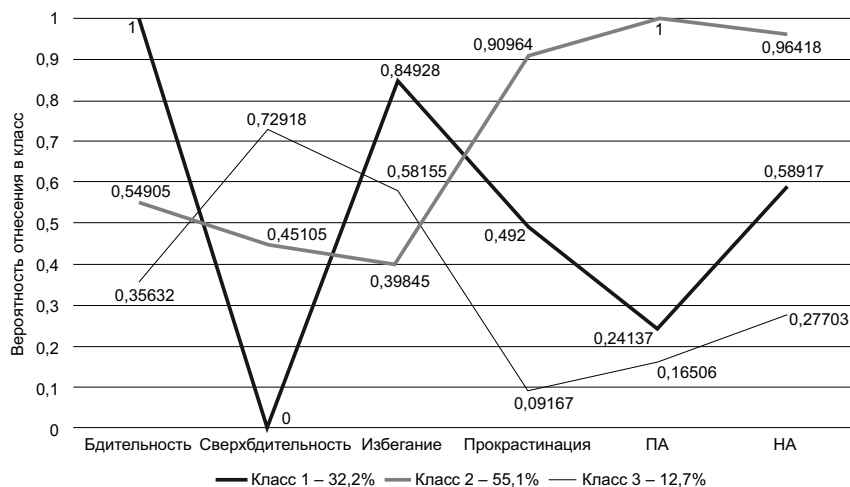

Рис. 3. График для трех классов по МОПР и ШПАНА для российской выборки

лено различий в высоте индивидуально-стилевых характеристик ПР по полу. Однако кросс-культурные различия выявлены по связям между стилиевыми переменными.

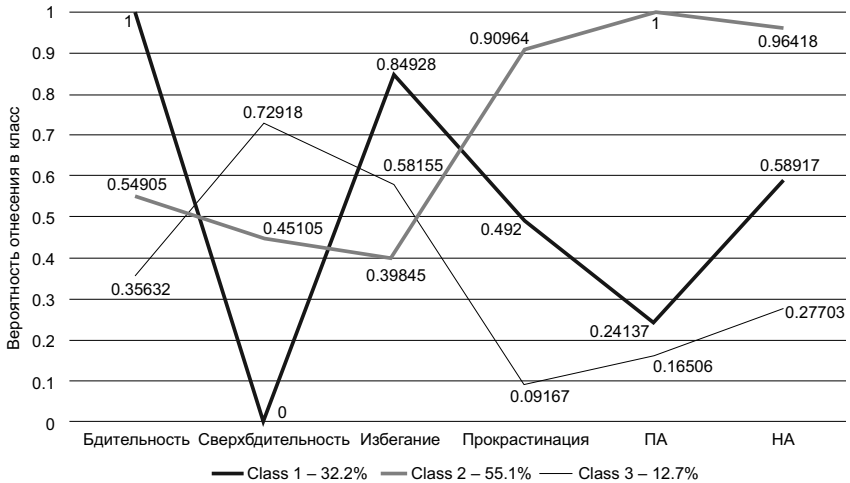

Fig. 3. Graph for three MDMQ classes in Russian sample

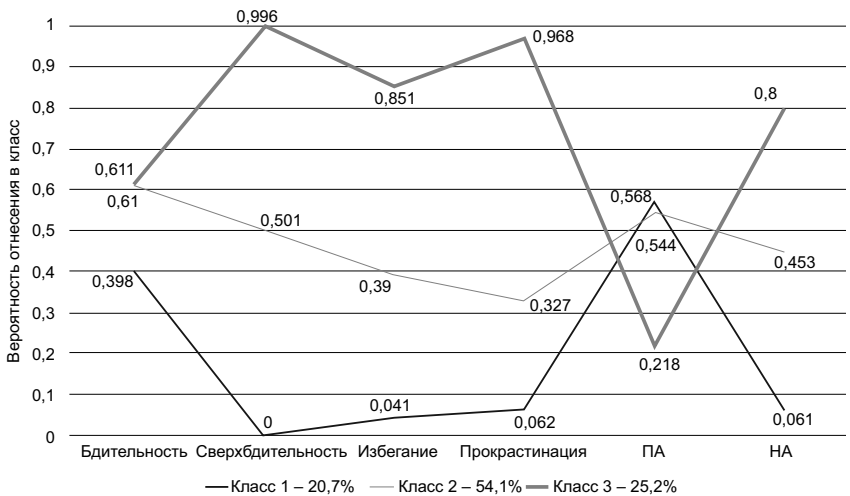

Рис. 4. График для трех классов по МОПР и ШПАНА для китайской выборки

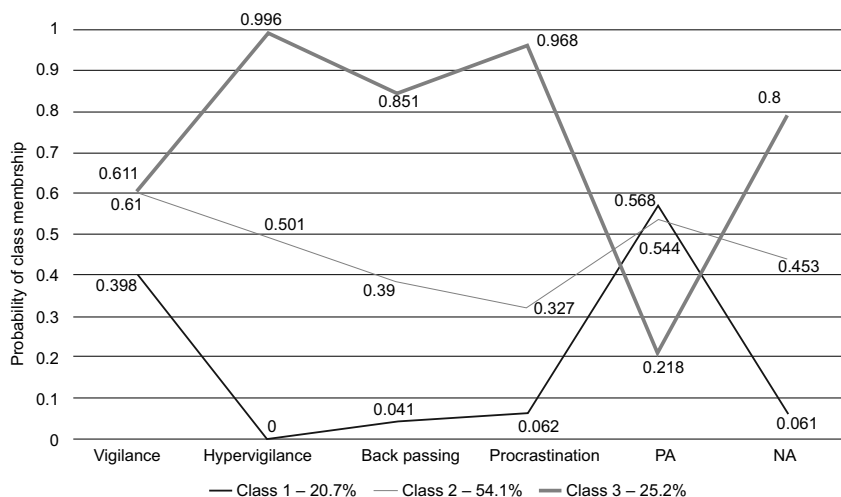

Fig. 4. Graph for three MDMQ classes in Chinese sample

Если результаты для российской выборки и для китайских мужчин об отсутствии связей между продуктивным и непродуктивными копингами соответствуют литературным данным о применении МОПР в других странах (Cotrena et al., 2017; Pitel, Mentel, 2017), то связи продуктивного и всех непродуктивных копингов у китайских женщин противоречат им. Для всех россиян и китайских мужчин стиль *бдительность* помогает преодолеть «бремя усилий» при ПР. Однако согласно теории И. Джениса и Л. Манна, позитивный и негативный копинг-стили не являются двумя полюсами одной шкалы. Это проявилось в том, что для китайских женщин следование *бдительности* не означает, что они при этом меньше используют непродуктивные копинги, что, возможно, означает большую эмоциональную включенность и «личностную цену» ПР — большие усилия по соответствующей шкале в модели мультипликативной регуляции ПР (Корнилова, 2016).

По результатам обеих культурных выборок принимается гипотеза 2 о связи продуктивного копинга *бдительность* с позитивным аффектом, а непродуктивных копингов — с негативным аффектом. Это соответствует также связям эмоционального интеллекта с показателями по опроснику PANAS (Andrei, Petrides, 2013). Таким образом, нами установлена предполагаемая роль эмоциональных процессов в становлении стилей ПР; гипотеза 2 принимается для обеих выборок.

Несмотря на то, что мы выявили различия между культурными выборками по величине переменных — большей *бдительности* у россиян и *избегания* (перекладывания ответственности) и *сверхбдительности* у китайцев, изначально мы рассматривали именно сопутствие разной выраженности копингов внутри культурных выборок в качестве основания для проверки гипотезы о специфике стилевой регуляции принятия решений.

Кросс-культурное сравнение *латентных профилей* выявило общность в 2-х типах, установленных у россиян и китайцев: по соотношению средней выраженности продуктивного копинга и различиям в выраженности непродуктивных. Таким образом, гипотеза 3 о возможных кросс-культурных различиях в стилевой регуляции ПР отвергается. Двухкластерное решение для российской выборки соответствует данным предыдущего исследования десятилетней давности (Корнилова, 2013), также с основным отличием по выраженности непродуктивных копингов; но теперь оно более равномерное по количественному составу классов; для китайской выборки это получено впервые, как и возможное выделение третьего профиля.

Выводы

1. Поскольку не наблюдается кросс-культурных различий в латентных профилях стилевой регуляции принятия решений между китайской и российской выборками, следует считать верифицированной гипотезу об их сходстве. Анализ латентных профилей позволил (при трехкластерном решении) проявить более тонкие различия в особенностях малых групп, дающих нетривиальные сочетания продуктивного копинга *бдительность* и непродуктивных копингов *избегания*, *прокрастинации* и *сверхбдительности*.

2. Гипотеза о различиях стилевой регуляции по полу верифицирована с уточнением специфики в выборке китайских женщин; в этом аспекте кросс-культурное отличие отражается в сопутствии у них роста показателя продуктивного стиля *бдительность* с увеличением показателей роста и всех непродуктивных копингов.

3. Установлены также следующие различия по высоте стилевых переменных: в российской выборке это большие показатели непродуктивных стилей у женщин (по сравнению с мужчинами) и снижение показателей непродуктивных копингов в целом по российской выборке.

4. В обеих выборках продуктивный стиль регуляции ПР — *бдительность* — положительно связан с позитивным аффектом, а непродуктивные стили — с негативным аффектом.

Ограничения

Поскольку остался не решенным вопрос о предпочтительности выделения 2-х или 3-х классов латентных профилей в обеих выборках, то возможно, что увеличение числа участников поможет определиться в этом. Более достоверными будут выводы на больших выборках, которые могут включать также данные о профессиональных сдвигах в диагностируемых показателях индивидуально-личностной регуляции принятия решений.

Литература

- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования: (электронный журнал). 2013. Т. 6, № 31. С. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671/353> (дата обращения: 07.12.2021).
- Корнилова Т.В., Корнилов С.А. Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 36–47. <https://doi.org/10.31857/S020595920015189-3>
- Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный–Опытный» (Rational–Experiential Inventory) // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 92–107. <https://doi.org/10.7868/S0205959217030084>
- Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 91–110.
- Разваляева А.Ю. Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2021.
- Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Andreï, F., Petrides, K.V. (2013). Trait emotional intelligence and somatic complaints with reference to positive and negative mood. *Psihologija*, 46 (1), 5–15. <https://doi.org/10.2298/PSI1301005A>
- Bouckenooghe, D., Vanderheyden, K., Mestdagh, S., van Laethem, S. (2007). Cognitive motivation correlate of coping style in decisional conflict. *The Journal of Psychology*, 141 (6), 605–625. <https://doi.org/10.3200/JRLP.141.6.605-626>
- Cotrena, C., Branco, L.D., Fonseca, R.P. (2017). Adaptation and validation of the Melbourne Decision Making Questionnaire to Brazilian Portuguese. *Trends Psychiatry and Psychotherapy*, 40, 1, 29–37. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2017-0062>

Di Fabio, A. (2006). Decisional procrastination correlates: Personality traits, self-esteem or perception of cognitive failure? *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 6, 109–122. <https://doi.org/10.1007/s10775-006-9000-9>

Di Schiena, R., Luminet, O., Chang, B., Philippot, P. (2013). Why are depressive individuals indecisive? Different modes of rumination account for indecision in non-clinical depression. *Cognitive Therapy Research*, 37, 713–724. <https://doi.org/10.1007/s10608-012-9517-9>

Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V., Heier, H. (1996). Individual differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking Styles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (2), 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>

Isaksson, U., Hajdarević, S., Jutterström, L., Hörnsten, Å. (2014). Validity and reliability testing of the Swedish version of Melbourne Decision Making Questionnaire. *Scand. Journal of Caring Sci.*, 28 (2), 405–412. <https://doi.org/10.1111/scs.12052>

Janis, I., Mann, L. (1977). *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice and Commitment*. New York: The Free Press.

Kamhalová, I., Halama, P., Gurnáková, J. (2013). Affect regulation and decision making in healthcare professionals: Typology approach. *Studia Psychologica*, 55(1), 19–31.

Kornilova, T.V., Zhou, Q. (2021). Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, 11 (10), 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137>

Li, H., Tingzhong, Y., Zhongmin, J. (2003). Исследование применимости шкалы позитивно-негативных эмоций к китайской популяции. *Китайский журнал психического здоровья*, 17 (1), 54–56. (In Chinese).

Mann, L., Burnett, P., Radford, M., Ford, S. (1997). The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10 (1), 1–19. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199703\)](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199703)10(1)<1::AID-DBM1099-0771(199703)>3.0.CO;2-3)

Misuraca, R., Faraci, P., Gangemi, A., Carmeci, F.A., Miceli, S. (2015). The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*, 85, 111–116. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.043>

Pitel, L., Mentel, A. (2017). Decision-Making styles and subjective performance evaluation of decision-making quality among hospital nurses. *Studia Psychologica*, 59 (3), 217–231. <https://doi.org/10.21909/sp.2017.03.742>

Sari, E. (2008). The relations between decision making in social relationships and decision making styles. *World Applied Sciences Journal*, 3 (3), 369–381.

Urieta, P., Aluja, A., Garcia, L.F., Balada, F., Lacomba, E. (2021). Decision-Making and the alternative Five Factor Personality Model: Exploring the role of personality traits, age, sex and social position. *Frontiers Psychology*, 12, 717705. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717705>

Wang, Y., Xu, F., Qin, F. (2019). The Influence of enneagram on decision style: Mindfulness as mediator variable. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 266–281. <https://doi.org/10.4236/jss.2019.74021>

Watson, D., Clark, L.A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 154 (6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>

Zirenko, M.S., Kornilova, T.V., Zhou, Q., Izmailova, A. (2021). Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China). *Personality and Individual Differences*, 170, 110418. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110418>

References

Andrei, F., Petrides, K.V. (2013). Trait emotional intelligence and somatic complaints with reference to positive and negative mood. *Psychology*, 46 (1), 5–15. <https://doi.org/10.2298/PSI1301005A>

Bouckenooghe, D., Vanderheyden, K., Mestdagh, S., van Laethem, S. (2007). Cognitive motivation correlates of coping style in decisional conflict. *The Journal of Psychology*, 141 (6), 605–625. <https://doi.org/10.3200/JRLP.141.6.605-626>

Chumakova, M.A. (2010). Lichnostnye predposylki ratsional'nogo vybora v usloviyakh neopredelennosti: Dis. ... kand. psikhol. nauk. (Personal prerequisites for rational choice under conditions of uncertainty: dissertation). Cand.Sci. (Psychology). M.: MGU. (in Russ.).

Cotrena, C., Branco, L.D., Fonseca, R.P. (2017). Adaptation and validation of the Melbourne Decision Making Questionnaire to Brazilian Portuguese. *Trends Psychiatry and Psychotherapy*, 40, 1, 29–37. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2017-0062>

Di Fabio, A. (2006). Decisional procrastination correlates: Personality traits, self-esteem or perception of cognitive failure? *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 6, 109–122. <https://doi.org/10.1007/s10775-006-9000-9>

Di Schiena, R., Luminet, O., Chang, B., Philippot, P. (2013). Why are depressive individuals indecisive? Different modes of rumination account for indecision in non-clinical depression. *Cognitive Therapy Research*, 37, 713–724. <https://doi.org/10.1007/s10608-012-9517-9>

Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V., Heier, H. (1996). Individual differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking Styles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (2), 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>

Isaksson, U., Hajdarević, S., Jutterström, L., Hörnsten, Å. (2014). Validity and reliability testing of the Swedish version of Melbourne Decision Making Questionnaire. *Scand. Journal of Caring Sci.*, 28 (2), 405–412. <https://doi.org/10.1111/scs.12052>

Janis, I., Mann, L. (1977). *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice and Commitment*. New York: The Free Press.

Kamhalová, I., Halama, P., Gurňáková, J. (2013). Affect regulation and decision making in healthcare professionals: Typology approach. *Studia Psychologica*, 55 (1), 19–31.

Kornilova, T.V. (2016). *Intellectual and personal potential in conditions of uncertainty and risk*. SPb.: Publishing House Nestor Istoriya (In Russ.).

Kornilova, T.V. (2013). Melbourne Decision Making Questionnaire: A Russian Adaptation. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 6 (31), 4.

(Retrieved from <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/671/353>)
(review date: 07.12.2021). (In Russ.).

Kornilova, T.V., Kornilov, S.A. (2021). Latent profiles of personality traits related to decision making about social distancing (in Russia and Azerbaijan). *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 42 (3), 36–47. <https://doi.org/10.31857/S020595920015189-3> (In Russ.).

Kornilova, T.V., Razvaliaeva, A.Yu. (2017). The rationality and intuition scales in S. Epstein's questionnaire REI (Russian approbation of the full version). *Psychological Journal*, 38 (3), 92–107. <https://doi.org/10.7868/S0205959217030084> (In Russ.).

Kornilova, T.V., Zhou, Q. (2021). Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, 11 (10), 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137>

Kozeletsky, Yu. (1979). Psychological decision theory. M.: Progress. (In Russ.).

Li, H., Tingzhong, Y., Zhongmin, J. (2003). Study of the applicability of the scale of positive-negative emotions to the Chinese population. *Chinese Journal of Mental Health*, 17 (1), 54–56.

Mann, L., Burnett, P., Radford, M., Ford, S. (1997). The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10 (1), 1–19. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199703\)](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199703)10(1)<1::AID-JBDM1001>3.0.CO;2-3)

Misuraca, R., Faraci, P., Gangemi, A., Carmeci, F.A., Miceli, S. (2015). The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*, 85, 111–116. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.043>

Osin, E.N. (2012). Measuring Positive and Negative Emotions: Development of a Russian-Language Analogue of the PANAS Method. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 9 (4), 91–110. (In Russ.).

Pitel, L., Mentel, A. (2017). Decision-Making styles and subjective performance evaluation of decision-making quality among hospital nurses. *Studia Psychologica*, 59 (3), 217–231. <https://doi.org/10.21909/sp.2017.03.742>

Razvaliaeva, A.U. (2021). Ratsional'nost' i intuitsiya kak lichnostnye faktory prinyatiya reshenij: diss. ... kand. psihol. nauk. (Rationality and intuition as personal decision-making factors: dissertation). Cand.Sci. (Psychology). M.: MGU. (In Russ.).

Sari, E. (2008). The relations between decision making in social relationships and decision making styles. *World Applied Sciences Journal*, 3 (3), 369–381.

Urieta, P., Aluja, A., Garcia, L.F., Balada, F., Lacomba, E. (2021). Decision-Making and the alternative Five Factor Personality Model: Exploring the role of personality traits, age, sex and social position. *Frontiers Psychology*, 12, 717705. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717705>

Wang, Y., Xu, F., Qin, F. (2019). The Influence of enneagram on decision style: Mindfulness as mediator variable. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 266–281. <https://doi.org/10.4236/jss.2019.74021>

Watson, D., Clark, L.A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 154 (6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>

Zirenko, M.S., Kornilova, T.V., Zhou, Q., Izmailova, A. (2021). Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China). *Personality and Individual Differences*, 170, 110418. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110418>

Поступила: 24.12.2022

Получена после доработки: 24.05.2023

Принята в печать: 18.07.2023

Received: 24.12.2022

Revised: 24.05.2023

Accepted: 18.07.2023

Приложения

Таблица I

Сравнение показателей МОПР российской и китайской выборок

	Бдительность	Сверхбдительность	Избегание	Прокрастинация
U Манна — Уитни	21310,000	25056,000	30625,500	32979.500
W Вилкоксона	58438,000	58726,000	64295,500	66649,500
Z	-7,970	-5,793	-2,616	-1,277
Асимп. значимость (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,009	0,201

Table I

Comparison of the indicators of MDMQ for Russian and Chinese samples

	Vigilance	Hypervigilance	Back Passing	Procrastination
U Mann — Whitney	21310.000	25056.000	30625.500	32979.500
W Wilcoxon	58438.000	58726.000	64295.500	66649.500
Z	-7.970	-5.793	-2.616	-1.277
P-value (2-tailed)	0.000	0.000	0.009	0.201

Таблица II

Сравнение показателей МОПР российской и китайской выборок по возрасту от 18 до 22 лет и группы от 22 до 35 лет

Страна		Бдительность	Сверхбдительность	Избегание	Прокрастинация
Россия	U Манна — Уитни	4364,500	2570,500	2488,000	2519,500
	W Вилкоксона	6849,500	5055,500	4973,000	5004,500
	Z	-0,576	-5,165	-5,367	-5,285
	Асимп. знач. (двухсторонняя)	0,565	0,000	0,000	0,000
Китай	U Манна — Уитни	5527,500	5748,500	5682,000	5758,000
	W Вилкоксона	12548,500	12769,500	12703,000	12779,000
	Z	-1,051	-0,577	-0,717	-0,556
	Асимп. знач. (двухсторонняя)	0,293	0,564	0,473	0,578

Table II

Comparison of indicators of MDMQ in Russian and Chinese samples by age from 18 to 22 years and from 22 to 35 years

Country		Vigilance	Hyper-vigilance	Back-Passing	Procrastination
Russia	U Mann-Whitney	4364.500	2570.500	2488.000	2519.500
	W Wilcoxon	6849.500	5055.500	4973.000	5004.500
	Z	-0.576	-5.165	-5.367	-5.285
	P-value (2-tailed)	0.565	0.000	0.000	0.000
China	U Mann-Whitney	5527.500	5748.500	5682.000	5758.000
	W Wilcoxon	12548.500	12769.500	12703.000	12779.000
	Z	-1.051	-0.577	-0.717	-0.556
	P-value (2-tailed)	0.293	0.564	0.473	0.578

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Васильевна Корнилова — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, tvkornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>

Цзянь Оуян — выпускница магистратуры кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ouzy2020spbu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2787-6093>

Лидия Баировна Максарова — студентка кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, maksarovalydia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1176-6633>

ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Kornilova — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, tvkornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>

Ouyan Ziyan — Graduate Student at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, ouzy2020spbu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2787-6093>

Lydia B. Maksarova — Undergraduate Student in Psychology at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, maksarovalydia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1176-6633>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-27>

УДК 37.015.3

Взаимосвязь самоотношения старшеклассников разного пола с частотой проявления когнитивно-эмоционального конфликта

И.И. Вартанова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Резюме

Актуальность. Несмотря на значительное число исследований самоотношения, остается недостаточно изученной специфика самоотношения старшеклассников разного пола в связи с особенностями их сознательной (когнитивной) и эмоциональной регуляции.

Цель. Выявить взаимосвязь частоты проявлений когнитивно-эмоционального конфликта в ходе видеодиалога с параметрами самоотношения у учащихся старших классов разного пола.

Методы. Проявления когнитивно-эмоционального конфликта фиксировались в видеодиалоге и выявлялись на основе формализованных интегральных экспертных оценок. В ходе диалога вопросы или утверждения методики «Исследование самоотношения» С.Р. Пантитеева произносились экспериментатором. Респондент должен был развернуто отвечать вслух, и после его ответа были возможны спонтанные уточняющие вопросы и реплики экспериментатора, произносимые с целью спровоцировать когнитивно-эмоциональный конфликт и повышенную эмоциональность диалога. Диалог велся опытным психологом (женщиной).

Выборка. В исследовании участвовали 37 человек — школьники 8–11 классов (средний возраст — 15 лет, ст. откл. 1,5 года) различных городов РФ (15 юношей и 22 девушки).

Результаты. В результате корреляционного анализа выраженности 9 параметров самоотношения и частоты возникновения когнитивно-эмоционального конфликта показано, что частота конфликта связана с характером самоотношения и имеет выраженную половую специфику.

Выявлено, что у юношей обнаруживается значимая корреляция только со шкалой «закрытость — открытость», тогда как у девушек — со шкалами

«самопринятие», «самопривязанность», «внутренняя конфликтность» и «самообвинение».

Выводы. Обнаружено, что чем в большей степени юноши характеризуются открытостью, рефлексией и критичностью по отношению к себе, тем чаще у них в экспериментальной ситуации проявляется когнитивно-эмоциональный конфликт. У девушек возникновение когнитивно-эмоционального конфликта в ситуации исследования связано с понижением самопринятия (общим негативным фоном восприятия себя), самооценности (неудовлетворенностью собой и стремлением изменить себя), а также общей высокой внутренней конфликтностью и самообвинением.

Практическое применение результатов. Полученные результаты представляются важными как для дифференцированного обучения, так и для организации более эффективной психологической поддержки учащихся в рамках воспитательной работы в школе.

Ключевые слова: самосознание, эмоции, самооотношение, когнитивно-эмоциональный конфликт, пол, старшеклассники.

Для цитирования: Вартанова И.И. Взаимосвязь самооотношения старшеклассников разного пола с частотой проявления когнитивно-эмоционального конфликта // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 58–74. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-27>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-27>

Manifestation of cognitive-emotional conflict in self-attitude of high school students of different sex

Irina I. Vartanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. Despite a significant number of studies of self-attitude, the specifics of self-attitude in high school students of different sexes remains insufficiently studied due to the peculiarities of their conscious (cognitive) and emotional regulation.

Objective. The target is to identify the relationship between the frequency of manifestations of cognitive-emotional conflict during the video dialogue with the parameters of self-attitude in high school students of different sexes.

Methods. Manifestations of cognitive-emotional conflict were recorded in a video dialogue and identified on the basis of formalized integral expert assessments. During the dialogue, questions or approval of the methodology “Research of self-relationship” by S.R. Pantileev were pronounced aloud by the experimenter. The respondent had to answer aloud in detail, and after the answer spontaneous clarifying questions and remarks of the experimenter, uttered in order to provoke a cognitive-emotional conflict and to increase emotionality of the dialogue were possible. The dialogue was conducted by an experienced psychologist (woman).

Sample. The study involved 37 people — schoolchildren, grades 8–11 (average age 15 years, standard deviation 1.5 years) from different cities of the Russian Federation (15 boys and 22 girls).

Results. As a result of correlation analysis of 9 parameters of self-attitude and the frequency of occurrence of cognitive-emotional conflict, it was shown that the frequency of conflict is associated with the nature of self-attitude and has a pronounced gender specificity. It was revealed that boys have a significant correlation only with the scale “closedness — openness”, while girls — with the scales “self-acceptance”, “self-attachment”, “internal conflict” and “self-accusation”.

Conclusions. It was found that the more are young men characterized by openness, reflection and self-criticism, the more often they manifest cognitive-emotional conflict in the experimental situation. In girls, the emergence of a cognitive-emotional conflict in a research situation is associated with a decrease in self-acceptance (a general negative background of self-perception), self-worth (dissatisfaction with oneself and the desire to change oneself), as well as a general high internal conflict and self-accusation.

Practical application of the results. The results obtained are important both for differentiated education and for organizing more effective psychological support for students in the framework of educational work at school.

Keywords: self-awareness, emotions, self-attitude, cognitive-emotional conflict, gender, high school students.

For citation: Vartanova, I.I. (2023). Manifestation of cognitive-emotional conflict in self-attitude of high school students of different sex. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 58–74. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-27>

Введение

Когнитивно-эмоциональный конфликт — противоречие между сознательной (когнитивной) и эмоциональной оценкой ситуации (Vartanov et al., 2022) — можно рассматривать на нескольких уровнях. На высшем личностном уровне это долгосрочное противоречие между сознательно принятыми ценностями, нормами, правилами и непосредственными потребностями, отражаемыми эмоционально. При этом взаимодействие когнитивной сферы и эмоций имеет большое количество аспектов, которые в разных формах проявляются как в ходе нормального развития личности, так и при патологии. Как известно, развитие личности подразумевает не столько развитие интеллекта и накопление человеком знаний и навыков, сколько развитие его мотивационно-эмоциональной сферы. Как отмечал еще Л.С. Выготский (1983), существенные стадийные изменения познавательной деятельности, которые происходят в детстве и отрочестве, необходимо связаны с глубокими изменениями мотивационно-эмоциональной сферы личности ребенка.

Центральным личностным новообразованием у учащихся старшего школьного возраста является новый уровень самосознания и устойчивый образ «Я», который становится одной из центральных установок личности (Кон, 1982). В этот период формируется образ «Я-идеального». Сопоставление реальных и идеальных представлений о себе становится основой «Я-концепции», в которой можно выделить два аспекта: знание о себе и самоотношение как непосредственно-феноменологическое выражение личностного смысла «Я» (Столин 1983). У учащихся в старшем школьном возрасте происходит развитие и собственно эмоциональной сферы. Целый ряд работ посвящен исследованиям переживания увлеченности учащихся учебной деятельностью и удовольствия от нее, а также изучению различных параметров эмоционально-личностного благополучия школьников разного возраста (Карапетян, Глотова, 2018; Леонтьев и др., 2018; Лункина, 2019; Mruk, 2013). Значительное внимание обращается на связь эмоционального интеллекта с эмоциональной регуляцией и эмоциональной стабильностью (Megías-Robles et al., 2019; Lyusin, Mohammed, 2018), а также с личностными чертами и эффективностью деятельности (Дикая и др., 2020; Edobor, Joseph, 2020; Панкратова, Николаева, 2022). Показано, что понимание эмоций детьми является важным фактором социальной адаптации (Camodeca, Coppola, 2016), успешности в обучении и сотрудничестве

со сверстниками (Denham, Brown, 2010). В целом эмоциональное и когнитивное развитие тесно взаимосвязаны (Веракса, Белолуцкая, 2019).

Однако процесс развития личности в значительной степени определяется и полом ребенка, принятием им соответствующих ролей (Кон, 1982). В отечественных и зарубежных исследованиях были получены результаты, свидетельствующие о различиях психологических характеристик подростков и молодых людей разного пола и возраста (Берн, 2004; Барабанщиков, Суворова, 2022; Вартанова, 2020; Вартанова, 2022; Lupart, Cannon, Telfer, 2004; Dotterer, McHale, Crouter, 2009; Grouzet, Otis, Pelletier, 2006; Graham, et al., 2018; Vartanova, 2018). Исследования полоролевых стереотипов в психологии также показывают, что различные ожидания учителей, родительские ожидания и атрибуции влияют на самовосприятие ребенка (Берн, 2004; Вартанова, 2017; Карабанова, 2019; Dweck, Bush, 1978; Lazarides et al., 2016). Выявлено также, что половая специфика определяет и самоотношение старшеклассников (Вартанова, 2020).

Таким образом, можно ожидать, что индивидуальные варианты возникновения, развития и разрешения когнитивно-эмоционального конфликта будут определяться индивидуально-личностными характеристиками, в частности параметрами самоотношения, которые, в свою очередь, существенно зависят от пола.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи частоты проявлений когнитивно-эмоционального конфликта в ходе видеодialogа с параметрами самоотношения у учащихся старших классов разного пола.

Методы

Проявления когнитивно-эмоционального конфликта фиксировались в видеодialogе с помощью программного обеспечения Skype, позволяющего производить запись всего процесса диалога. Для выявления наличия и степени выраженности когнитивно-эмоционального конфликта использовались интегральные экспертные оценки, которые основаны на субъективном опыте экспертов — в работе участвовало два опытных психолога (женщины). Заключение о факте наличия конфликта выносилось в случае совпадения мнений обоих экспертов.

Диалог строился на основе реакций участников исследования на утверждения и вопросы экспериментатора. В качестве основных утверждений использовались пункты «Методики исследования

самоотношения» (МИС) С.Р. Пантिलеева (1993), представленной в полном варианте 110 утверждениями. Методика позволяет оценить самооотношение по 9 шкалам: 1) «закрытость», 2) «самоуверенность», 3) «саморуководство», 4) «отраженное самооотношение», 5) «самоценность», 6) «самопринятие», 7) «самопривязанность», 8) «внутренняя конфликтность», 9) «самообвинение». Проведение исследования по методике самооотношения осуществлялось как в стандартном (бланковом) варианте (когда испытуемые сами читают утверждение и ставят отметку, согласны или не согласны с ним), так и в форме видеодиалога, в ходе которого вопросы или утверждения, составляющие данную методику, произносились экспериментатором. Участник должен был отвечать вслух, согласен или не согласен он с утверждением, и почему. После его ответа экспериментатор задавал уточняющие вопросы или произносил реплику, с целью спровоцировать (через социальную желательность) когнитивно-эмоциональный конфликт и повышенную эмоциональность диалога. Диалог велся опытным психологом (женщиной) и записывался для последующего анализа.

Выборка

В основном исследовании, проводившемся в форме видеодиалога, участвовало 37 человек — школьники 8–11 классов (средний возраст девушек 14,8 лет, ст. откл. 1,5 года, юношей — 15,4 лет, ст. откл. 1,6 года) различных городов РФ (15 юношей и 22 девушки). Стандартный (бланковый) вариант опросника добровольно заполнили 147 человек, в том числе 72 юноши и 75 девушек. Их результаты использовались для того, чтобы оценить репрезентативность выборки основного исследования. Индивидуальные профили по методике МИС респондентов основного исследования равномерно представляли все варианты профилей, которые характеризуют и большую выборку.

Результаты

Для выявления взаимосвязей выраженности параметров самооотношения и частоты возникновения когнитивно-эмоционального конфликта для групп юношей и девушек был проведен корреляционный анализ (табл. 1). Для этого вычислялся коэффициент корреляции Пирсона между баллами испытуемых по шкале МИС с общим числом конфликтов, зафиксированных в интервью у данного испытуемого.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Пирсона выраженности оценок по шкалам МИС с частотой возникновения когнитивно-эмоционального конфликта

Шкала МИС	Юноши	Девушки
Шкала 1. Закрытость	-0,77*	-0,16
Шкала 2. Самоуверенность	0,01	-0,37
Шкала 3. Саморуководство	-0,50	0,02
Шкала 4. Отраженное самоотношение	0,30	-0,27
Шкала 5. Самоценность	-0,46	-0,22
Шкала 6. Самопринятие	-0,15	-0,71*
Шкала 7. Самопривязанность	-0,47	-0,45*
Шкала 8. Внутренняя конфликтность	-0,05	0,60*
Шкала 9. Самообвинение	0,12	0,59*

* $p < 0,05$.

Table 1

Correlation coefficients for assessments on the Self Attitude scales with the frequency of occurrence of cognitive-emotional conflict

Self Attitude Research Test Scales	Boys	Girls
Scale 1. Closeness	-0.77*	-0.16
Scale 2. Self-confidence	0.01	-0.37
Scale 3. Self-leadership	-0.50	0.02
Scale 4. Reflected self-attitude	0.30	-0.27
Scale 5. Value in itself	-0.46	-0.22
Scale 6. Self-acceptance	-0.15	-0.71*
Scale 7. Self-attachment	-0.47	-0.45*
Scale 8. Internal conflict	-0.05	0.60*
Scale 9. Self-incrimination	0.12	0.59*

* $p < 0.05$.

Из таблицы видно, что зависимость частоты возникновения когнитивно-эмоционального конфликта от индивидуально-личностных особенностей самоотношения существенно различается для юношей и девушек. Если у юношей обнаруживается значимая отрицательная зависимость частоты возникновения когнитивно-эмоционального конфликта только со шкалой 1, то у девушек — со шкалами 6–9. Это

означает, что чем более низкие баллы по шкале 1 МИС обнаруживаются у юношей, то есть они демонстрируют открытость и характеризуются рефлексией и критичностью по отношению к себе, тем чаще у них проявляется когнитивно-эмоциональный конфликт. Для девушек же возникновение конфликта связано с общим негативным фоном восприятия себя (отрицательный полюс шкалы 6 МИС), неудовлетворенностью собой и стремлением изменить себя (отрицательный полюс шкалы 7 МИС), а также общей высокой внутренней конфликтностью (шкала 8 МИС) и высоким самообвинением (шкала 9 МИС).

Для более детальной содержательной интерпретации результатов был проведен другой корреляционный анализ, по каждому из 110 утверждений методики в отдельности. Для этого вычислялся коэффициент корреляции Пирсона между баллом испытуемого по каждой из 9 шкал МИС и числом конфликтов, зафиксированных при ответах на отдельные вопросы, относящиеся к данной шкале, у данного испытуемого. В результате была выявлена связь частоты возникновения конфликта в выборке одного пола в ответ на конкретный вопрос со средним баллом по шкале, к которой относится вопрос. Далее в связи с большим объемом полученных результатов обсуждаются только случаи со значимыми на уровне $p < 0,05$ коэффициентами корреляции, которые для группы юношей превышали значение 0,66, а для группы девушек — 0,44. При этом полученные корреляции по отдельным вопросам могут быть значимыми, хотя по совокупности других вопросов, составляющих данную шкалу в целом, корреляции с частотой когнитивно-эмоционального конфликта (представленной в табл. 1) может и не быть.

Обсуждение результатов

С.Р. Пантилеев в своей методической работе (Пантилеев, 1993) выделил более обобщенные измерения самооотношения: 1) самоуважение, которое предполагает в большей степени когнитивную оценку себя и включает шкалы «саморуководство», «самоуверенность», «отраженное самооотношение», «закрытость» (социальная желательность «Я»); 2) аутосимпатия, включающая шкалы «самопривязанность», «самоценность», «самопринятие», выражающие чувства и переживания в адрес собственного «Я» индивида (эмоциональное отношение); 3) самоуничижение, представленное шкалами: «самообвинение» и «внутренняя конфликтность», которые характеризуются негативным эмоциональным тоном самооотношения. В данном исследова-

нии значимые корреляции с частотой когнитивно-эмоционального конфликта для девочек обнаружили только для шкал, связанных с эмоциональной оценкой себя, тогда как для мальчиков — только с одной из шкал («закрытость»), которая связана с процессом оценки себя в терминах социально значимых критериев и норм. Поэтому дальнейший более детальный анализ связей частоты когнитивно-эмоционального конфликта с отдельными утверждениями опросника МИС будет направлен именно на эти шкалы.

Шкала 1 МИС «закрытость» связана со следующими особенностями возникновения когнитивно-эмоциональных конфликтов у юношей и девушек. У юношей с низкими баллами по этой шкале (то есть отличающихся развитием рефлексии и более глубоким пониманием себя) частота возникновения конфликтов прямо коррелирует со следующими утверждениями: «Мне случалось совершать такие поступки, которым вряд ли можно найти оправдание», «У меня нередко возникают сомнения: а таков ли я на самом деле, каким себе представляюсь?», «Во мне есть немало такого, что вряд ли вызывает симпатию», «Иногда я оказываю “бескорыстную” помощь людям только для того, чтобы лучше выглядеть в собственных глазах». Согласно исследованиям А.В. Визгиной и С.Р. Пантилеева (Визгина, Пантилеев, 2001) для мужчин высокий уровень осознанности в самоописаниях — это показатель наличия эмоциональных проблем и тревожно-депрессивных тенденций, открытости своему внутреннему, в том числе негативному опыту. В тоже время у девушек с предрасположенностью к открытому и глубокому проникновению в себя конфликт проявлялся значительно реже, частота его возникновения была связана только с несколькими утверждениями другого содержания: «Иногда я пытаюсь выдать себя не за того, кто я есть», «Порой мне кажется, что я какой-то странный». В исследовании показано, что для женщин открытое отношение к себе — это естественная характеристика общения, свидетельствующая о стремлении к самовыражению (Визгина, Пантилеев, 2001). У юношей закрытость и выраженная мотивация социального одобрения уменьшает вероятность возникновения когнитивно-эмоциональных конфликтов. Ранее (Вартанова, 2017) показано, что потребность в самореализации у девушек и юношей в старших классах связана с различными системами ценностей. Юноши в большей степени, чем девушки, в своем ценностно-смысловом поле связывают самореализацию с социальным контекстом (потребность в уважении и признании социальным окружением). Это хорошо согласуется с полученными результатами

возникновения конфликта между разными уровнями регуляции — сознательным и эмоциональным.

Результаты нашего исследования показали, что обобщенные факторы «аутосимпатии» (шкалы 5, 6, 7) и «самоуничужения» (шкалы 8 и 9), базирующиеся на «эмоциональных чувствах» (Пантилеев, 1993), более чувствительны для диагностики эмоционально-когнитивного конфликта у девушек.

При понижении значений по шкале 6 МИС «самопринятие» (снижение симпатии к себе) у юношей чаще встречались конфликты в ответ на следующие утверждения: «Думаю, что без труда смог бы найти общий язык с любым разумным и знающим человеком», «Уверен, что в жизни я на своем месте», «Мое отношение к самому себе можно назвать дружеским», «У меня не получается быть для любимого человека интересным длительное время». В исследованиях показано, что для мужчин важно соответствовать ожиданиям социума, нормативным требованиям (Берн, 2004), это способствует самопринятию, в то время как чувство своего несоответствия социальным нормам (ожиданиям) означает внутреннюю конфликтность и самообвинение (Визгина, Пантилеев, 2001). В то же время у девушек со сниженной симпатией к себе чаще вызывают конфликт утверждения другого содержания, например: «Мне случалось совершать такие поступки, которым вряд ли можно найти оправдание», «Именно богатство и глубина моего внутреннего мира и определяют мою ценность как личности», «Иногда я сомневаюсь, можно ли любить меня по-настоящему», «Мне кажется, что мало кто может подумать обо мне плохо», «Мое мнение имеет достаточный вес в глазах окружающих». Это согласуется с исследованиями (Берн, 2004; Визгина, Пантилеев, 2001), в которых показано, что у женщин позитивная оценка себя связана в большей степени, чем у мужчин, со сферой межличностных отношений. В упомянутом исследовании А.В. Визгиной и С.Р. Пантилеева также показано, что у женщин позитивная оценка себя тесно связана с уверенностью, саморуководством и самооценностью.

У девушек с пониженной самопривязанностью, при неудовлетворенности собой и желающих развивать собственное «Я» (шкала 7 МИС) когнитивно-эмоциональный конфликт чаще вызывают такие утверждения, как: «Во мне вполне мирно уживаются как мои достоинства, так и мои недостатки», «Можно сказать, что я себе нравлюсь», «Многие мои знакомые не принимают меня так уж всерьез», «Сама у себя я довольно часто вызываю чувство раздражения», «Сомневаюсь, что вызываю симпатию у большинства окружающих». В то время

как у юношей, неудовлетворенных собой, конфликт проявляется в многочисленных утверждениях другого содержания, например: «Мне еще многого не хватает, чтобы с уверенностью сказать себе: да, я вполне созрел как личность», «Мне слишком часто и безуспешно приходится оправдываться перед самим собой». Таким образом, у девушек в большей степени выражено желание изменить себя в соответствии с идеальными представлениями. Это согласуется с результатами исследования (Вартанова, 2020), в котором показано, что с возрастом у старших девочек самоотношение часто связано с сильным желанием изменений и развития собственного «Я», склонностью к рефлексии, сомнениям и неудовлетворенности собой.

У девушек при повышении значений по шкале 8 МИС «Внутренняя конфликтность» (внутренние конфликты, сомнения, несогласие с собой) частота возникновения конфликтов проявляется в следующих утверждениях: «Когда я пытаюсь оценить себя, я прежде всего вижу свои недостатки», «Если бы мое второе “Я” существовало, то для меня это был бы довольно скучный партнер по общению», «Во мне вполне мирно уживаются как мои достоинства, так и мои недостатки», «То, что со мной случается, — это дело моих собственных рук». В исследовании (Пантилеев, 1993) показано, что данный аспект самоотношения сопровождается тревожно-депрессивными состояниями и низкой самооценкой. Для юношей ни с одним из утверждений, составляющих данную шкалу, значимых корреляций не обнаружено.

Аналогично баллы по шкале 9 МИС «самообвинение» (выраженность отрицательных эмоций в адрес «Я») только у девушек связаны с частотой возникновения конфликтов, проявившихся в ответ на следующие утверждения: «В моей личности есть, наверное, что-то такое, что способно вызвать у других острую неприязнь», «Я вполне могу сказать, что уважаю сам себя», «Сам у себя я довольно часто вызываю чувство раздражения», «Многие мои знакомые не принимают меня так уж всерьез». Как показано С.Р. Пантилеевым (Пантилеев, 1993), направленность на самообвинение сопровождается внутренней напряженностью и существованием устойчивых аффективных комплексов.

В целом шкалы «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» в нашем исследовании значимо коррелируют с когнитивно-эмоциональным конфликтом только у девушек. Таким образом, как показали наши исследования, для данной выборки юношей не характерно чувство конфликтности и амбивалентности, направленное на себя. Это согласуется с данными о том, что при стремлении мужчин со-

ответствовать ожиданиям социума и нормативным требованиям у них отсутствуют внутренняя конфликтность и самообвинение (Пантилеев, 1993).

Таким образом, полученные результаты представляются важными как для дифференцированного обучения, так и для организации более эффективной психологической поддержки учащихся в рамках воспитательной работы в школе. Отношение личности к собственному «Я» оказывает существенное влияние на поведение учащегося, а также связано с возникновением и разрешением когнитивно-эмоциональных конфликтов. Данные результаты могут иметь большое значение для перспективных исследований особенностей проявления и разрешения когнитивно-эмоциональных конфликтов, в том числе в телекоммуникативном диалоге, а также в разработке компьютеризированных средств его диагностики.

Выводы

1. Показано, что зависимость частоты возникновения когнитивно-эмоционального конфликта от индивидуально-личностных особенностей самооотношения имеет выраженную половую специфику (существенно различается для юношей и девушек).

2. Обнаружено, что чем в большей степени юноши характеризуются открытостью, рефлексией и критичностью по отношению к себе, тем чаще у них в экспериментальной ситуации проявляется когнитивно-эмоциональный конфликт.

3. Показано, что у девушек возникновение когнитивно-эмоционального конфликта в ситуации исследования связано с понижением самопринятия (общим негативным фоном восприятия себя), самооценности (неудовлетворенностью собой и стремлением изменить себя), а также общей высокой внутренней конфликтностью и самообвинением.

4. В отличие от юношей, у девушек при повышении значений по шкалам «Самообвинение» и «Внутренняя конфликтность» частота возникновения когнитивно-эмоционального конфликта повышается в ответ на ряд утверждений.

Ограничения

Возможно, на частоту возникновения когнитивно-эмоционального конфликта влияют также и другие факторы — личностные и характерологические особенности, однако они не были предметом исследования в данной работе.

Литература

Барабанчиков В.А., Суворова Е.В. Гендерный фактор в распознавании эмоционального состояния человека по его аудио-видеоизображениям // *Российский психологический журнал*. 2022. Т. 19, № 2. С. 6–20. <https://doi.org/10.21702/grj.2022.2.1>

Берн Ш. Гендерная психология: пер. с англ. М.: Прайм-Еврознак, 2004.

Вартанова И.И. Психологические особенности мотивации и ценностей у старшеклассников разного пола // *Психологическая наука и образование*. 2017. Т. 22, № 3. С. 63–70. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220307>

Вартанова И.И. Возрастная специфика взаимосвязи эмоционального и поведенческого компонентов школьной мотивации // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2022. № 2. С. 108–127. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.05>

Вартанова И.И. Эмоциональное отношение к школе и самоотношение старшеклассников различного пола и возраста // *Психологическая наука и образование*. 2020. Т. 25, № 2. С. 40–48. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250>

Веракса Н.Е., Белолуцкая А.К. Взаимосвязь эмоционального и когнитивного развития детей дошкольного и школьного возраста: обзор исследований // *Вопросы психологии*. 2019. № 5. С. 132–142.

Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоопиcаниях мужчин и женщин // *Вопросы психологии*. 2001. № 3. С. 91–100.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.

Дикая Л.А., Обухова Ю.В., Егорова В.А., Егоров И.Н. Особенности взаимосвязей эмоционального интеллекта и личностных черт у социально активных студентов // *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17, № 4. С. 34–48. <https://doi.org/10.21702/grj.2020.4.3>

Карабанова О.А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания. // *Национальный психологический журнал*. 2019. № 3. С. 71–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0308>

Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2018. № 2. С. 76–88.

Кон И.С. Психология старшеклассника. Москва: Просвещение, 1982.

Леонтьев Д.А., Осин Е. Н., Досумова С.Ш., Рзаева Ф.Р., Бобров В.В. Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием // *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23, № 6. С. 55–66.

Лункина М.В. Основания самоуважения подростков и удовлетворенность базовых потребностей как источники психологического благополучия // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2019. № 1. С. 214–219.

Панкратова А.А., Николаева М.Е. Связь эмоционального интеллекта с эффективностью деятельности и качеством профессиональной жизни у начинающих психологов-консультантов // *Психолого-педагогические исследования*. 2022. Т. 14, № 3. С. 21–37. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140302>

- Пантилеев С.Р. Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 1993.
- Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Samodoca, M., Coppola, G. (2016). Bullying, empathic concern, and internalization of rules among preschool children: The role of emotion understanding. *International Journal of Behavioral Development*, 40 (5), 459–465. <https://doi.org/10.1177/0165025415607086>
- Denham, S.A., Brown, C. (2010). “Plays nice with others”: Social-emotional learning and academic success. *Early Education and Development*, 21 (5), 652–680. <https://doi.org/10.1080/10409289.2010.497450>
- Dotterer, A., McHale, S., Crouter, A. (2009). The development and correlates of academic interests from childhood through adolescence. *Journal of Educational Psychology*, 101 (2), 509–519.
- Dweck, C.S., Bush, E.S. (1978). Sex differences in learned helplessness: I. Differential debilitation with peer and adult evaluators. *Developmental Psychology*, 11, 147–156.
- Edobor, O.J., Joseph, O.I. (2020). Personality traits and birth order as correlate of emotional intelligence among secondary school students in Delta State. *KIU Journal of Social Sciences*, 6 (1), 137–144.
- Graham, B.M., Denson, T.F., Barnett, J., Calderwood, C., Grisham, J.R. (2018). Sex hormones are associated with rumination and interact with emotion regulation strategy choice to predict negative affect in women following a sad mood induction. *Frontiers in psychology*, 9, 937–948. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00937>
- Grouzet, F.M., Otis, N., Pelletier, L.G. (2006). Longitudinal cross-gender factorial invariance of the Academic Motivation Scale. *Structural Equation Modeling*, 13, 73–98. https://doi.org/10.1207/s15328007sem1301_4
- Lazarides, R., Viljaranta J., Aunola K., Pesu L., Nurmi, J. (2016). The role of parental expectations and students’ motivational profiles for educational aspirations. *Learning and Individual Differences*, 51, 29–36.
- Lupart, J. L., Cannon E., Telfer, J.A. (2004). Gender differences in adolescents academic achievement, interests, values and life-role expectations. *High Abilities Studies*, 15 (1), 28–39.
- Lyusin, D., Mohammed, A.R. (2018). Are emotionally intelligent people more emotionally stable? An experience sampling study. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 88/ PSY/2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3110738>
- Megías-Robles, A., Gutiérrez-Cobo, M. J., Gómez-Leal, R., Cabello, R., Gross, J.J., Fernández-Berrocal, P. (2019). Emotionally intelligent people reappraise rather than suppress their emotions. *PLoS One*, 14 (8), e0220688. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220688>
- Mruk, C.J. (2013). Self-esteem and positive psychology: research, theory, and practice. New York: Springer.
- Vartanov, A.V., Neroznikova, Yu.M., Izbasarova, S., Artamonov, I.M., Artamonova, Y.N., Vartanova, I.I. (2022). Remote identification of psychophysiological parameters for a cognitive-emotional conflict. *Cognitive Systems Research*, 72, 80–87.
- Vartanova, I.I. (2018). Motivations of high school students of different sex and age. *Psychology in Russia: State of the Art*. 11 (3), 209–224.

References

Barabanshchikov, V.A., Suvorova, Ye.V. (2022). Gender factor in recognizing the emotional state of a person by his audio-video images. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 19 (2), 6–20. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.1> (In Russ.).

Bern, Sh. (2004). *Gender Psychology*. Moscow: Praym-Evroznak. (In Russ.).

Camodeca, M., Coppola, G. (2016). Bullying, empathic concern, and internalization of rules among preschool children: The role of emotion understanding. *International Journal of Behavioral Development*, 40 (5), 459–465. <https://doi.org/10.1177/0165025415607086>

Denham, S.A., Brown, C. (2010). “Plays nice with others”: Social-emotional learning and academic success. *Early Education and Development*, 21 (5), 652–680. <https://doi.org/10.1080/10409289.2010.497450>

Dikaya, L.A., Obukhova, Yu.V., Egorova, V.A., Egorov, I.N. (2020). Peculiarities of Relationships between Emotional Intelligence and Personality Traits in Socially Active Students. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 17 (4), 34–48. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.3>. (In Russ.).

Dotterer, A., McHale, S., Crouter, A. (2009). The development and correlates of academic interests from childhood through adolescence. *Journal of Educational Psychology*, 101 (2), 509–519.

Dweck, C.S., Bush, E.S. (1978). Sex differences in learned helplessness: I. Differential debilitation with peer and adult evaluators. *Developmental Psychology*, 11, 147–156.

Edobor, O.J., Joseph, O.I. (2020). Personality traits and birth order as correlate of emotional intelligence among secondary school students in Delta State. *KIU Journal of Social Sciences*, 6 (1), 137–144.

Graham, B.M., Denson, T.F., Barnett, J., Calderwood, C., Grisham, J.R. (2018). Sex hormones are associated with rumination and interact with emotion regulation strategy choice to predict negative affect in women following a sad mood induction. *Frontiers in psychology*, 9, 937–948. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00937>

Grouzet, F.M., Otis, N., Pelletier, L.G. (2006). Longitudinal cross-gender factorial invariance of the Academic Motivation Scale. *Structural Equation Modeling*, 13, 73–98. https://doi.org/10.1207/s15328007sem1301_4

Karabanova, O.A. (2019). In search of the optimal style of parenting. *National Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 3, 71–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0308>. (In Russ.).

Karapetyan, L.V., Glotova, G.A. (2018). Study of the parameters of emotional and personal well-being of Russian students. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 76–88. (In Russ.).

Kon, I.S. (1982). *Psychology of a high school student*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Lazarides, R., Viljaranta, J., Aunola, K., Pesu, L., Nurmi, J. (2016). The role of parental expectations and students' motivational profiles for educational aspirations. *Learning and Individual Differences*, 51, 29–36.

Leontiev, D.A., Osin, E.N., Dosumova, S.Sh., Rzayeva, F.R., Bobrov, V.V. (2018) Experiences in educational activity and their connection with psychological well-being. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 23 (6), 55–66. (In Russ.).

Lunkina, M.V. (2019). Bases of self-esteem of adolescents and satisfaction of basic needs as sources of psychological well-being. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 214–219. (In Russ.).

Lupart, J.L., Cannon, E., Telfer, J.A. (2004). Gender differences in adolescents academic achievement, interests, values and life-role expectations. *High Abilities Studies*, 15 (1), 28–39.

Lyusin, D., Mohammed, A.R. (2018). Are emotionally intelligent people more emotionally stable? An experience sampling study. *Higher School of Economics Research Paper*, WP BRP 88/ PSY/2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3110738>

Megías-Robles, A., Gutiérrez-Cobo, M.J., Gómez-Leal, R., Cabello, R., Gross, J.J., Fernández-Berrocal, P. (2019). Emotionally intelligent people reappraise rather than suppress their emotions. *PLoS One*, 14 (8), e0220688. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220688>

Mruk, C.J. (2013). *Self-esteem and positive psychology: research, theory, and practice*. New York: Springer.

Pankratova, A.A., Nikolaeva, M.E. (2022). Communication of emotional intelligence with the efficiency of activity and the quality of professional life in novice psychologists-consultants. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya (Psychological and Pedagogical Research)*, 14 (3), 21–37. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140302> (In Russ.).

Pantileev, S.R. (1991). *Self-attitude as an emotional value system*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Pantileev, S.R. (1993) *Methodology for the study of self-attitude*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Stolin, V.V. (1983). *Self-consciousness of the individual*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Vartanov, A.V., Neroznikova, Yu.M., Izbasarova, S., Artamonov, I.M., Artamonova, Y.N., Vartanova, I.I. (2022). Remote identification of psychophysiological parameters for a cognitive-emotional conflict. *Cognitive Systems Research*, 72, 80–87.

Vartanova, I.I. (2017). Psychological features of motivation and values among high school students of different sex. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 3, 197–207. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220307> (In Russ.).

Vartanova, I.I. (2018). Motivations of high school students of different sex and age. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (3), 209–224.

Vartanova, I.I. (2020) Emotional attitude to school and self-attitude of high school students of different sex and age. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 25 (2), 40–48. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250> (In Russ.).

Vartanova, I.I. (2022) Age-related specificity of the relationship between the emotional and conceptual components of school motivation. *Moscow University Psychology*

Vartanova, I.I.

Manifestation of cognitive-emotional conflict in self-attitude of high school students...

Lomonosov Psychology Journal. 2023. Vol. 46, No. 3

Bulletin (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya), 2, 108–127. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.05>. (In Russ.).

Veraksa, N.E., Belolutsкая, A.K. (2019). The relationship of emotional and cognitive development of children of preschool and school age: a review of research. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 5, 132–142. (In Russ.).

Vizgina, A.V., Pantilejev, S.R. (2001). The manifestation of personal characteristics in the self-descriptions of men and women. *Questions of Psychology*, 3, 91–100. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1983). Collected works: Problems of the development of the psyche. 3th ed. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).

Поступила: 02.03.2023

Получена после доработки: 30.04.2023

Принята в печать: 21.07.2023

Received: 02.03.2023

Revised: 30.04.2023

Accepted: 21.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Ивановна Вартанова — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, iivart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0716-9648>

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Vartanova — Cand. Sci. (Psychology), Department of Educational Psychology and Pedagogy, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, iivart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0716-9648>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 159.922.1, 159.955

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-28>

Особенности мыслительной деятельности в связи с гендерной идентичностью личности

О.Н. Арестова¹, А.С. Горшкова^{✉ 2,3}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ kitsune_2@outlook.com

Резюме

Актуальность. Статья посвящена актуальной в теоретическом и практическом плане проблеме гендерных различий в организации мыслительных процессов, которая рассматривается на примере понимания и обобщения гендерно значимого материала представителями разной гендерной идентичности (ГИ) и пола.

Цель. Выявление наличия специфики мыслительной деятельности у лиц с разной ГИ, а также изучение содержания такой специфики в случае ее обнаружения.

Методы. Для формирования выборки была использована методика диагностики ГИ (С. Бем, модификация В.А. Лабунской, М.В. Бураковой) и экспериментальные методы изучения мышления: «Толкование пословиц» — анализ продуктов интерпретации метафорических изречений, «Четвертый лишний» — анализ результатов обобщения предметных изображений.

Выборка. В исследовании приняло участие 78 человек с образованием не ниже неоконченного высшего, 39 женщин и 39 мужчин.

Результаты. Андрогинные испытуемые демонстрируют меньше всего смысловых, оценочных и агрессивных искажений смысла гендерно значимых пословиц и самый высокий, метафорический, уровень их толкования. Маскулинные испытуемые обнаруживают снижение уровня обобщения и преобладание ситуативных толкований гендерно значимых пословиц с опорой на личный опыт. Маскулинные женщины чаще допускают избирательные искажения в логике обобщения и обнаруживают непонимание

смысла пословицы. Маскулинные мужчины чаще проявляют агрессивные искажения смысла и оценочность.

Выводы. Существуют особенности мыслительной деятельности, связанные с ГИ испытуемых. Они имеют избирательный характер и связаны исключительно с пониманием и толкованием гендерно значимого материала. Тенденция к нарушению объективности мышления ярче всего проявляется у маскулинных испытуемых, особенно женщин — в силу обнаружения ими более четких противоречий между собственной социальной ситуацией и содержанием материала. Меньший процент избирательных искажений у фемининных испытуемых может объясняться возможной конформностью, которая снижает значимость гендерного материала, а у андрогинных испытуемых — являться признаком их внутренней неконфликтности, содержательной гармоничности данной темы для них.

Ключевые слова: гендерная идентичность, познавательные процессы, избирательные искажения, мыслительная деятельность, гендерный материал.

Для цитирования: Арестова О.Н., Горшкова А.С. Особенности мыслительной деятельности в связи с гендерной идентичностью личности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 75–97. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-28>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-28>

Mental activity in connection with person's gender identity

Olga N. Arestova¹, Anastasia S. Gorshkova^{✉2,3}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

✉ kitsune_2@outlook.com

Abstract

Background. The article deals with the problem of gender differences in the organization of cognitive processes, which is extremely relevant in theoretical and

practical terms. The problem is considered on the example of interpretation and generalization of gender-relevant material by representatives of different gender identity and sex.

Objective. The aim is to identify the features of thinking activity which are based on different gender identities, as well as to study the content of such features in case they are found.

Methods. To form a sample, a test method for diagnosing gender identity was used (S. Bem, modified by V.A. Labunskaya and M.V. Burakova). Experimental methods were used to study thinking. The method «Interpretation of Proverbs» analyzed the results of interpretations of metaphorical sayings. The method «The Extra Fourth» analyzed the results of generalization of the images' meaning.

Sample. 78 people with at least an incomplete higher education, 39 female and 39 male subjects took part in the study.

Results. Androgynous subjects demonstrate the least semantic, evaluative and aggressive distortions of the meaning of gender-relevant proverbs and the highest metaphorical level of their interpretation. Masculine subjects show a decrease in the level of generalization and the predominance of situational interpretations of proverbs based on their personal experience. Masculine women are more likely to have a misunderstanding of the meaning of the proverb. Masculine men are more likely to show aggressive distortions of meaning and evaluations.

Conclusions. There are features of mental activity associated with the GI of the subjects. They are selective in nature and are associated exclusively with the understanding and interpretation of gender-relevant material. The tendency to violate the objectivity of thinking is most clearly manifested in masculine subjects, especially in women — due to their discovery of clearer contradictions between their own social situation and the content of the material. A smaller percentage of selective distortions in feminine subjects may be explained by possible conformity, which reduces the importance of gender material, and in androgynous subjects it may be a sign of their internal non-conflict, meaningful harmony of this topic for them.

Keywords: gender identity, cognitive processes, selective distortions, thinking activity, gender-relevant material.

For citation: Arestova, O.N., Gorshkova, A.S. (2023). Mental activity in connection with the person's gender identity. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 75–97. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-28>

Введение

Проблема исследования. Вопрос о специфике мышления в связи с гендерной принадлежностью человека находится на пересечении острейших социальных и исследовательских тенденций современно-

сти. При достаточно хорошей разработанности — конечно, с учетом принципиальной неисчерпаемости темы — проблемы личностной, в частности, мотивационно-смысловой регуляции мышления (Арестова, 2009; Леонтьев, 2004; Арестова, Савченко, 2010; Тихомиров, 2008, Матюшкина, 2004), данный аспект все еще остается в тени. Этот факт объясняется высокой социальной значимостью и острой полемичностью вопросов установления различий в мыслительных процессах, связанных с половой и гендерной принадлежностью. Между тем исследования личностной регуляции мышления вряд ли полноценны при игнорировании или избегании вопроса о гендерных ожиданиях и детерминантах, буквально пронизывающих социализационные процессы (Каган, 1989; Большакова, 2010; Куимова, 2019). Активная трансформация гендерных требований и ожиданий в настоящее время еще более обостряет значимость данного вопроса (Бендас, 2005; Burn, 1996; Клещина, 1998; Кон, 2009; Чуркина, 2017, 2018а,б; Щекотуров, 2012; Hoffman, Borders, Hattie, 2000). Интенсивно изучаются личностные аспекты феноменов расхождения пола и гендера в связи с благополучием личности (Иванова, 2018; Baker, 2014). Активно развивается представление о вербальных аспектах гендерных установок и процессов, введено понятие гендерно значимой информации (Черных, 2018; Васькова, 2006; Соловьева, 2014; Захарова, 2006).

Логично предполагать, что масштабные социальные тенденции к диалектичности и трансформационности отражаются не только в области личностных новообразований, но и захватывают познавательные процессы, в частности мышление. Такая позиция находит обоснование в обнаруженной связи между статусом мотивационно-личностного конфликта и строением мыслительной деятельности, содержательно связанной с ним (Арестова, 2006, 2007). Так, нами описан феномен избирательного искажения мыслительной деятельности, возникающего в связи с расхождением объективного содержания задачи и ее личностного смысла. Искажения могут выражаться в аффективной насыщенности, в понижении уровня обобщений, в эгоцентричности мышления и т.д.

Сложность детерминации ГИ, многообразие форм этого процесса и неоднозначность социальных реакций на результаты идентификации позволяют предположить довольно значительную аффективную насыщенность и даже напряженность связанных с этим вопросом понятийных структур (Перегудина, 2011). Понятие гендерной идентичности включает в себя отношение субъекта к этому процессу и его актуальному результату, кстати сказать, весьма

динамичному, что также служит обоснованием необходимости изучения понятийного «оформления» указанного процесса. Наиболее аффектогенной ситуацией является при этом «мораторий» — состояние открытого конфликта компонентов ГИ. Такие феномены сохраняют актуальность несмотря на активные преобразования ГИ в современных условиях, когда индивидуальность, в том числе гендерная, становится ценностью очень высокого уровня (Курбанова, 2012; Марцинковская, 2009; Чуркина, 2017). Наконец, актуальность исследования определяется структурными представлениями о ГИ (Перегудина, 2011), включающими в себя когнитивный, аффективный и семантико-символический компоненты, соотношение которых требует изучения.

Цель исследования состоит в выявлении наличия специфики мыслительной деятельности у лиц с разной ГИ, а также изучение конкретного содержания такой специфики в случае ее обнаружения.

Гипотезы исследования

1. Существует связанная с ГИ специфика мыслительной деятельности, проявляющаяся в феноменах и закономерностях протекания мышления.

2. ГИ субъекта проявляется в избирательном и связанном с содержанием задачи влиянии на мышление: в зависимости от содержательных характеристик материала она проявляется в суждениях и понимании самой задачи.

3. В содержательно нейтральном с точки зрения гендера материале мыслительная деятельность не проявляет своей специфики в связи с ГИ; специфика суждений, обобщений, понимания задачи наблюдается при связанном с гендером содержании.

Методы

1. Диагностика гендерной идентичности (С. Бем, модификация В.А. Лабунской и М.В. Бураковой) (Фетискин, 2017).

2. Методика «Четвертый лишний» в сокращённой версии (С.Я. Рубинштейн) (Лурия, 1998).

3. Модифицированная методика «Толкование пословиц» (Арестова, 2006, 2011; Беломестнова, 2003).

Выборка

В эксперименте было 78 участников: 39 мужчин и 39 женщин. Возраст испытуемых от 19 до 25 лет (мода — 21 год), образование

не ниже неоконченного высшего. По результатам проведения группировочной методики были сформированы группы из 26 маскулинных испытуемых (13 мужчин и 13 женщин), 26 андрогинных испытуемых (13 мужчин и 13 женщин) и 26 фемининных испытуемых (13 мужчин и 13 женщин).

Для анализа также использовался параметр «гармоничность ГИ», понимаемый нами как наличие или отсутствие совпадения ГИ и биологического пола. По результатам такого распределения были сформированы группы из 26 андрогинных испытуемых, 26 испытуемых с гармоничной ГИ (13 маскулинных мужчин и 13 фемининных женщин) и 26 испытуемых с дисгармоничной ГИ (13 маскулинных женщин и 13 фемининных мужчин).

Поскольку количество испытуемых с дисгармоничной ГИ на этапе отбора было существенно меньше, чем с гармоничной, а также в силу необходимости корректного применения непараметрических методов математической статистики, было принято решение уравнять численность испытуемых в выборке и группах по полу и гендеру по «нижней границе».

Стимульный материал

Одной из основных задач при конструировании исследования было создание стимульного материала, который можно было бы определить как гендерно значимый. При решении этой задачи мы исходили из современных работ в сфере гендерной лингвистики (Полякова, 2009), согласно которым конструирование гендера предполагает как прямое предписание с использованием эксплицитных гендерно маркированных лексических единиц, так и имплицитные, вложенные в структуру языка или действия механизмы гендерного самоопределения — метафора, синтаксическая организация, гендерно типичное действие и т.д. Имплицитное конструирование гендера намного сложнее, однако более информативно при анализе языковой репрезентации гендерной специфики. В качестве такового нами применялись гендерно значимые пословицы, предполагающие метафорическое воспроизведение гендерных регуляторов. Итак, при разработке методики исследования мышления нами применялось широкое понимание гендерно значимого материала как актуализирующего гендерные стереотипы (Соловьева, 2014). Данный принцип использовался нами при создании специализированного стимульного материала в методике «Толкование пословиц». Ниже представлен перечень пословиц, вошедших в исследование (табл. 1).

Таблица 1

Стимульный материал методики «Толкование пословиц»
в связи с гендерной значимостью пословиц

№	Пословица
1	Куй железо, пока горячо
2	Муж — голова, жена — шея
3	Кошку бьют, невестке понять дают
4	Цыплят по осени считают
5	Замуж выходи, в оба гляди
6	Где кабачок, там и мужичок
7	Лучше меньше, да лучше
8	Баба с возу, кобыле легче
9	Мир в семье женой держится
10	Тише едешь, дальше будешь
11	Без мужа, что без головы, без жены, что без ума
12	У бабы волос долог, да ум короток

*Примечание: полужирным шрифтом выделены нейтральные пословицы. Перевод пословиц дан буквально в связи с отсутствием англоязычных аналогов.

Table 1

Material of the method «Interpretation of the Proverbs» in connection
with the gender relevance of proverbs

№	Proverb
1	Strike the iron while it's hot
2	Husband is the head, wife is the neck
3	They beat the cat, they let the daughter-in-law understand
4	Chickens are counted in fall
5	Get married, keep your eyes open
6	Where there's a pub, there's a man
7	Less is more
8	A woman with a cart, it's easier for a mare
9	Peace in the family is kept by the wife
10	If you drive more quietly, you'll drive further
11	Being without a husband is like being without a head; being without a wife is like being without mind
12	Woman's hair is long, but her mind is short

*Note: Neutral proverbs are highlighted in bold. The translation of proverbs is given literally due to the lack of English-language analogues.

Гендерно значимые пословицы обращались к наиболее актуальным, аффектогенным и смыслонасыщенным стереотипам, тесно связанным с ГИ (семейная система и сопряженные с ней паттерны поведения; взаимоотношения «мужчина — женщина»; социальные ожидания и гендерные требования). Позитивные и негативные пословицы были уравновешены в списке.

Стимульный материал в методике «Четвёртый лишний» в связи с его образным характером не подвергался модификации, однако мы предполагали, что ответы испытуемых могут отражать гендерные установки или выявлять гендерно зависимые качества. Стимульный материал в полном объеме представлен ниже (рис. 1).

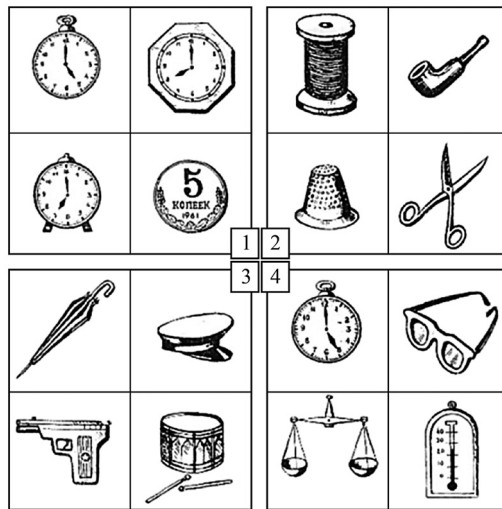

Рис. 1. Стимульный материал методики «Четвертый лишний»
Fig. 1. Material of the method «The Extra Fourth»

Результаты исследования

Результаты методики «Четвертый лишний» включали 312 ответов.

Статистический анализ различий в общем числе ошибок в группах по каждому из четырех заданий между маскулинными, феминными и андрогинными испытуемыми вне зависимости от пола приведены в табл. 2. Количество ошибок в процентах для карточек со значимыми различиями приведены на рисунке (рис. 2).

Таблица 2

p-value по χ^2 -критерию Пирсона по количеству ошибок в группах с разной
ГИ без деления по полу

	1	2	3	4
χ^2	0,527	5,022	9,244	4,105
p	0,768	0,081	0,010	0,128

Table 2

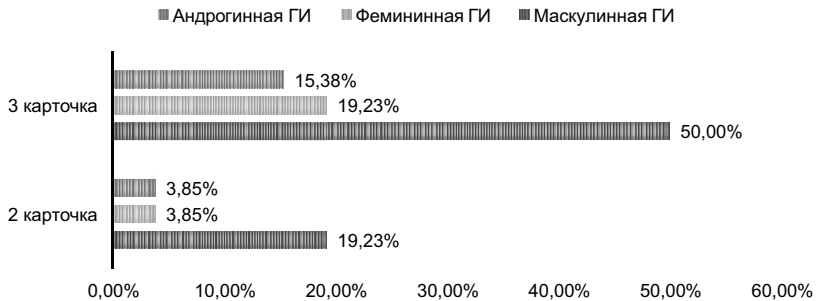
p-value according to Pearson's χ^2 -criteria for the number of errors in groups with
different gender identity without the sex criteria

	1	2	3	4
χ^2	0.527	5.022	9.244	4.105
p	0.768	0.081	0.010	0.128

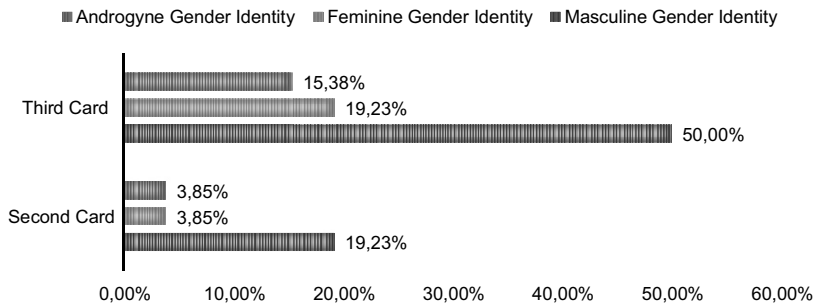
Значимые различия обнаруживаются в следующих заданиях. В задании 2 на уровне тенденции чаще ошибались маскулинные испытуемые. Ошибочные ответы в 100 % случаев предполагали выбор предмета «ножницы» с объяснением «ими можно нанести увечья или поранить». Наибольшее количество неверных ответов дали маскулинные женщины (23,08 % против 15,38 % у маскулинных мужчин).

Задание 3 чаще всего неверно выполняли маскулинные испытуемые. Большинство ошибок связаны с выбором пистолета как агрессивного предмета, чаще всего этот выбор совершали маскулинные мужчины (53,85 % ошибочных ответов). Аналогично объясняется выбор фуражки как «предмета, которым нельзя убить» (5 ошибочных ответов из 22 по данному заданию), при этом все эти ответы дали маскулинные женщины.

По методике «Толкование пословиц» было получено 936 толкований, из них 624 — на гендерно значимые пословицы, по 208 толкований на группу с каждой ГИ. Полученные толкования были обработаны по параметрам «Уровень обобщения» и «Избирательное искажение смысла» пословиц (Арестова, 2009). Результаты были закодированы в порядковую шкалу по количеству толкований разного уровня обобщения и по количеству проявлений избирательного искажения суммарно вне зависимости от их характера, что позволило применять к данным непараметрические методы статистической обработки информации (критерий Н Крускала — Уоллеса для трех выборок с дальнейшими попарными сравнениями критерием U Ман-

Рис. 2. Количество ошибок (в процентах), допущенных респондентами по типу гендерной идентичности, в отдельных карточках

Fig. 2. The number of errors (in percent) made by respondents by type of gender identity, in individual cards

на — Уитни в случае оценки количества искажений или χ^2 -критерий Пирсона в случае оценки наличия или отсутствия искажений).

Качественный анализ ответов выявил следующие уровни обобщения в толковании пословиц. Проиллюстрируем их на примере пословицы «Без мужа, что без головы, без жены, что без ума» («Being without a husband is like being without a head; being without a wife is like being without mind») (табл. 3).

Искажение смысла пословиц регистрировалось по следующим показателям: оценочность (высказывание личного отношения испытуемого к пословице, согласие или несогласие с нею); агрессивность, обесценивание пословичных высказываний; прямые и грубые искажения смысла (смысловая инверсия) (Арестова, 2007). Частота встречаемости искажений и уровень обобщения подсчитывались

отдельно для нейтральных и гендерно значимых пословиц и эти показатели сравнивались между собой для выборок с разной ГИ.

Таблица 3

Уровни обобщения с эмпирическими примерами

Уровень обобщения	Пример толкования
Метафорическое толкование	«Семья не может быть без мужа и жены. Оба помогают друг другу и не могут без друг друга»
Конкретное толкование	«Без мужа тяжело, без жены ещё тяжелее»
Ситуационное толкование	«Ну... мужчина возвращается домой, зная, что его дома ждут и не будет творить глупостей и куролесить. Так и живут»
Буквальное толкование	«Женщина, как ум, что-то решает и придумывает, а мужчина, как голова, исполняет»

Table 3

Levels of generalization with empirical examples

Level of Generalization	An Example of Interpretation
Metaphorical Interpretation	«A family cannot exist without a husband and wife. Both help each other and can't [live] without each other»
Specific Interpretation	«It's hard without a husband, and it's even harder without a wife»
Situational Interpretation	«Well ... a man returns home knowing that he's waited for, and [that's why] he will not do stupid things and play tricks. That's how they [family] live»
Literal Interpretation	«A woman is like a mind who decides and comes up with something, and a man, who's like a head, is doing it»

Различия между группами с различной ГИ в толковании нейтральных пословиц отсутствуют или статистически незначимы ($\chi^2 = 1,330$, $p = 0,514$ для метафорического уровня толкования; $\chi^2 = 0,808$, $p = 0,668$ для конкретного уровня толкования и $\chi^2 = 0,0001$, $p = 0,998$ для ситуативного уровня толкования; буквальный уровень толкования нейтральных пословиц не был выявлен в общей выборке).

Картина толкования гендерно значимых пословиц выглядит существенно иначе и отражена в табл. 4, 5.

Таблица 4

Уровень обобщения гендерно значимых пословиц в группах с различной ГИ

ГИ	Гендерно значимые пословицы			
	Метафорическое	Конкретное	Ситуативное	Буквальное
Маскулинные	58	62	73	15
Фемининные	90	71	29	18
Андрогинные	154	38	11	5

Table 4

The level of generalization of gender-relevant proverbs in groups with different gender identity

Gender Identity	Gender-Relevant Proverbs			
	Metaphorical	Specific	Situational	Literal
Masculine	58	62	73	15
Feminine	90	71	29	18
Androgyne	154	38	11	5

Внутри группы испытуемых с каждой ГИ было получено по 208 толкований.

Получены значимые различия в толковании пословиц по следующим видам обобщения: ситуативные и метафорические — у маскулинных и фемининных испытуемых, которые явились статистически значимыми на уровне как минимум $p < 0,03$ ($Z < -2,193$).

Интересные данные были получены при сопоставлении пола испытуемых и их ГИ. Описанные ранее тенденции к снижению уровня обобщения в большей степени характерны для маскулинных мужчин. Так, ситуативный уровень обобщения в целом по выборке преобладает над любым другим; у маскулинных женщин наблюдается более высокий уровень обобщения (33,65 % против 22,12 % у маскулинных мужчин, $Z = -2,445$, $p = 0,019$).

При учете в анализе гармоничности ГИ основные различия также приходятся на группу андрогинных испытуемых. Отличаясь от других групп, эти испытуемые значимо чаще демонстрирует метафорический уровень обобщения и значимо реже других групп — более низкие уровни ($Z < -3,207$, $p < 0,005$). При сравнительном анализе испытуемых с гармоничной и дисгармоничной ГИ значимых различий между маскулинами и фемининами не было обнаружено.

Тенденции к преобладанию конкретного уровня толкования у испытуемых с гармоничной ГИ и преобладанию буквального уровня толкования у испытуемых с дисгармоничной ГИ не подтверждаются, но прослеживаются в низком коэффициенте значимости ошибки первого рода ($p=0,105$ и $p=0,152$ соответственно). Эти тенденции потребуют дальнейшей эмпирической проверки.

Для проверки различий в частоте проявления избирательных искажений для гендерно значимых и нейтральных пословиц сравнивались результаты в группах с различной ГИ (табл. 5 и рис. 3). Оказалось, что в толковании нейтральных пословиц различий между группами в количестве искажений смысла нет. А вот смысловые искажения в толковании гендерно значимых пословиц обнаруживают значимые различия в связи с ГИ. Следовательно, полученные в толковании гендерно значимых пословиц между группами с различной

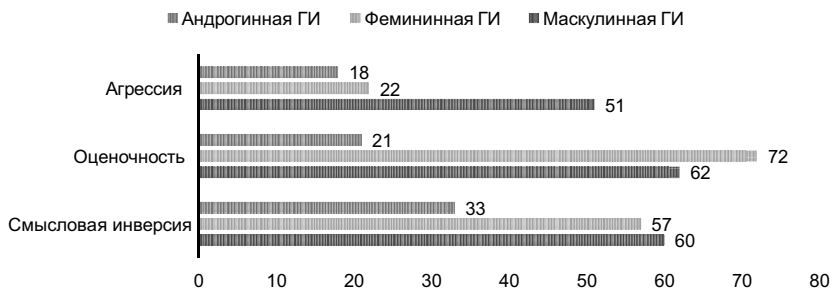

Рис. 3. Количество избирательных искажений толкования гендерно значимых пословиц в группах с разной ГИ

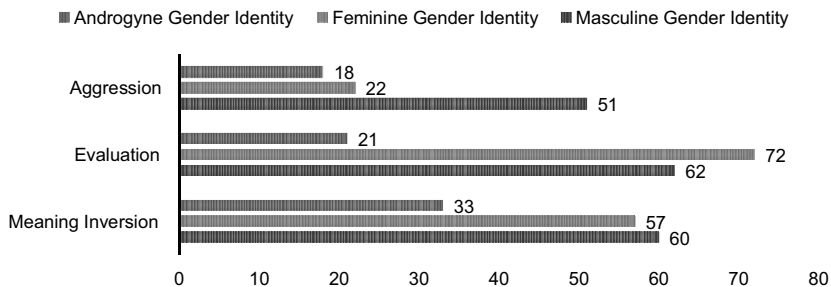

Fig. 3. The number of selective distortions of the interpretation of gender-relevant proverbs in groups with different gender identity

Таблица 5

Различия между группами с различной ГИ по параметру «Избирательные искажения смысла»

	Агрессия	Оценочность	Смысловая инверсия
χ^2	27,671	34,208	19,197
p	0,000*	0,000*	0,000*
Маскулинные испытуемые * Андрогинные испытуемые			
Z	-4,808	-4,206	-3,877
p	0,000*	0,000*	0,000*
Маскулинные испытуемые * Фемининные испытуемые			
Z	-4,193	-1,181	-0,354
p	0,000*	0,238	0,724
Андрогинные испытуемые * Фемининные испытуемые			
Z	-0,557	-5,694	-3,656
p	0,577	0,000*	0,000*

* Примечание: * p < 0,0001

Table 5

Differences between groups with different gender identity based on the parameter «Selective Distortion of Meaning»

	Agression	Evaluation	Meaning Inversion
χ^2	27.671	34.208	19.197
p	0.000*	0.000*	0.000*
Masculine Subjects * Androgyne Subjects			
Z	-4.808	-4.206	-3.877
p	0.000*	0.000*	0.000*
Masculine Subjects * Feminine Subjects			
Z	-4.193	-1.181	-0.354
p	0.000*	0.238	0.724
Androgyne Subjects * Feminine Subjects			
Z	-0.557	-5.694	-3.656
p	0.577	0.000*	0.000*

* Note: * p < 0.0001

ГИ различия не связаны с собственно мышлением, а демонстрируют именно феномен избирательного искажения аффективной природы.

Интересные результаты получены также при сопоставлении пола и ГИ испытуемых. Так, андрогинные женщины демонстрируют существенно большее количество смысловых искажений (22,12 % против 9,62 % у андрогинных мужчин, $Z = -3,138$, $p = 0,002$), а андрогинные мужчины — большой процент суждений оценочного характера (14,42 % против 5,77 % у андрогинных женщин, $Z = -2,644$, $p = 0,008$). Этот результат говорит о роли женской андрогинии в трансформации мыслительных процессов: снижается оценочность суждений и усиливается искажение смысла.

Схожими тенденциями можно объяснить различия у маскулинных испытуемых: маскулинные женщины, испытывая разлад между собственной социальной ситуацией и содержанием пословиц, обнаруживают непонимание смысла пословицы (30,77 % — самый большой процент по сравнению с другими выборками). Это обстоятельство настолько существенно выражено, что может интерпретироваться как стилевая особенность мышления, выражающаяся в блокировке понимания конфликтных суждений. Маскулинные мужчины чаще, чем маскулинные женщины, проявляют агрессивные искажения смысла (29,81 % против 19,23 % у маскулинных женщин, $Z = -2,822$, $p = 0,005$) и оценочность (41,35 % против 18,27 % у маскулинных женщин, $Z = -3,472$, $p = 0,001$). При этом толкования смысла пословиц могут приобретать выраженно агрессивный, напористый и даже шовинистический характер.

Данные, полученные при анализе гармоничности ГИ и пола, указывают, что у испытуемых с гармоничной ГИ значимо чаще в толкованиях преобладает агрессия (49,45 % против 30,77 % у испытуемых с дисгармоничной ГИ, $Z = -1,937$, $p = 0,014$), а также, на уровне тенденции, оценочность ($Z = -1,726$, $p = 0,08$). Этот результат обусловлен ярким проявлением агрессивного характера избирательного искажения у маскулинных мужчин, поскольку маскулинные женщины не отличаются значимо по параметру агрессии от фемининных женщин (9 % против 15 %, $Z = -1,219$, $p = 0,204$).

Обсуждение результатов

«Четвертый лишний». Подобные ответы со статистической значимостью различий (задания 2 и 3) могут быть объяснены более высокой агрессивностью (Арестова, Савченко, 2010), обычно связываемой с маскулинностью и ярко выделяющейся в ситуации

несовпадения пола и гендера (маскулинные женщины). Это свойство проявляется как аффективно продиктованные избирательные искажения логики обобщения.

Различия в выполнении заданий в зависимости от пола не были обнаружены. В заданиях 1 и 4 значимых гендерных различий не было найдено; количество ошибок в общей выборке ($N = 78$) крайне мало. Это говорит об отсутствии связи между успешностью решения гендерно нейтральных задач и ГИ и полом испытуемых. Таким образом, результаты указывают на значимость конфликта между полом и гендером, проявляющегося в виде агрессивно направленных искажений в решении задач. Данное агрессивное искажение в большей степени наблюдается у маскулинных испытуемых обоего пола, однако в случае маскулинности женщин выражено более существенно.

«Толкование смысла пословиц». Мы видим, что испытуемые с различной ГИ толкуют и понимают гендерно нейтральные пословицы с одинаковой успешностью, не демонстрируя различий ни в уровне обобщения, ни в искажении их смысла.

Андрогинные испытуемые даже в гендерно значимых пословицах показывают высокий уровень обобщения, сопоставимый с таковым у нейтральных пословиц для всех групп. Очевидно, что уровень обобщения у андрогинных испытуемых не подвержен аффектогенному влиянию гендерно значимых стимулов, что, очевидно, является признаком внутренней неконфликтности, содержательной гармоничности данной темы для испытуемых. Как и при анализе уровня обобщения, андрогинные испытуемые демонстрируют меньше всего смысловых, оценочных и агрессивных искажений в толковании в сравнении с группами маскулинных и фемининных респондентов. Это может объясняться тем, что для участников с андрогинной ГИ гендерно значимая информация в меньшей степени актуализирует какой-либо субъективно значимый смысловой конфликт и порождает им аффективную реакцию, ведущую в свою очередь к смысловому искажению.

Маскулинные испытуемые обоих полов обнаруживают снижение уровня обобщения и преобладание ситуативных толкований пословиц, абсолютизацию личного опыта (эгоцентричность). У фемининных испытуемых уровень обобщения снижен менее значительно.

Таким образом, по сравнению с фемининностью маскулинность вне зависимости от пола служит более существенным обстоятельством, сопряженным со снижением уровня обобщения и склонностью к абсолютизации личного опыта (эгоцентричностью).

Возможной причиной здесь является также и смысл большинства пословиц, где роль женщины либо принижается, что может вызывать у маскулинных испытуемых аффективную положительную реакцию, либо уравнивается с ролью мужчины. Можно предположить, что для маскулинных мужчин провоцирующим негативный аффект явлением будет являться второй вариант, а позитивный — первый вариант, а для маскулинных женщин — наоборот.

Ощущая маскулинность, а вместе с нею и сопряженные свойства (сила, властность, главенство, агрессия) (Старовойтенко, 2014), маскулинные испытуемые проявляют соответствующие искажения мыслительной деятельности, если воспринимают смыслы, угрожающие или избыточно подчеркивающие правомерность таких свойств. Фемининные испытуемые же, в силу содержания их гендерности и возможной конформности, предположительно, должны в связи с этими нормами испытывать согласие или смирение, а потому такие темы реже становятся источником искажений. Приведем соответствующие примеры из нашего исследования. Испытуемый 6, мужчина с маскулинной ГИ — пословица № 2, толкование: «Вы мне хотите сказать, что бабы умнее мужиков, что ли?»; пословица № 3, толкование: «Всех женщин ждет одна и та же участь, и так им и надо». Испытуемая 43, женщина с маскулинной ГИ — пословица № 11, толкование: «Мужчины важнее, но без женщин они ничего не могут».

Особый интерес представляет обнаруженное отличие маскулинных испытуемых по числу агрессивных искажений. Они встречаются существенно чаще, чем у фемининных, что подтверждает наши гипотезы и объясняется характерной для маскулинности склонностью к активному и агрессивному реагированию в ситуации конфликта, в том числе смыслового.

Практическое применение

Полученные данные вносят дополнительную ясность в реализацию поведенческого компонента гендерной идентичности. Результаты исследования могут быть применены в образовательных программах и тренингах для более эффективного обучения и развития мыслительной деятельности. Понимание того, как гендерная идентичность взаимодействует с мыслительными процессами, может помочь педагогам и тренерам создавать более адаптивные методы обучения с учетом влияния на мыслительную деятельность гендерного материала. Результаты могут быть полезны в разработке специальных программ и методов развития адаптивных стратегий управления

эмоциями, в частности обучения эмоциональной регуляции, развития коммуникативных навыков и способов решения конфликтов, с целью снижения негативных последствий агрессивных реакций на гендерные стимулы. Психологи могут использовать эти результаты в рамках индивидуальной терапии и консультирования, чтобы помочь клиентам лучше понять и контролировать свои реакции на гендерные стимулы. Разработка стратегий управления агрессией и осознание эмоциональных реакций могут помочь людям с маскулинной гендерной идентичностью или с конфликтом пола и гендера повысить эффективность своего мышления и снизить негативные последствия агрессивных реакций.

Выводы

1. Существуют особенности мыслительной деятельности, связанные с ГИ испытуемых. Они имеют избирательный характер и связаны исключительно с пониманием и толкованием гендерно значимого материала.

2. Понимание и толкование гендерно нейтрального материала не связано ни с ГИ испытуемых, ни с их полом.

3. Наиболее существенные особенности мыслительной деятельности при решении гендерно значимых задач обнаруживают маскулинные испытуемые обоих полов. Так, наблюдается снижение уровня обобщения до уровня ситуативных толкований, абсолютизация собственной позиции и опыта (эгоцентричность), а также агрессивность суждений.

4. Маскулинность вне зависимости от пола служит более существенным обстоятельством по сравнению с фемининностью, сопряженным со снижением уровня обобщения и склонностью к абсолютизации личного опыта (эгоцентричностью).

5. Андрогинные испытуемые обоих полов в существенно меньшей степени по сравнению с типичными маскулинными и фемининными обнаруживают тенденции к мыслительным искажениям при решении задач гендерно значимого содержания.

6. Наиболее существенна тенденция к нарушению объективности мышления (снижение уровня обобщения, искажения мышления различного рода) в случае несовпадения пола и ГИ у маскулинных женщин.

7. Гармоничность пола и ГИ проявляется в форме большей агрессивности суждений у мужчин, а у женщин гармоничность/дисгармоничность не проявляется в специфике мышления.

Литература

- Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83–93.
- Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 161–170.
- Арестова О.Н. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 129–138.
- Арестова О.Н. Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 86–98.
- Арестова О.Н., Савченко П.В. Специфика мыслительной деятельности у лиц с высоким уровнем агрессивной мотивации // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 86–94.
- Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта: психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике. СПб.: Речь, 2003.
- Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005.
- Большакова А.Ю. Гендерный архетип и проблема автора // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 3. С. 15–29.
- Васькова О.А. Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Захарова Т.Н. Семиотические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006.
- Иванова А.С. Особенности самосознания агендеров // Инновации в науке. 2018. № 2 (78). С. 32–35.
- Каган В.Е. Стереотипы мужественности женственности и «образ Я» у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 53–63.
- Клещин И.С. Гендерная социализация: учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.
- Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Куимова В.М. Гендерная идентичность и архетип в дискурсе психоаналитических идей // Диалог культур и цивилизаций: материалы Международной науч.-практ. конф. 2019. С. 660–665.
- Курбанова Л.У. Гендерная идентичность в контексте социокультурной парадигмы // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). С. 270–275.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. М.: Смысл: Академия, 2004.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Марцинковская Т.Д. «Образ Я» в современном мире: константы и трансформации // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 142–149.
- Матюшкина А.А. Экспериментально-диагностический подход к изучению мышления. М.: Изд-во ГОУ ВПО ГУУ, 2004.

Перегудина В.А. Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста: дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2011.

Полякова Л.С. Понятие «гендер» в лингвистическом описании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 44–49.

Соловьева Н.С. Отражение гендерно значимой информации во фразеологических словарях русского и английского языков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 238–239.

Старовойтенко Е.Б. Герменевтика гендерных свойств личности // Мир психологии. 2014. Т. 4, № 80. С. 68–83.

Тихомиров О.К. Психология мышления: учебное пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2008.

Фетискин Н.П. Психологические основы гендерных исследований: учеб. пособие. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2017.

Черных О.Ю. Лингвистическое конструирование гендера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 562–564.

Чуркина Н.А. Андрогинная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 204–206.

Чуркина Н.А. Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. 2018а. № 9. С. 98–104.

Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. 2018б. № 5. С. 16–20.

Щекотуров А.В. Web 2.0: особенности, стратегии и технологии гендерной социализации подростков в сети Интернет // Вестник ННГУ. 2012. № 4-1. С. 437–444.

Baker, K.E. (2014). Identifying Transgender and Other Gender Minority Respondents on Population-Based Surveys: Why Ask? Best Practices for Asking Questions to Identify Transgender and Other Gender Minority Respondents on Population-Based Surveys. Los Angeles. (Retrieved from <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/wp-content/uploads/geniuss-report-sep-2014.pdf>) (review date: 27.05.2022).

Burn, S.M. (1996). The social psychology of gender. New York [etc]: McGraw-Hill, Inc.

Hoffman, R.M., Borders, L.D., Hattie, J.A. (2000). Reconceptualizing Femininity and Masculinity: From Gender Roles to Gender Self-Confidence. *Journal of Social Behavior and Personality*, 15 (4), 475–503.

References

Arestova, O.N. (2006). Affective distortions in the understanding of proverbs. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 1, 83–93. (In Russ.).

Arestova, O.N. (2007). Diagnosis of the motivational conflict of personality using the pictogram method. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 2, 161–170. (In Russ.).

Arestova, O.N. (2009). Distortions in mental activity as a result of motivational conflict. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya (Applied Legal Psychology)*, 1, 86–98. (In Russ.).

- Arestova, O.N. (2011). Intuitive understanding of the meaning of proverbs. *Questions of Psychology*, 2, 129–138. (In Russ.).
- Arestova, O.N., Savchenko, P.V. (2010). The specifics of mental activity in individuals with a high level of aggressive motivation. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya (Applied Legal Psychology)*, 4, 86–94. (In Russ.).
- Baker, K.E (2014). Identifying Transgender and Other Gender Minority Respondents on Population-Based Surveys: Why Ask? In Best Practices for Asking Questions to Identify Transgender and Other Gender Minority Respondents on Population-Based Surveys. Los Angeles. (Retrieved from <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/wp-content/uploads/geniuss-report-sep-2014.pdf>) (review date: 27.05.2022)
- Belomestnova, N.V. (2003). Clinical diagnostics of intelligence: psychometric and clinical-psychological assessment of the level of intelligence development in clinical and forensic psychological expert practice. Saint-Petersburg: Rech. (In Russ.).
- Bendas, T.V. (2005). Gender psychology: A textbook. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Bolshakova, A.Yu. (2010). Gender archetype and the author's problem. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera (Collections of Conferences of SIC Sociosphere)*, 3, 15–29. (In Russ.).
- Burn, S.M. (1996) The social psychology of gender. New York [etc]: McGraw-Hill, Inc.
- Chernykh, O.Yu (2018). Linguistic construction of the gender. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya (The World of Science, Culture, and Education)*, 4 (71), 562–564. (In Russ.).
- Churkina, N.A. (2017). Androgynous identity as a way of human adaptation in modern society. *Manuskript (Manuscript)*, 5 (79), 204–206. (In Russ.).
- Churkina, N.A. (2018a). Gender identity in the aspect of transformation of gender mentality. *Sotsiodinamika (Sociodynamics)*, 9, 98–104. (In Russ.).
- Churkina, N.A. (2018b). Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation. *Sotsiodinamika (Sociodynamics)*, 5, 16–20. (In Russ.).
- Fetiskin, N.P. (2017). Psychological Foundations of Gender Studies: A textbook. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University. (In Russ.).
- Hoffman, R.M., Borders, L.D., Hattie, J.A. (2000). Reconceptualizing Femininity and Masculinity: From Gender Roles to Gender Self-Confidence. *Journal of Social Behavior and Personality*, 15 (4), 475–503.
- Ivanova, A.S. (2018). Features of self-awareness of agenders. *Innovatsii v nauke (Innovations in Science)*, 2 (78), 32–35. (In Russ.).
- Kagan, V.E. (1989). Stereotypes of masculinity, femininity and the «self-image» in adolescents. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 53–63. (In Russ.).
- Kletsina, I.S. (1998). Gender socialization: A textbook. Saint-Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Kon, I.S. (2009). A man in a changing world. Moscow: Vremya. (In Russ.).
- Kuimova, V.M. (2019). Gender identity and archetype in the discourse of psychoanalytic ideas. In Daletskii, Ch.B. and Platko, A.Yu. (Eds.), Dialogue of Cultures and Civilizations: Proc. of the Int. Scientific and Practical Conference, Moscow State Linguistic University Press, Moscow, Russia, (pp. 126–131). (In Russ.).

Kurbanova, L.U. (2012), Gender identity in the context of the socio-cultural paradigm. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo (Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law)*, 2 (121), 270–275. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (2014). Activity. Conscience. Personality: A textbook. Moscow: Smysl: Academia, 2004. (In Russ.).

Luria, A.R. (1998). Language and consciousness. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.).

Martsinkovskaya, T.D. (2009). Self-image in the modern world: constants and transformations. *Mir psikhologii (The World of Psychology)*, 4 (60), 142–149. (In Russ.).

Matuyshkina, A.A. (2004). Experimental and diagnostic approach to the study of thinking. Moscow: State University of Management Press. (In Russ.).

Peregudina, V.A. (2011). Osobennosti stanovleniya muzhskoi i zhenskoi gendernoi identichnosti v vozrastnom diapazone ot starshogo doshkol'nogo do yunosheskogo vozrasta: Diss. ... kand. psikhol. nauk. (Features of the formation of male and female gender identity in the age range from senior preschool to adolescence: dissertation.) Cand. Sci. (Psychology). Tula. (In Russ.).

Polyakova, L.S. (2009). The concept of «gender» in the linguistic description. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki (Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics)*, 11, 44–49. (In Russ.).

Shchekoturov, A.V. (2012). Web 2.0: features, strategies and technologies of gender socialization of adolescents on the Internet. *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Bulletin (Vestnik NNGU)*, 4–1, 437–444. (In Russ.).

Soloveva, N.S. (2014) Reflection of gender-relevant information in phraseological dictionaries of the Russian and English languages. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)*, 3 (45), 238–239. (In Russ.).

Starovoitenko, E.B. (2014). Hermeneutics of gender personality traits. *Mir psikhologii (The World of Psychology)*, 4 (80), 68–83. (In Russ.).

Tikhomirov, O.K. (2008). Psychology of thinking: A textbook. Moscow: Academia. (In Russ.).

Vas'kova, O.A. (2006). Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya (na materiale frazeologii): Diss. ... kand. filol. nauk. (Gender as a subject of lexicographic description (based on phraseology): dissertation). Cand. Sci. (Philology). Moscow. (In Russ.).

Zakharova, T.N. (2006). Semioticheskie sredstva vyrazheniya genera v tekste na ehlektronnom nositele (na materiale nemetskikh chatov): diss. ... kand. filol. nauk. (Semiotic means of gender expression in the text on an electronic medium (based on the material of German chats): dissertation). Cand. Sci. (Philology). Moscow. (In Russ.).

Поступила: 20.01.2023

Получена после доработки: 20.03.2023

Принята в печать: 04.07.2023

Received: 20.01.2023

Revised: 20.03.2023

Accepted: 04.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Николаевна Арестова — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, arestova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6720-322X>

Анастасия Сергеевна Горшкова — ассистент Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; аспирант Департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», kitsune_2@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-1288-7561>

ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Arestova — Cand. Sci. (Psychology, Associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, arestova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6720-322X>

Anastasia S. Gorshkova — Assistant Lecturer, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University), kitsune_2@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-1288-7561>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-29>

УДК 159.955.6

Динамика интеллектуальной уверенности в решении проблемных задач

М.И. Кунашенко, А.А. Матюшкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 aam_msu@mail.ru

Резюме

Актуальность. Одной из актуальных для психологии творческого мышления выступает проблема критериев оценки успешности решений. Оценка субъектом своего решения в процессе мышления в форме интеллектуальных эмоций «уверенности — сомнения» может выступать критерием и основанием переживания разрешенности или неразрешенности, потенциального успеха или неуспеха, вести к продолжению или остановке в решении.

Цель. Изучение динамики интеллектуальной «уверенности — сомнения» на разных этапах решения проблемных ситуаций различного содержания.

Выборка. 66 студентов разных вузов, специалистов и неспециалистов по отношению к содержанию задачи.

Методы. Испытуемые решали по восемь проблемных задач научного и художественного содержания с подсказками из авторских методик «Понимание смысла отрывка художественного/научного текста», оценивая интерес и уверенность в процессе решения; выполняли диагностические методики: тест интеллекта «Прогрессивные матрицы Равена», «Сложные аналогии».

Результаты. Выявлено шесть типов динамики интеллектуальной уверенности, которые различным образом соотносятся с успешностью решения. Успешное разрешение проблемных ситуаций научного содержания для специалистов сопряжено с уверенностью на каждом этапе, для неспециалистов — с сомнениями на этапах понимания смысла проблемы и формулировки решения. С успешным разрешением проблемных ситуаций художественного содержания студентами-неспециалистами соотносятся типы динамики: «сомнения — сомнения — уверенность», «уверенность на всех этапах»; последний наблюдается также при неуспешном решении. В связи с этим выявлено два типа уверенности: 1) обоснованная, связанная

с опорой на подсказки, ведущая к успешному решению, 2) необоснованная, без опоры на подсказку, не ведущая к успешному решению.

Выводы. Процессуальным критерием оценки успешности решения могут выступать интеллектуальные эмоции уверенности или сомнения. В зависимости от этапа решения и содержания проблемной задачи интеллектуальная уверенность закономерно изменяется у специалистов и неспециалистов, выполняя функцию предварительной оценки, регулируя процесс решения.

Ключевые слова: продуктивное мышление, успешность решения, проблемная ситуация, интеллектуальные эмоции, интеллектуальная уверенность.

Для цитирования: Кунашенко М.И., Матюшкина А.А. Динамика интеллектуальной уверенности в решении проблемных задач // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 98–119. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-29>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-29>

Dynamics of intellectual confidence in problem solving

Marina I. Kunashenko, Anna A. Matyushkina✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ aam_msu@mail.ru

Abstract

Background. The problem of criteria for evaluating solution success is one of the most important for psychology of creative thinking. Evaluation of the solution by the subject during the process of thinking in the form of «confidence / doubt» can be criteria and basis for subject's experiencing potential success or failure, which leads to continuation or stop in solving.

The objective. The study was to research the dynamics of intellectual confidence / doubt at different stages of problem-solving process.

Sample. The study involved 66 university students, specialists and non-specialists in relation to the content of the tasks.

Methods. The subjects solved 8 problematic tasks of scientific and artistic content with hints and estimate interest and confidence at different stages of solving with

subjective scales. The following methods were used for intellectual characteristics: “Raven’s Progressive Matrices”, “Complex Analogies”.

Results. 6 types of dynamics of intellectual confidence were identified, which correlated in various ways with the success of the solution. Successful solution of problematic scientific situations for specialists is associated with confidence at every stage, for non-specialists it is associated with doubts at the stages of understanding the problem and the formulation of solution. For problematic situations of artistic content solved by non-specialist, the following types of dynamics are associated with successful solution: «doubt — doubt — confidence», «confidence at all stages»; the latter was also observed with an unsuccessful solution. For this reason 2 types of confidence were identified: (1) reasonable, based on hints, leading to a successful solution, and (2) non- reasonable, without relying on a hint, not leading to a successful solution.

Conclusion. The procedural criteria to evaluate solution are the intellectual emotions of confidence or doubt that regulate the process of thinking. Depending on the stage of solution and the content of the task, intellectual confidence changes in different ways for specialists and non-specialists, performing the function of a preliminary assessment and regulation of solving process.

Keywords: productive thinking, success of solution, problematic situation for thinking, intellectual emotions, intellectual confidence.

For citation: Kunashenko M.I., Matyushkina. A.A. (2023). Dynamics of intellectual confidence in problem solving. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 98–119. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-29>

Введение

Значимой исследовательской темой в психологии творческого мышления выступает оценка успешности решения проблемы. Данная проблематика раскрывается в вопросах о том, когда проблема считается решенной для субъекта и для эксперта; каковы критерии такой оценки. Одним из таких критериев, по мнению исследователей, выступает субъективная уверенность в правильности решения. Отсутствие в психологии единого мнения о соотношении между уверенностью и успешностью решения обусловлено противоречивыми результатами в исследованиях. При решении сенсорных задач обнаруживается прямая связь уверенности с успешностью выполнения, другие исследования говорят о слабой связи реальной успешности

с уверенностью, которая, скорее, определяется личностными характеристиками решающего (Головина, Скотникова, Эллиот, 2009). Так, отмечается, что «решая мыслительные задачи, уверенный человек, обладая высокой эргичностью и пластичностью в интеллектуальной сфере, в то же время особо не переживает по поводу расхождения между ожидаемыми и реальными результатами деятельности» (Головина, Тимофеева, 2008, с. 146).

Можно условно выделить три подхода к пониманию уверенности — личностный, когнитивный, деятельностный. В рамках первого — это личностная характеристика, отражающая уверенность в собственных силах (Ромек, 1997; Серебрякова, 2000), связанная с самооценкой; структурный элемент психологического благополучия личности — уверенность в способности реализовать профессиональный потенциал (Гусев, Шарагин, 2016). В рамках второго — это: 1) субъективная уверенность в решениях, отражающая оценку окончательной успешности, — степень нашей веры в правильность определенной мысли или действия (Grimaldi, Lau, Basso, 2015; Meyniel, Sigman, Mainen, 2015; Ariel et al., 2018; Gambetti et al., 2020); 2) сенсорно-перцептивная уверенность при решении сенсорных задач (Avhustiuk, Pasichnyk, Kalamazh, 2018; Dotan, Meyniel, Dehaene, 2018; Скотникова, 2019, с. 116–152.; Гусев, 2004); 3) особое переживание — источник информации, который оказывает влияние на процесс и окончательное решение задачи (Schwarz, Clore, 1983; Schwarz, 2012): позитивно окрашенные чувства (уверенность) сигнализируют о легкости задачи, успешном нахождении решения, негативные эмоции (сомнения, неуверенность) свидетельствуют о наличии затруднений и проблем в решении (Martin et al., 1993; Hirt et al., 1997).

В рамках деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева интеллектуальная уверенность, с одной стороны, и сомнение, с другой стороны, — это специфические интеллектуальные эмоции, отражающие для субъекта результат предварительной проверки решения «по отношению к познавательному мотиву мыслительной деятельности» (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 44). «В такой форме субъект осознает степень вероятности разрешения проблемы на основе проверяемой догадки» (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 44). При этом уверенность в догадке побуждает к ее реализации, а сомнение ведет к дополнительной проверке предположения. Оценка потенциальной успешности как предварительное понимание правильности выбранного направления для достижения цели особо важна на промежуточных этапах решения трудных проблемных

ситуаций. По мнению А.М. Матюшкина, проблемная ситуация мышления — состояние в решении проблемной задачи, требующей открытия нового, порождающей познавательную потребность. Если в ситуации решения нетрудной задачи регуляция решения может осуществляться на основе рассогласования между целью и конечным результатом решения: «решил неправильно — решу заново», то в решении трудных проблемных ситуаций корректировка интеллектуальных действий должна происходить в самом процессе сопоставлением предвосхищаемого и требуемого результата, в том числе на основе интеллектуальных эмоций уверенности — сомнения. «С динамикой мыслительного процесса связано эмоциональное самочувствие мыслящего субъекта, напряженное в начале и удовлетворенное или разряженное в конце» (Рубинштейн, 2000, с. 317). В данном контексте интеллектуальные эмоции не могут быть оценены как позитивные или негативные, они являются следствием процесса, их функция состоит в регуляции решения на основе предварительной оценки правильности направления на разных этапах — понимание задачи, выдвижение гипотез, формулировка окончательного решения.

Цель исследования — изучение динамики интеллектуальной уверенности — сомнения на разных этапах решения проблемных ситуаций различного содержания.

Гипотезы: 1) интеллектуальная уверенность изменяется в процессе разрешения проблемной ситуации в соответствии с этапом решения, 2) типы динамики интеллектуальной уверенности различны в связи с содержанием задачи.

Выборка

Выборку составили 66 респондентов — студентов 1–2 курсов разных вузов, которые согласились «принять участие в исследовании, посвященном выявлению предпосылок успешного разрешения проблемных ситуаций научного и художественного содержания». Студенты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (41 человек, среди которых 24 студента 1-го курса (18–19 лет, 22 девушки, 2 юноши), 17 студентов 2-го курса (19–20 лет, 15 девушек, 2 юноши)) составили группу специалистов по отношению к решению проблемных задач научного психологического содержания. В качестве контрольной группы — 25 студентов-неспециалистов: 14 студентов 2-го курса (19–20 лет, 6 девушек, 8 юношей) географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 11 студентов 2-го курса (19–20 лет, 4 девушки, 7 юношей) Института энергомашиностроения и ме-

ханики Национального исследовательского университета «МЭИ». Не психологи (далее — неспециалисты по отношению к решению проблемных задач научного психологического содержания) изучали семестровый зачетный курс психологии (36 часов), студенты-психологи (далее — специалисты) на момент прохождения исследования изучили несколько разделов общей психологии, каждый из которых составил семестровый экзаменационный курс.

Методы

В диагностических целях применялись следующие методики: тест интеллекта «Прогрессивные матрицы Равена» (стандартный черно-белый вариант) оценивает общую способность выявлять логические закономерности на невербальном материале (Равен, Курт, Равен, 1996), методика «Сложные аналогии» диагностирует возможности понимания и установления сложных логических отношений на вербальном материале (Коробкова, 1995). Для оценки уровня психологических знаний в исследовании использовался тест, состоящий из 20 вопросов по всем разделам общей психологии, на выполнение которого отводилось до 10 минут.

В исследовании испытуемые решали по 4 проблемные задачи научного психологического и художественного литературного содержания (всего 8 задач) с подсказками, отвечая письменно на проблемные вопросы. В задачах гештальтного типа необходимо по отрывку текста понять смысл ситуации/произведения в целом в соответствии с замыслом автора. При этом на каждом этапе решения испытуемые должны были отмечать степень своей уверенности и интереса к решению по 10-балльной шкале. Этапы решения задачи моделировались соответствующими вопросами: первый этап (понимание задачи) — о понимании смысла отрывка; второй этап (этап выдвижения гипотез) — о понимании центрального конфликта, который составляет суть проблемы; третий этап — прогноз развития ситуации по отрывку с окончательной формулировкой решения (этап формулировки решения задачи). Для обработки результатов применялись методы экспертной оценки, корреляционного анализа (критерии Спирмена, Кенделла), непараметрического анализа (критерий Манна — Уитни), описательной статистики.

В качестве материала для задач художественного содержания выступила методика «Понимание смысла отрывка художественного текста» (ПСОХТ) (Матюшкина, 2015). Художественным проблемным задачам были даны названия, соответствующие названиям литера-

турных рассказов А.П. Чехова «Толстый и тонкий», «Крыжовник», «Злоумышленник», и рассказа В.М. Шукшина «Экзамен». Задачи содержали подсказки, заложенные автором произведения: наличие в тексте ключевых для понимания смысла фраз, название произведения; функцию подсказки также выполняли проблемные вопросы и фамилия автора. Материалом для задач научного содержания выступили фрагменты классических текстов исследований по психологии мышления и интеллекта — методика «Понимание смысла отрывка научного текста» (Матюшкина, Кунашенко, 2019). Для удобства обработки проблемным задачам были даны названия: «IQ», «Интеллект и креативность», «Мышление», «G-фактор». В качестве подсказки в задачах научного содержания выступило наличие в тексте ключевых фраз и наводящих вопросов — определить название главы учебника, из которой взят данный фрагмент.

Успешность решения всех проблемных задач оценивалась глубиной (уровнем) понимания по близости к эталонному ответу, заложенному автором: 1 балл — непонимание смысла отрывка и рассказа, 2 балла — конкретное понимание, установление последовательности событий без понимания скрытого смысла, заложенного автором, 3 балла — общее понимание авторского смысла без детализации, 4 балла — точное, глубокое, детализированное понимание идеи, заложенной автором, способность выразить, в чем она заключается. Ответы оценивались в соответствии с критериями экспертами в решении литературных (три специалиста по литературе) и научных психологических проблемных задач (три специалиста в области психологии). Для художественных литературных задач экспертную группу составили учитель русского языка и литературы (стаж 25 лет, возраст 47 лет), редактор научной и учебной литературы (стаж 33 года, возраст 72 года), учитель русского языка и литературы (стаж 35 лет, возраст 55 лет). Для научных психологических задач — два аспиранта психологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (возраст 24 года и 25 лет соответственно), один преподаватель психологии (стаж 5 лет, возраст 29 лет). Коэффициент конкордации (согласованности) рангов Кенделла по отношению к оценке решений художественных задач оказался равен 0,7, по отношению к научным — 0,78, что говорит о высокой согласованности экспертных оценок и позволяет рассматривать предложенную систему оценок успешности как достоверную.

Средние значения самооценок исходного интереса выступили критерием наличия проблемной ситуации. Нами была предложена

на следующая система оценки выраженности интереса в баллах: 0–4 балла — низкий интерес, 4–7 — средний, 7–10 — высокий. Для обеих групп значение интереса к решению задач находится в среднем диапазоне (среднее = 5,99 для специалистов-психологов, 5,49 — для неспециалистов), что свидетельствует о возникновении проблемных ситуаций в большинстве случаев. Аналогично шкале интереса нами была предложена следующая система оценки выраженности уверенности в баллах: 0–4 балла — низкая уверенность, высокая степень сомнения, 4–7 — средняя уверенность, присутствие сомнения, 7–10 — высокая уверенность. Ответы испытуемых были разделены на две группы в зависимости от уровня успешности решения задач для специалистов и неспециалистов: 1–2 балла — низкая, 3–4 балла — высокая, что позволило разделить задачи на трудные и легкие для решения.

Результаты

Трудность проблемных задач и успешность решения

Анализ успешности разрешения проблемных ситуаций показал, что для специалистов и неспециалистов трудность задач различается: наименее трудной художественной литературной проблемной задачей в понимании и решении для психологов стала задача «Крыжовник» (44 % решили успешно), для географов и инженеров — «Толстый и тонкий» (60 % решили успешно), наиболее трудной для обеих групп стала задача «Экзамен» (4,9 % психологов решили успешно и 0 % географов, инженеров). Наименее трудной научной психологической проблемной задачей для обеих групп респондентов стала задача «Интеллект и креативность» (62,5 % специалистов и 40 % неспециалистов решили успешно), наиболее трудной для психологов стала задача «IQ» (20 % решили успешно), а для неспециалистов — задачи «IQ» и «G — фактор» (36 % успешных решений). Выявлены значимые (критерий Манна — Уитни $U = 138,000$, $p = 0,010$) различия между группами студентов-психологов (специалисты) и не психологов (неспециалисты) в уровне психологических знаний в пользу первых (тест психологических знаний), что позволило анализировать результаты данных групп в сравнении друг с другом по отношению к решению проблемных задач научного психологического содержания. При этом не было выявлено значимых различий (критерий Манна — Уитни) между студентами-психологами и не психологами в успешности решения всех проблемных задач (кроме задачи «Толстый и тонкий»),

а также по результатам теста интеллекта Равена (у не психологов результат оказался выше). Не психологи решили проблемные задачи научного психологического содержания на сопоставимом с психологами уровне успешности.

Типы динамики интеллектуальной уверенности и успешность решения

Анализ выраженности «уверенности — сомнения» на каждом из этапов решения проблемной задачи — понимание задачи; выдвижение гипотез; формулировка окончательного решения — выявил 6 типов динамики интеллектуальной уверенности, 4 из которых закономерно связаны с этапами решения: 1) высокая уверенность на этапе понимания задачи и на этапе формулировки окончательного решения, низкая уверенность и сомнения на этапе выдвижения гипотез; 2) низкая уверенность, сомнения на этапе понимания задачи и на этапе формулировки окончательного решения, высокая уверенность на этапе выдвижения гипотез; 3) сомнения на этапе понимания задачи и на этапе выдвижения гипотез, высокая уверенность на этапе формулировки окончательного решения; 4) высокая уверенность на этапе понимания задачи и на этапе выдвижения гипотез, сомнения на этапе формулировки окончательного решения; 5) отсутствие изменения оценки интеллектуальной уверенности — уверен на всех этапах решения; 6) отсутствие изменения оценки интеллектуальной уверенности — сомневается на всех этапах решения.

При успешном решении проблемных задач художественного литературного содержания неспециалистами обнаружены статистически значимые различия в частоте встречаемости типов динамики ($\chi^2 = 23,273$; $p < 0,001$ для психологов; $\chi^2 = 20,500$; $p = 0,001$ для не психологов): чаще всего встречаются два типа динамики: тип 3 (10,9 % для психологов, 9 % для не психологов) — «сомнения — сомнения — уверенность» и тип 5 (10,9 % для психологов, 13% для не психологов) — «уверенность на всех этапах».

При низкой успешности решения проблемных задач художественного содержания также есть значимые различия ($\chi^2=15,320$; $p=0,009$ для психологов; $\chi^2 = 12,294$; $p = 0,031$ для не психологов), чаще всего встречается тип динамики 4 (13,9 % для психологов, 16 % для не психологов) — «уверенность — уверенность — сомнения», для не психологов также свойственен тип динамики 5.

При успешном решении проблемных задач научного психологического содержания специалистами (студентами-психологами)

чаще всего (14,3 %) встречается тип динамики 5 — «уверенность на всех этапах» ($\chi^2 = 37,600$; $p < 0,001$). При низкой успешности решения чаще всего встречаются два типа динамики: тип 4 «уверенность — уверенность — сомнения» (13,6 %) и тип 5 «высокая уверенность на всех этапах» (15,5 %) ($\chi^2 = 22,614$; $p < 0,001$). И при успешных, и при неуспешных решениях специалистами по частоте встречаемости преобладает тип динамики 5 «уверенность на всех этапах».

При успешном решении проблемных задач научного содержания неспециалистами чаще всего встречаются тип 3 «сомнения — сомнения — уверенность» и тип 2 «сомнения — уверенность — сомнения» (9 %) ($\chi^2 = 13,769$; $p = 0,017$). При низкой успешности решения проблемных задач научного содержания неспециалистами чаще всего встречается тип 4 («уверенность — уверенность — сомнения») (23 %) ($\chi^2 = 26,645$; $p < 0,001$).

Так как тип динамики 5 интеллектуальной «уверенности на всех этапах» встречается и при успешных, и при неуспешных решениях, мы предположили, что можно выделить два типа интеллектуальной уверенности: обоснованная, связанная с опорой на подсказки, ведущая к успешному решению, и необоснованная, не связанная в решении с опорой на подсказки и глубоким анализом отрывка, не приводящая к эталонному решению, в связи с чем провели дополнительный анализ результатов (табл. 1).

Таблица 1

Успешность решения задач при уверенности на всех этапах решения
и обнаружение подсказки

Группы с разной успешностью	Художественные задачи		Научные задачи	
	С опорой на подсказку	Без опоры на подсказку	С опорой на подсказку	Без опоры на подсказку
Психологи				
Успешное решение (3-4 балла)	38 %	11 %	27 %	17 %
Неуспешное решение (1-2 балла)	27 %	24 %	14 %	42 %
Не психологи				
Успешное решение (3-4 балла)	32 %	10 %	35 %	0
Неуспешное решение (1-2 балла)	23 %	35 %	25 %	40 %

Table 1

The success of problem solving with confidence at all stages of the solution and the detection of hints

Groups with different success level	Artistic tasks		Scientific tasks	
	Hint-based	Non hint-based	Hint-based	Non hint-based
Psychologists				
Successful solution (3-4 points)	38 %	11 %	27 %	17 %
Unsuccessful solution (1-2 points)	27 %	24 %	14 %	42 %
Non-psychologists				
Successful solution (3-4 points)	32 %	10 %	35 %	0
Unsuccessful solution (1-2 points)	23 %	35 %	25 %	40 %

Согласно полученным результатам, при высокой уверенности на всех этапах процесса решения художественных задач как психологами, так и не психологами успешное решение связано с опорой на прямую подсказку (подсказка в форме ключевых для понимания смысла фраз обнаружена правильно); успешное решение без подсказки составляет для обеих групп в среднем 10-11 %. У инженеров и географов высокая уверенность при неуспешном решении художественных задач чаще всего не связана с опорой на подсказку. В решении научных задач неспециалистами, в отличие от специалистов, вообще не встречается случаев успешного решения без опоры на подсказку.

Связь интеллектуальной уверенности с интересом и успешностью решения проблемных задач

Для определения связи интеллектуальной уверенности респондентов с интересом и успешностью решения проблемных задач был проведен корреляционный анализ (применялся критерий Спирмена). Статистически значимые связи уверенности в решении проблемных задач с интересом, обнаружением подсказки и успешностью решения для психологов показана в табл. 2 и 3.

Уверенность психологов на этапе понимания нетрудных проблемных задач связана с интересом в начале решения, а уверенность на этапе формулирования окончательного решения связана с интересом в конце решения.

Таблица 2

Связь интеллектуальной уверенности психологов с успешностью решения проблемных задач и обнаружением подсказки

Коррелирующие переменные	Коэффициент корреляции ρ Спирмена	Уровень значимости (p)
Успешность <i>Толстый и тонкий</i> с Ув3	0,386	0,013
Успешность <i>Крыжовник</i> с Ув3	0,319	0,042
Обнаружение подсказки <i>IQ</i> с Ув2	0,350	0,025
Успешность <i>Интеллект и креативность</i> с Ув1	0,409	0,008
Успешность <i>Мышление</i> с Ув1	0,579	0,000
Обнаружение подсказки <i>Мышление</i> с Ув2	0,314	0,046
Обнаружение подсказки <i>G-фактор</i> с Ув2	0,323	0,039

Уверенность на этапе понимания задачи обозначается как Ув1, на этапе выдвижения гипотез — Ув2, на этапе формулирования окончательного решения — Ув3.

Здесь и далее: Трудность художественных литературных задач для психологов (1 — наиболее легкая, 4 — трудная): 1 — *Крыжовник*, 2 — *Толстый и тонкий*, 3 — *Злоумышленник*, 4 — *Экзамен*.

Трудность научных психологических задач для специалистов-психологов (1 — наиболее легкая, 4 — трудная): 1 — *Интеллект и креативность*, 2 — *Мышление*, 3 — *G-фактор*, 4 — *IQ*.

Table 2

Connection of intellectual confidence of psychologists with the success of problem solving and detection of hints

Correlating Variables	Correlation value ρ Spearman	Significance level (p)
Success <i>Thick and thin</i> with Con 3	0.386	0.013
Success <i>Gooseberry</i> with Con3	0.319	0.042
Detection hints <i>IQ</i> with Con2	0.350	0.025
Success <i>Intelligence and creativity</i> with Con1	0.409	0.008
Success <i>Thinking</i> with Con1	0.579	0.000
Detection hints <i>Thinking</i> with Con2	0.314	0.046
Detection hints <i>G-factor</i> with Con2	0.323	0.039

Confidence is marked as Con1 at the stage of understanding the problem, as Con2 at the stage of hypotheses, as Con3 at the stage of formulating the final solution.

Here and further: Difficulty of artistic literary tasks for psychologists (1 — easy, 4 — difficult): 1 — *Gooseberry*, 2 — *Thick and thin*, 3 — *Malefactor (Zlounishlennik)*, 4 — *Exam*.

The difficulty of scientific psychological tasks for psychologists (1 — easy, 4 — difficult): 1 — *Intelligence and creativity*, 2 — *Thinking*, 3 — *G-factor*, 4 — *IQ*.

Таблица 3

Связь интеллектуальной уверенности психологов с интересом к решению проблемных задач

Коррелирующие переменные	Коэффициент корреляции ρ Спирмена	Уровень значимости (p)
Инт3 Толстый и тонкий с Ув3	0,424	0,006
Инт1 Крыжовник с Ув1	0,546	0,000
Инт1 Интеллект и креативность с Ув1	0,422	0,006
Инт3 Интеллект и креативность с Ув3	0,342	0,029
Инт1 Мышление с Ув1	0,478	0,002
Инт3 Мышление с Ув3	0,477	0,002
Инт3 G-фактор с Ув3	0,485	0,001

Уверенность на этапе понимания задачи обозначается как Ув1, на этапе выдвижения гипотез — Ув2, на этапе формулирования окончательного решения — Ув3. Интерес в начале решения — Инт1, в конце — Инт3.

Table 3

Connection of psychologists' intellectual confidence with interest to problem solving

Correlating Variables	Correlation value ρ Spearman	Significance level (p)
Int3 <i>Thick and thin</i> with Con	0.424	0.006
Int1 <i>Gooseberry</i> with Con1	0.546	0.000
Int1 <i>Intelligence and creativity</i> with Con1	0.422	0.006
Int3 <i>Intelligence and creativity</i> with Con3	0.342	0.029
Int1 <i>Thinking</i> with Con1	0.478	0.002
Int3 <i>Thinking</i> with Con3	0.477	0.002
Int3 <i>G-factor</i> with Con3	0.485	0.001

Confidence is denoted as Con1 at the stage of understanding the problem, as Con2 at the stage of hypotheses, as Con3 at the stage of formulating the final solution; interest at the beginning of the solution is indicated as Int1, the interest at the end of solution is indicated as Int3.

В табл. 4 представлены значимые корреляции уверенности в решении проблемных задач с интересом и успешностью решения для выборки инженеров и географов.

Таблица 4

Связь интеллектуальной уверенности с интересом к решению проблемных задач инженерами и географами

Коррелирующие переменные	Коэффициент корреляции ρ Спирмена	Уровень значимости (p)
Инт1 Экзамен с Ув1	0,570	0,003
Инт3 Экзамен с Ув3	0,843	0,000
Инт1 Злоумышленник с Ув1	0,570	0,003
Инт3 Злоумышленник с Ув3	0,686	0,000
Инт1 Крыжовник с Ув1	0,603	0,001
Инт3 Крыжовник с Ув3	0,791	0,000
Инт1 IQ с Ув1	0,402	0,047
Инт3 IQ с Ув3	0,686	0,000
Инт1 Интеллект и креативность с Ув1	0,680	0,000
Инт3 Интеллект и креативность с Ув3	0,826	0,000
Инт1 Мышление с Ув1	0,851	0,000
Инт3 Мышление с Ув3	0,695	0,000
Инт1 G-фактор с Ув1	0,525	0,007
Инт3 G-фактор с Ув3	0,597	0,002

Уверенность на этапе понимания задачи обозначается как Ув1, на этапе выдвижения гипотез — Ув2, на этапе формулирования окончательного решения — Ув3, интерес в начале решения — Инт1, в конце — Инт3.

Table 4

Connection of intellectual confidence with interest in the process of problem solving by engineers and geographers

Correlating Variables	Correlation value ρ Spearman	Significance level (p)
Int1 Exam with Con1	0.570	0.003
Int3 Exam with Con3	0.843	0.000
Int1 A Malefactor (Zlounishlennik) with Con1	0.570	0.003
Int3 A Malefactor (Zlounishlennik) with Con3	0.686	0.000
Int1 Gooseberry with Con1	0.603	0.001
Int3 Gooseberry with Con3	0.791	0.000

Correlating Variables	Correlation value ρ Spearman	Significance level (p)
Int1 IQ with Con1	0.402	0.047
Int3 IQ with Con3	0.686	0.000
Int1 <i>Intelligence and creativity</i> with Con1	0.680	0.000
Int3 <i>Intelligence and creativity</i> with Con3	0.826	0.000
Int1 <i>Thinking</i> with Con1	0.851	0.000
Int3 <i>Thinking</i> with Con3	0.695	0.000
Int1 <i>G-factor</i> with Con1	0.525	0.007
Int3 <i>G-factor</i> with Con3	0.597	0.002

Confidence is denoted as Con1 at the stage of understanding the problem, as Con2 at the stage of hypotheses, as Con3 at the stage of formulating the final solution; interest at the beginning of the solution is indicated as Int1, the interest at the end of solution is indicated as Int3.

В решении проблемных задач художественного литературного содержания географами и инженерами не было обнаружено связи уверенности с успешностью решения, но была обнаружена положительная связь интереса в начале решения с уверенностью на этапе понимания задачи, а также положительная связь интереса в конце решения с уверенностью на этапе формулирования окончательного решения. В решении проблемных задач научного содержания специалистами не было обнаружено связи уверенности с успешностью решения, но была обнаружена связь интереса в начале решения с уверенностью на этапе понимания задачи, а также связь интереса в конце решения с уверенностью на этапе формулирования окончательного решения. В отличие от специалистов-психологов, для инженеров и географов данный результат был получен не только на легких, но и на трудных задачах.

Обсуждение результатов

Выявленные типы динамики интеллектуальной уверенности могут быть объяснены в контексте исследований научной школы О.К. Тихомирова: тип динамики 3 свидетельствует об интеллектуальном поиске, переживаемом в форме интеллектуального сомнения, на этапах понимания сути проблемы, выдвижения гипотез, нахождения решения и, в связи с этим, возникновении уверенности в правильности на окончательных этапах решения. Тип 5 свидетельствует об исходно верном, близком к эталонному, понимании смысла

проблемной ситуации, которая определяет дальнейшую уверенность на всех этапах решения, или же исходном непонимании смысла ситуации, приводящем к неуспешному решению. Тип 4 говорит об исходном непонимании сути проблемной задачи при высокой уверенности, однако сигнал о том, что ситуация понята неточно, возникает только на заключительном этапе в форме сомнения и свидетельствует о необходимости продолжения решения. Полученные результаты могут говорить о том, что сомнения на этапе понимания задачи в решении научных психологических задач неспециалистами выступают основанием для возникновения проблемной ситуации, запуская процесс поиска решения, в то время как у уверенных на начальных этапах респондентов проблемная ситуация не возникает.

Результаты связей успешности и уверенности позволяют говорить о том, что в разрешении научных проблемных ситуаций студентами-психологами как специалистами по отношению к задаче успешность положительно связана с обнаружением подсказки и уверенностью на этапе понимания задачи: «понял — уверен — решил». Вероятно, это обусловлено возможностью использования специальных профессиональных форм анализа на ранних этапах, позволяющих выявить подсказку сразу, в отличие от неспециалистов, которые достигают успешного решения за счет сомнения, используя общие логические формы анализа, применяемые в решении научных технических задач. Можно говорить о том, что у неспециалистов обоснованная уверенность при успешном решении связана с обнаружением подсказки. Данные результаты частично согласуются с точкой зрения Д. Канемана и Г. Клейна (Kahneman, Klein, 2009) о том, что субъективная уверенность не всегда отражает реальную обоснованность интуитивного решения, доверять ей можно только в случае опытных профессионалов, решающих задачи в пределах своей компетентности.

Выводы

В проведенном нами эмпирическом исследовании решения проблемных задач разного содержания у респондентов возникала проблемная ситуация мышления, инициируемая познавательной потребностью, переживаемой как интерес, порождающей интеллектуальные эмоции, выполняющие функцию регуляции. Показано, что интеллектуальная уверенность — вид интеллектуальных эмоций, выполняющих функцию предварительной и окончательной оценки успешности, — изменяется в процессе разрешения проблемной си-

туации в соответствии с этапами понимания задачи, выдвижения гипотез, формулирования окончательного решения.

Выявлено 6 типов динамики интеллектуальной уверенности, которые различным образом соотносятся с успешностью решения. Для проблемных ситуаций художественного содержания, требующих анализа эмоционального контекста, для студентов-неспециалистов с успешным решением сопряжены типы динамики: «сомнения — сомнения — уверенность», «уверенность на всех этапах». Успешное разрешение проблемных ситуаций научного психологического содержания, требующих профессионального, логического анализа, для специалистов сопряжено с уверенностью на каждом этапе, для неспециалистов — с сомнениями на этапах понимания сути проблемы и формулировки решения.

Неуспешное разрешение проблемной ситуации художественного содержания соотносится с сомнениями на всех этапах, что свидетельствует о недостаточном анализе, непонимании смысла проблемы, не выявлении существенной подсказки. Неуспешное разрешение проблемных ситуаций научного содержания сопряжено с сомнениями на этапе выдвижения гипотез, что говорит о том, что логическая подсказка, на которую можно опереться в решении, не обнаружена. Выявлено два типа уверенности — обоснованная, связанная с опорой на подсказки и ведущая к успешному решению, и необоснованная, без опоры на подсказку. При этом обнаружение подсказки не гарантирует успешного решения.

В заключении обозначим актуальные исследовательские проблемы. Открытым остается вопрос о соотношении трудности проблемной задачи для специалиста/неспециалиста и динамики интеллектуальной уверенности. Требуется особый анализ роли интереса в решении в контексте проблемы уверенности: уверенность определяет интерес и возможность решения или интерес определяет уверенность? Возможно, в решении проблем художественного содержания уверенность на этапе понимания смысла отражает опознание ситуации как сходной с собственным опытом эмоциональных переживаний, вызывает эмоциональный резонанс (Любарт, 2009), позволяя оценить ситуацию как интересную, дает возможность успешно решать ее, проявляя уверенность на всех этапах, в том числе, благодаря опоре на подсказку. В решении научных проблем интерес выступает драйвером процесса решения, отражает познавательную мотивацию, заставляя субъекта искать решение с опорой на подсказку путем анализа, при ее обнаружении — перейти от сомнения к уверенности на этапе

порождения гипотез и успешно решить проблему. Поставленные вопросы намечают перспективные направления исследования заявленной темы.

Литература

Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Головина Е.В., Скотникова И.Г., Эллиотт М. Феномен уверенности и его проявления в русской и немецкой культурах // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2, № 1. С. 23–34.

Головина Е.В., Тимофеева Т.Б. Уверенность в познании и общении // Познание в структуре общения / Под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 143–150.

Гусев А.В., Шарагин В.И. Исследование психологического благополучия студентов-психологов МГППУ // Экспериментальная психология. 2016. Т. 15, № 12-2. С. 19–30.

Гусев А.Н. Психофизика сенсорных задач: Системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Коробкова Э.А. Сложные аналогии // Альманах психологических тестов. М.: КСП, 1995.

Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.

Матюшкина А.А. Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 3. С. 93–107.

Матюшкина А.А., Кунашенко М.И. Креативность как предпосылка разрешения проблемных ситуаций // Актуальные проблемы психологического знания. 2019. № 1. С. 61–73.

Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учеб. пособие / Под ред. А.А. Матюшкиной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017.

Равен Дж.К., Курт Дж. Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. М., 1996.

Ромек В.Г. Уверенность в себе как социально-психологическая характеристика: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Ростовский гос. ун-т. Ростов-н/Д, 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2000.

Серебрякова Е.А. Уверенность в себе и условия ее формирования у студенческой молодежи. М.: Академия, 2000.

Скотникова И.Г. Понятие и изучение уверенности в психологии // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2019.

Ariel, R., Lembeck, N., Moffat S., Hertzog, C. (2018). Are there Sex Differences in Confidence and Metacognitive Monitoring Accuracy for Everyday, Academic, and Psychometrically Measured Spatial Ability? *Intelligence*, 70, 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2018.08.001>

Avhustiuk, M., Pasichnyk, I., Kalamazh, R. (2018). The Illusion of Knowing in Metacognitive Monitoring: Effects of the Type of Information and of Personal, Cognitive, Metacognitive, and Individual Psychological Characteristics, *Europe's Journal of Psychology*, 14, 317–341. <https://doi.org/10.5964/ejop.v14i2.1418>

Dotan, D., Meyniel, F., Dehaene, S. (2017). On-line confidence monitoring during decision- making. *Cognition*, 171, 112–121. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.11.001>

Gambetti, E., Marinello, F., Zucchelli, M., Nori, R., Giusberti, F. (2020). Fast thoughts and metacognitive feelings: The role of cognitive styles. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10, 352–363. <https://doi.org/10.1002/bdm.2225>

Grimaldi, P., Lau, H., Basso, M. (2015). There are things that we know that we know, and there are things that we do not know we do not know: Confidence in decision-making. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 55, 88–97. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2015.04.006>

Hirt, E.R., Levine, G.M., McDonald, H.E., Melton, R.J., Martin, L.L. (1997). The Role of Mood in Quantitative and Qualitative Aspects of Performance: Single or Multiple Mechanisms? *Journal of Experimental Social Psychology*, 33, 602–629. <https://doi.org/10.1006/JESP.1335>

Kahneman, D., Klein, G. (2009). Conditions for Intuitive Expertise: A Failure to Disagree. *American Psychologist*, 64 (6), 515–526. <https://doi.org/10.1037/a0016755>

Martin, L. L., Ward, D. W., Achee, J. W., Wyer, R. S. (1993). Mood as input: People have to interpret the motivational implications of their moods. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64, 317–326. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.3.317>

Meyniel, F., Sigman, M., Mainen, Z. (2015). Confidence as Bayesian probability: From neural origins to behavior. *Neuron*, 88, 78–92. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.039>

Pallier, G., Wilkinson, R., Danthiir, V., Kleitman, S., Knezevic, G., Stankov, L., Roberts, R. (2002). The Role of Individual Differences in the Accuracy of Confidence Judgments. *The Journal of general psychology*, 129, 257–299. <https://doi.org/10.1080/00221300209602099>

Schwarz, N. (2012). Feelings-as-Information Theory. *Handbook of Theories of Social Psychology*, 1, 289–308. <https://doi.org/10.4135/9781446249215.n15>

Schwarz, N., Clore, G. (1983). Mood, misattribution, and judgments of well-being: informative and directive functions of affective states. *Journal of personality and social psychology*, 45 (3), 513. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.45.3.513>

References

Ariel, R., Lembeck, N., Moffat, S., Hertzog, C. (2018). Are there Sex Differences in Confidence and Metacognitive Monitoring Accuracy for Everyday, Academic,

and Psychometrically Measured Spatial Ability? *Intelligence*, 70, 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2018.08.001>

Avhustiuk, M., Pasichnyk, I., Kalamazh, R. (2018). The Illusion of Knowing in Metacognitive Monitoring: Effects of the Type of Information and of Personal, Cognitive, Metacognitive, and Individual Psychological Characteristics. *Europe's Journal of Psychology*, 14, 317–341. <https://doi.org/10.5964/ejop.v14i2.1418>

Dotan, D., Meyniel, F., Dehaene, S. (2017). On-line confidence monitoring during decision-making. *Cognition*, 171, 112–121. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.11.001>

Gambetti, E., Marinello, F., Zucchelli, M., Nori, R., Giusberti, F. (2020). Fast thoughts and metacognitive feelings: The role of cognitive styles. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10, 352–363. <https://doi.org/10.1002/bdm.2225>

Golovina, E.V., Skotnikova, I.G., Elliott, M. (2009). The phenomenon of confidence and its manifestations in Russian and German cultures. *Экспериментальная психология (Experimental Psychology)*, 2 (1), 23–34 (In Russ.).

Golovina, E.V., Timofeeva, T.B. (2008). Confidence in cognition and communication In Knowledge in the structure of communication. (Eds.), In V.A. Barabanshchikova, E.S. Samoilenko. Moscow: Institut Psihologii RAN. (pp. 143–150) (In Russ.).

Grimaldi, P., Lau, H., Basso, M. (2015). There are things that we know that we know, and there are things that we do not know we do not know: Confidence in decision-making. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 55, 88–97. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2015.04.006>

Gusev, A.N. (2004). Psychophysics of sensory tasks: System-activity analysis of human behavior in a situation of uncertainty. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Gusev, A.V., Sharagin, V.I. (2016). The study of the psychological well-being of students-psychologists MSUPE. *Экспериментальная психология (Experimental Psychology)*, 15, 12-2, 19–30 (In Russ.).

Hirt, E.R., Levine, G.M., McDonald, H.E., Melton, R.J., Martin, L.L. (1997). The Role of Mood in Quantitative and Qualitative Aspects of Performance: Single or Multiple Mechanisms? *Journal of Experimental Social Psychology*, 33, 602–629. <https://doi.org/10.1006/JESP.1335>

Kahneman, D., Klein, G. (2009). Conditions for Intuitive Expertise: A Failure to Disagree. *American Psychologist*, 64 (6), 515–526. <https://doi.org/10.1037/a0016755>

Korobkova, E.A. (1995). Complex analogies. Almanac of psychological tests. M.: KSP.

Lubart, T. (2009). Psychology of creativity. M.: Kogito-Centre. (In Russ.).

Martin, L.L., Ward, D.W., Achee, J.W., Wyer, R.S. (1993). Mood as input: People have to interpret the motivational implications of their moods. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64, 317–326. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.3.317>

Matyushkin, A.M. (2017). Psychology of thinking. Thinking as a solution of problem situations: textbook. (Eds.), In A.A. Matyushkina. 2nd ed., rev. and additional. M.: Mezhdunarodnie otnoshenia. (In Russ.).

Matyushkina, A.A. (2015). Levels of solving a problem task as a reflection of the depth of thinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology)*, 3, 93–107 (In Russ.).

Matyushkina, A.A., Kunashenko, M.I. (2019). Creativity as a prerequisites for solving problem situations. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya (Actual problems of psychological knowledge)*, 1, 61–73 (In Russ.).

Meyniel, F., Sigman, M., Mainen, Z. (2015). Confidence as Bayesian probability: From neural origins to behavior. *Neuron*, 88, 78–92. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.039>

Pallier, G., Wilkinson R., Danthiir V., Kleitman S., Knezevic G., Stankov L., Roberts, R. (2002). The Role of Individual Differences in the Accuracy of Confidence Judgments. *The Journal of General Psychology*, 129, 257–299. <https://doi.org/10.1080/00221300209602099>

Raven, J.K., Kurt, J.H., Raven, J. (1996). A Guide to Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales. M. (In Russ.).

Romek, V.G. (1997). Self-confidence as a socio-psychological characteristic: Avtoreferat diss. ... candidate of psychological sciences. Rostov. state un-t. Rostov-on-Don (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (2000). Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Piter (In Russ.).

Schwarz, N. (2012). Feelings-as-Information Theory. *Handbook of Theories of Social Psychology*, 1, 289–308. <https://doi.org/10.4135/9781446249215>

Schwarz, N., Clore, G. (1983). Mood, misattribution, and judgments of well-being: informative and directive functions of affective states. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45 (3), 513. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.45.3.513>

Serebryakova, E.A. (2000). Self-confidence and the conditions for its formation in student youth. M.: Academia (In Russ.).

Skotnikova, I.G. (2019). The concept and study of confidence in psychology. In Development of concepts in modern psychology. T. 2 . In A.L. Zhuravleva, E.A. Sergienko. M.: Izd. IP RAN. (In Russ.).

Vasiliev, I.A., Popluzhny, V.L., Tikhomirov, O.K. (1980). Emotions and thinking. M.: Izdatelskii Dom MGU (In Russ.).

Поступила: 09.02.2023

Получена после доработки: 23.06.2023

Принята в печать: 12.07.2023

Received: 09.02.2023

Revised: 23.06.2023

Accepted: 12.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марина Игоревна Кунашенко — аспирантка кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, lanaya.croft@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5627-9587>

Анна Алексеевна Матюшкина — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, aam_msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4481-798X>

ABOUT THE AUTHORS

Marina I. Kunashenko — Postgraduate Student at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, lanaya.croft@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5627-9587>

Anna A. Matyushkina — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, aam_msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4481-798X>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-30>

УДК 159.9.07

О различном вкладе личностных характеристик в компоненты субъективного благополучия

А.А. Дехтяренко^{✉1}, Н.Л. Савченко^{1, 2}, Е.И. Шлягина¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Психологический институт Российской академии образования, Москва, Российская Федерация

✉ anastasyadekhtyarenko@gmail.com

Резюме

Актуальность. В связи с глобальными переменами и возрастающей социокультурной неопределенностью становится важным определить, какие личностные характеристики позволяют человеку поддерживать высокий уровень субъективного благополучия в современных условиях.

Цель. Определение вклада личностных характеристик (перфекционизма, стратегий совладания и толерантности к неопределенности) в компоненты субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью и субъективное счастье).

Методы. Респондентам предлагались 6 опросных методик: «3-факторный опросник перфекционизма», «Сокращенный опросник проактивного копинга», «Методика диагностики стресс-совладания» Д. Амирхана, «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника» С. Баднера, «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски и «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера. Статистическая обработка данных выполнялась с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 с применением регрессионного анализа и анализа модерации.

Выборка. В исследовании приняли участие 142 респондента (123 девушки, 19 юношей), студенты Финансового университета при Правительстве РФ города Москвы (средний возраст = 19,32, SD = 0,644).

Результаты. В результате регрессионного анализа выявлен положительный вклад проактивного совладания, а также отрицательный вклад компонента перфекционизма «негативное селектирование и фиксация на собственном

несовершенстве» как в отдельные компоненты субъективного благополучия, так и в его интегральный показатель. Проактивная копинг-стратегия «поиск эмоциональной поддержки» вносит вклад в когнитивный компонент субъективного благополучия и в его интегральный показатель, при этом не сказывается на эмоциональном компоненте. Полученная модераторная модель показывает рост субъективного благополучия при использовании проактивной стратегии совладания, независимо от уровня выраженности компонента перфекционизма «негативное селектирование и фиксация на собственном несовершенстве».

Выводы. В ходе исследования был выявлен вклад таких личностных характеристик, как проактивные стратегии совладания (проактивное совладание, поиск эмоциональной поддержки) и компонента перфекционизма «негативное селектирование...» в уровень субъективного благополучия. Также выявлено, что проактивное совладание нивелирует связь перфекционизма и субъективного благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, перфекционизм, проактивные стратегии совладания, толерантность к неопределенности, модераторный анализ.

Для цитирования: Дехтяренко А.А., Савченко Н.Л., Шлягина Е.И. О различном вкладе личностных характеристик в компоненты субъективного благополучия // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 120–142. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-30>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-30>

Various effects of personal traits on the components of subjective well-being

Anastasiia A. Dekhtiarenko^{✉1}, Nina L. Savchenko^{1,2}, Elena I. Shliagina¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

[✉] anastasyadekhtyarenko@gmail.com

Abstract

Background. Due to global changes and growing socio-cultural uncertainty, it is important to determine which personal traits allow a person to maintain a high level of subjective well-being in modern conditions of living.

Objective. The article aims to determine the contribution of personal traits (perfectionism, coping strategies and tolerance for ambiguity) to the components of subjective well-being (life satisfaction and subjective happiness).

Sample. The study involved 142 respondents (123 females, 19 males), students of Moscow universities (mean age = 19,32, SD = 0,644).

Methods. Respondents were offered to complete 6 questionnaires: «Three-factor perfectionism questionnaire», «Proactive coping abbreviated questionnaire», «Diagnostic technique of stress coping» of D. Amirkhan, «Scales of tolerance and intolerance to ambiguity in modification of S. Badner's questionnaire», «Subjective happiness scale» of S. Lyubomirsky, «The satisfaction with life scale» by E. Diener. Statistical processing of the data was performed using statistics system, IBM SPSS Statistics 23 macros PROCESS, using regression and moderator analyses.

Results. Regression analysis revealed the positive contribution of proactive coping and the negative contribution of the perfectionism component “negative selectivity and fixation on one's own imperfection” both to individual components of subjective well-being and to its integral indicator. The proactive coping strategy “seeking social support” contributes to the cognitive component of subjective well-being and its integral indicator, while not affecting the emotional component. Moderator model shows an increase in subjective well-being when using a proactive coping strategy, regardless of the level of the perfectionism component “negative selectivity and fixation on one's own imperfection”.

Conclusion. Such personal traits as proactive coping strategies (proactive coping, seeking social support) and the perfectionism component of “negative selectivity...” contribute to the level of subjective well-being. Proactive coping also levels the connection between perfectionism and subjective well-being.

Keywords: subjective well-being, perfectionism, proactive coping-strategies, tolerance to ambiguity, moderator analysis.

For citation: Dekhtiarenko, A.A., Savchenko, N.L., Shliagina, E.I. (2023). Various effects of personal traits on the components of subjective well-being. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 120–142. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-30>

Введение

В последние годы проблемы субъективного и психологического благополучия все чаще становятся предметом обсуждения в психологическом сообществе. Причиной этому служит сопутствующий глобальным переменам рост социокультурной неопределенности (Белинская, 2022). Исследователей интересует, как в таких условиях личность может сохранять высокий уровень благополучия и какие факторы на это влияют (Исаева, Акимова, Волкова, 2022; Рассказова, Леонтьев, Лебедева, 2020; Немировская, Соболева, 2020; Белинская, Мельникова, Писарева, 2017; Jebb et al., 2020; Wilson, Weiss, Shook, 2020 и др.). Особое внимание следует обратить на молодежь, так как именно в этом возрасте, помимо общей социокультурной неопределенности, ярко выражена личностная неопределенность, связанная с профессиональным становлением, построением романтических отношений, самоопределением (Самохвалова и др., 2022).

Следует отметить разнообразие точек зрения на феномен благополучия, связанное с различными философскими предпосылками и наличием в психологии нескольких подходов к изучению данного конструкта (Леонтьев, 2020). Мы, в свою очередь, делаем попытку понимания феномена субъективного благополучия (СБ) с точки зрения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и деятельности подхода А.Н. Леонтьева.

Все существующие в настоящее время методики для изучения СБ фиксируют актуальное его состояние, однако достижение СБ, его поддержание и контроль за его состоянием — это деятельностный процесс, поэтому мы рассматриваем СБ как метамотивацию самых разных деятельностей. С одной стороны, СБ может представлять собой результат деятельности, так как оно формируется на основании достижения целей через когнитивную оценку и эмоциональные переживания своих действий, тем самым являясь «побочным» продуктом любой деятельности. С другой стороны, субъективное благополучие можно представить в виде самостоятельной деятельности, которая связана с возникновением напряжения, вызванного неудовлетворенностью каким-либо аспектом жизни, и направлена на достижение внутренней гармонии. Частично данное понимание СБ было представлено в работах других исследователей (Пучкова, 2003; Самохвалова и др., 2022).

Мы понимаем субъективное благополучие как системный, деятельностный, состоящий из нескольких компонентов феномен,

обеспечивающий динамическое равновесие между балансом положительных и отрицательных эмоций, а также когнитивной оценки жизни в целом. В феномене СБ принято выделять 2 компонента: когнитивный и эмоциональный (Осин, Леонтьев, 2020). Именно эти компоненты анализировались нами.

При взаимодействии с миром с целью удовлетворения своих потребностей и достижения целей человек использует внешние или внутренние средства, что отражено в идее Л.С. Выготского об опосредствовании психических процессов. В качестве внутренних средств или «психологических орудий» могут выступать личностные ресурсы. Согласно современным исследованиям СБ наименее подвержено воздействию объективных факторов, а в большей степени зависит от особенностей самой личности (Леонтьев, 2020), поэтому личностные характеристики, рассматриваемые в качестве ресурсов, могут выступать «психологическими орудиями» для достижения желаемого уровня благополучия.

В данном исследовании нами делается акцент на таких личностных характеристиках, как копинг-стратегии, толерантность и интолерантность к неопределенности (ИТН), перфекционизм.

В эпоху неопределенности важно понять, какие стратегии совладания используют субъективно благополучные люди (Белинская, 2022). Стиль совладающего поведения рассматривается как устойчивое личностное образование (Крюкова, 2008), поэтому мы относим копинг-стратегии к личностным характеристикам. При этом фокус внимания психологов все больше смещается с реактивных стратегий совладания в сторону проактивного совладания, направленного на ситуацию в будущем. Оно может служить средством для преадаптации личности к непредсказуемым стрессовым событиям, которых в современной реальности становится все больше (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2021). В комплексное понятие проактивного совладания включаются 6 компонентов: собственно проактивное совладание, рефлексивное совладание, превентивное совладание, стратегическое планирование, поиск эмоциональной поддержки, поиск инструментальной поддержки (Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018).

Еще одной характеристикой, способствующей преадаптации в современных условиях, наряду с копинг-стратегиями, может стать толерантность к неопределенности (ТН), которая выступает как предпосылка свободного действия, творчества (Зинченко, 2007) и является частным случаем феномена социокультурной неопределенности (Соколова, 2015). ТН рассматривается как черта лич-

ности, выражающаяся в интересе к новым событиям и готовности действовать в условиях неопределенности, а также в потенциальном получении удовольствия от ситуаций неопределенности (Корнилова, Чумакова, 2014; Леонтьев, 2015). В более раннем нашем исследовании связей личностных факторов и СБ была обнаружена положительная связь ТН с проактивной стратегией совладания: чем выше у студентов ТН, тем более вероятно, что они смотрят в будущее позитивно, видят в нем возможности и ценят полученный опыт как ресурс для будущих действий. Некоторые исследователи рассматривают толерантность к неопределенности в качестве ресурса субъективного благополучия (Банщикова, Соколовский, Коростелева, 2022), но при этом отмечается, что ее вклад в СБ неоднозначен, и требуется дополнительная проверка. Также есть данные об отрицательном вкладе интолерантности к неопределенности в удовлетворенность жизнью (Deniz, 2021).

Исследователи фиксируют, что в последние десятилетия у студенческой молодежи увеличивается уровень перфекционизма (Cunhan, Hill, 2019; Холмогорова, Гаранян, Цацулин, 2019). Эта тенденция объясняется возросшим социальным давлением на молодежь, провоцирующим также рост конкуренции и индивидуализма, а также значимостью оценок и баллов, которая закрепляется требованиями вузов.

При этом меняется и само понимание конструкта «перфекционизм»: если изначально перфекционизм понимался исключительно как дисфункциональная личностная черта, то впоследствии психологи стали выделять «здоровый»/«нормальный» и «патологический» перфекционизм (Ясная, Ениколопов, 2013; Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2018), которые по-разному сказываются на субъективном благополучии. Нормальный перфекционизм, к которому относят Я-адресованный перфекционизм, личные стандарты, адресованный другим перфекционизм, положительно связан с такими личностными характеристиками, как самоэффективность и копинг-стратегия «разрешение проблем» (Золотарева, 2012; Leunget al., 2019). Патологический перфекционизм, состоящий из социально-предписываемого перфекционизма, озабоченности ошибками и др., связан с такими личностными характеристиками, как повышенная тревожность и копинг-стратегия «избегание» (Гаранян, Андрусенко, Хломов, 2009; Золотарева, 2012).

В исследовании мы используем 3-факторную модель перфекционизма. Она апробирована как на выборке здоровых людей, так и на клинической выборке, что позволило проверить допущения о неадап-

тивности некоторых компонентов перфекционизма. Считаются таковыми компоненты перфекционизма «негативное селектирование и фиксация на собственном совершенстве» и «озабоченность оценками со стороны других при неблагоприятных сравнениях с ними» имеют более высокие показатели на клинической выборке с тревожно-фобическим и депрессивным спектром расстройств, а шкала «высокие стандарты и требования к себе» не показала значимых различий в клинической и контрольной группах и относится к адаптивному проявлению перфекционизма (Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2018).

Поскольку компоненты перфекционизма по-разному выражены на клинической и нормативной выборке, предполагаем, что вклад компонентов перфекционизма в СБ также может быть различным. В зарубежных исследованиях выявлен отрицательный вклад некоторых компонентов перфекционизма в удовлетворенность жизнью (Stoeber, Lalova, Lumley, 2019; Wang et al., 2021). На отечественной выборке выявлен отрицательный вклад «патологического перфекционизма» в удовлетворенность жизнью (Новгородова, 2015) и положительный вклад компонента перфекционизма «личные стандарты» в СБ (Шевелева и др., 2022). Новизна нашего исследования также объясняется тем, что мы рассматриваем особенности взаимосвязей компонентов перфекционизма с каждым из компонентов СБ.

В связи с актуальностью описанных выше проблем комплексное рассмотрение перечисленных личностных характеристик у студентов представляется важным, так как некоторые из них связаны с общей социокультурной неопределенностью и могут выступать в качестве ресурсов для преадаптации к новым условиям в постоянно изменяющемся мире и отражаться на уровне СБ. Так, стратегии совладания позволяют готовиться к возможным трудным ситуациям и реагировать на уже возникшие проблемы, а ТН позволяет спокойно принимать факт существования неопределенности и обеспечивает готовность к действию в новых условиях. Кроме того, важно понять, как происходит преадаптация у студентов, склонных к перфекционизму. Таким образом, мы предполагаем, что именно от выраженности этих характеристик может зависеть уровень СБ.

Целью исследования являлось определение вклада личностных характеристик (перфекционизма, стратегий совладания и толерантности к неопределенности) в компоненты субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью и субъективное счастье).

Методы

Респондентам предлагалось заполнить следующие методики:

1. «Трехфакторный опросник перфекционизма», включающий в себя следующие шкалы: «высокие стандарты и требования к себе», «озабоченность оценками со стороны других при неблагоприятных сравнениях с ними» и «негативное селектирование и фиксация на собственном несовершенстве» (Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2018).

2. «Сокращенный опросник проактивного копинга», включающий в себя следующие шкалы: «проактивное совладание», «рефлексивное совладание», «стратегическое планирование», «превентивное совладание», «поиск эмоциональной поддержки», «поиск инструментальной поддержки» (Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018).

3. «Методика диагностики стресс-совладания» Д. Амирхана, включающая в себя следующие копинг-стратегии: «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание» (Прихожан, Толстых, 2005).

4. «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности» в модификации опросника С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014).

5. «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски (Осин, Леонтьев, 2020).

6. «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (Осин, Леонтьев, 2020).

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием статистической программы IBM SPSS Statistics 23 с применением регрессионного анализа (метод — обратной пошаговой регрессии). Для построения модераторных моделей использован макрос PROCESS, разработанный А. Хейсом (Hayes, 2018).

Выборка

В исследовании приняли участие 142 респондента (123 девушки, 19 юношей), студенты Финансового университета при Правительстве РФ города Москва (средний возраст = 19,32, SD = 0,644). Сбор данных производился в онлайн-формате с применением сервиса Google Forms. Участие в исследовании было добровольным, респондентам сообщалось о цели исследования и об использовании полученных данных в научных целях в обобщенном виде, также была гарантирована конфиденциальность.

Результаты исследования

В результате межгруппового сравнения с помощью U-критерия Манна — Уитни значимых половых различий обнаружено не было ни по одной из переменных, в связи с этим нами было принято решение продолжить анализ данных на общей выборке.

С целью выявления моделей, показывающих, какие переменные вносят наибольший вклад в компоненты СБ, нами был проведен иерархический регрессионный анализ методом пошагового отбора для каждого компонента СБ (удовлетворенность жизнью и субъективное счастье). Несмотря на то, что не все переменные имеют нормальное распределение, распределения не являются дискретными, что позволяет нам использовать регрессионный анализ (Hayes, 2018).

На первом этапе мы определяли, какие переменные вносят вклад в дисперсию эмоционального компонента СБ, измеренного по «Шкале субъективного счастья» С. Любомирски (табл. 1). Модель линейной регрессии, объясняющая 42,6 % дисперсии, позволяет сделать вывод, что наиболее значимый положительный вклад в субъективное счастье вносят проактивная копинг-стратегия «собственно проактивное совладание» и отрицательный вклад вносит компонент перфекционизма «негативное селектирование...».

На следующем этапе мы определяли, какие переменные вносят вклад в когнитивный компонент СБ, измеренный по «Шкале удовлетворенности жизнью» Э. Динера (табл. 2). Построенная модель объясняет 34,7 % дисперсии зависимой переменной. Наибольший положительный вклад в удовлетворенность жизнью вносят проактивные копинг-стратегии «собственно проактивное совладание» и «поиск эмоциональной поддержки», отрицательный вклад вносит компонент перфекционизма «негативное селектирование...».

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа предикторов субъективного счастья

	Субъективное счастье ($R^2 = 0,426$, $p < 0,01$)				
	B	SE	Beta	t	Значимость
(Константа)	17,017	2,831		6,011	0,000
Проактивное совладание	0,581	0,105	0,372	5,521	0,000
Избегание	-0,165	0,086	-0,136	-1,922	0,057
Негативное селектирование	-0,380	0,075	-0,368	-5,093	0,000

Table 1

Results of regression analysis of predictors of subjective happiness

	Subjective happiness ($R^2 = 0.426, p < 0.01$)				
	B	SE	Beta	t	Significance
Constant	17.017	2.831		6.011	0.000
Proactive coping	0.581	0.105	0.372	5.521	0.000
Avoidance	-0.165	0.086	-0.136	-1.922	0.057
Negative selectivity	-0.380	0.075	-0.368	-5.093	0.000

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа предикторов удовлетворенности жизнью

	Удовлетворенность жизнью ($R^2 = 0,347, p < 0,01$)				
	B	SE	Beta	t	Значимость
(Константа)	18,807	3,880		4,848	0,001
Поиск эмоциональной поддержки	0,475	0,144	0,242	3,301	0,001
Проактивное совладание	0,414	0,138	0,223	2,999	0,003
Избегание	-0,198	0,111	-0,137	-1,782	0,077
Негативное селектирование	-0,338	0,095	-0,275	-3,557	0,001

Table 2

Results of regression analysis of life satisfaction

	Life satisfaction ($R^2=0.347, p<0.01$)				
	B	SE	Beta	t	Significance
Constant	18.807	3.880		4.848	0.001
Seeking social support	0.475	0.144	0.242	3.301	0.001
Proactive coping	0.414	0.138	0.223	2.999	0.003
Avoidance	-0.198	0.111	-0.137	-1.782	0.077
Negative selectivity	-0.338	0.095	-0.275	-3.557	0.001

Далее нами был посчитан интегральный показатель СБ как среднее значение между субъективным счастьем и удовлетворенностью жизнью с целью выявления вклада личностных характеристик в общий уровень благополучия.

Построенная регрессионная модель ($R^2 = 0,417$, $p < 0,01$) схожа с моделью, в которой зависимой переменной являлась удовлетворенность жизнью (табл. 3). Основной положительный вклад в общий показатель СБ также вносят проактивные копинг-стратегии: «собственно проактивное совладание», «поиск эмоциональной поддержки» и отрицательный вклад — компонент перфекционизма «негативное селектирование...».

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа предикторов субъективного благополучия

	Субъективное благополучие ($R^2 = 0,417$, $p < 0,01$)				
	B	SE	Beta	t	Significance
(Константа)	17,328	3,197		5,419	0,000
Проактивное совладание	0,484	0,114	0,298	4,249	0,000
Поиск эмоциональной поддержки	0,296	0,119	0,173	2,499	0,014
Избегание	-0,174	0,092	-0,138	-1,901	0,059
Негативное селектирование	-0,358	0,078	-0,334	-4,570	0,000

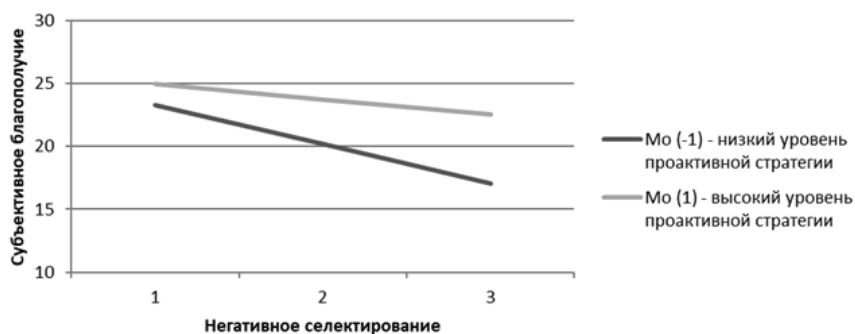
Table 3

Results of regression analysis of subjective well-being

	Subjective well-being ($R^2 = 0.417$, $p < 0.01$)				
	B	SE	Beta	t	Significance
Constant	17.328	3.197		5.419	0.000
Proactive coping	0.484	0.114	0.298	4.249	0.000
Seeking social support	0.296	0.119	0.173	2.499	0.014
Avoidance	-0.174	0.092	-0.138	-1.901	0.059
Negative selectivity	-0.358	0.078	-0.334	-4.570	0.000

Далее был проведен модераторный анализ с целью выявления различий во вкладе компонентов перфекционизма в компоненты субъективного благополучия при разном уровне стратегий совладания. Использован метод модераторного анализа, так как именно он показывает, как меняется зависимая переменная при взаимодействии независимой переменной и модератора, в отличие от медиаторного анализа, который демонстрирует прямой или косвенный эффект независимой переменной в предсказании зависимой. В результате анализа была построена одна значимая модераторная модель ($R^2 = 0,407$, $p < 0,01$), предиктором которой является компонент перфекционизма «негативное селективное...», а модератором — проактивная стратегия совладания (рис. 1). Предиктор и модератор были выбраны нами в соответствии с величиной их коэффициента в регрессионных моделях: чем больше коэффициент, тем большей прогностической силой обладает данная переменная, тем вероятнее она будет являться предиктором. Модели с другими стратегиями совладания и компонентами перфекционизма в качестве независимых переменных и модераторов оказались незначимыми.

Полученная модель говорит о том, что при фиксации на собственном несовершенстве и фокусе внимания на негативных событиях уровень СБ будет значительно выше, если используется проактивная стратегия совладания. В том случае, если человеку не свойственен проактивный копинг, то чем выше будет уровень негативного селективного, тем ниже будет уровень СБ.

Рис. 1. Модераторная модель вклада проактивной стратегии совладания в связь компонента перфекционизма «негативное селективное» и фиксация на собственном несовершенстве и СБ

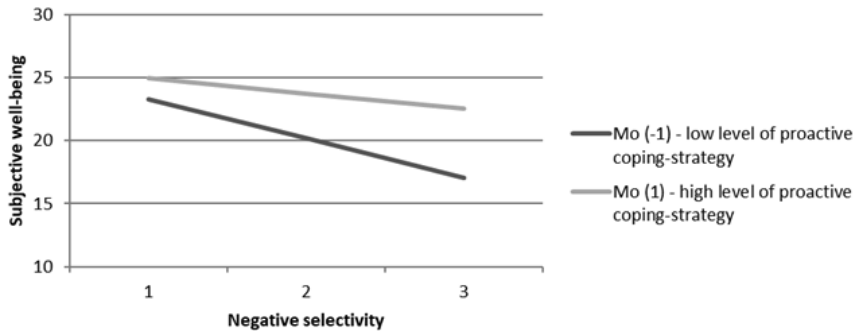

Fig. 1. Proactive coping-strategy effect in the correlation between the component of perfectionism and life satisfaction (based on moderator analysis)

Обсуждение результатов

В результате регрессионного анализа выявлено, что в эмоциональный компонент СБ вносят вклад только две из рассматриваемых нами характеристик — «собственно проактивное совладание» и компонент перфекционизма «негативное селективное...». В удовлетворенность жизнью помимо проактивного совладания и негативного селективного положительный вклад вносит проактивная копинг-стратегия «поиск эмоциональной поддержки», однако данные личностные характеристики обладают меньшей прогностической силой для когнитивного компонента СБ, то есть, в отличие от субъективного счастья, уровень удовлетворенности жизни объясняется большим количеством неучтенных факторов. Предикторами общего уровня СБ стали личностные характеристики, входящие в модели для каждого компонента СБ, что было ожидаемо и подтверждает интегральность показателя СБ.

Таким образом, на выборке студентов, преимущественно девушек, выявлено, что субъективное счастье и удовлетворенность жизнью зависит от одинаковых стратегий совладания и компонента перфекционизма «негативное селективное...» за исключением «поиска эмоциональной поддержки», которая вносит вклад только в удовлетворенность жизнью.

Объяснение полученных данных мы видим в следующем. Проактивная стратегия совладания позволяет человеку положительно относиться к трудностям, воспринимать их как источник позитивного опыта, на который впоследствии можно опереться. Такое отно-

шение к новым и стрессовым ситуациям позволяет не отчаиваться, извлекать пользу из неудач и двигаться дальше, что особенно важно для студентов, которые постоянно сталкиваются с неизвестностью и только приобретают опыт в различных сферах жизни. Обращаясь к данным, полученным Е.П. Белинской, следует отметить, что позитивные эмоции являются опосредствующим звеном между проактивной стратегией совладания и удовлетворенностью жизнью. Это объясняется тем, что при столкновении со стрессовой ситуацией человек верит в собственные силы, которые позволяют ему преодолеть возникшие трудности, что вызывает у него положительные эмоции и повышает его удовлетворенность жизнью (Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018).

Следующей характеристикой, играющей важную роль в предсказании уровня СБ, является компонент перфекционизма «негативное селектирование...». Его отрицательный вклад в компоненты СБ может быть объяснен следующим образом: фокус внимания на своих неудачах приводит к негативным чувствам, что снижает уровень субъективного счастья. К тому же при высокой выраженности «негативного селектирования...» человек не отмечает свои достижения, рассматривая их как должное, при этом чрезмерное внимание уделяет своим ошибкам, что может приводить к низкой оценке своей жизни, которая в основном складывается из недостатков. Похожие данные получены в работе А.А. Золотаревой, где патологический перфекционизм, в который входит повышенное внимание к своим ошибкам, отрицательно связан и с субъективным счастьем, и с удовлетворенностью жизнью (Золотарева, 2012).

Более глубокий вывод, касающийся совместного вклада проактивной стратегии совладания и компонента перфекционизма «негативное селектирование...» в СБ, позволяет сделать построенная модераторная модель: негативный эффект перфекционизма нивелируется проактивной копинг-стратегией. Такой человек может уделять большое внимание своим неудачам, но он также способен рассматривать неудачу как источник позитивного опыта и использовать проактивную стратегию совладания.

Так как собственно проактивная стратегия совладания близка по содержанию к конструкту самоэффективности (Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018), можно говорить о том, что вера в свои силы позволяет человеку успешно справляться с трудными ситуациями. Это, в свою очередь, ведет как к положительной оценке своей жизни, так и к переживанию положительных эмоций. Ранее также было выявлено

но, что самооффе́ктивность является предиктором психологического благополучия, под которым понимается мера того, насколько человек по своим психологическим характеристикам и способам функционирования близок к оптимальному уровню жизнеспособности.

Отдельно следует рассмотреть проактивную копинг-стратегию «поиск эмоциональной поддержки», которая вносит вклад в удовлетворенность жизнью. Содержательно данная стратегия подразумевает управление своим эмоциональным состоянием с помощью проживания, обсуждения своих эмоций с другими людьми, что «приводит к увеличению адаптационных ресурсов и соответствующему повышению удовлетворенности жизнью» (Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018, с. 201). Использование этой стратегии вероятно приводит к снижению эмоционального напряжения и позволяет более рационально подойти к решению трудной жизненной ситуации.

В начале исследования мы предполагали обнаружить значимый вклад ТН и ИТН в компоненты СБ, так как ТН является характеристикой, сопутствующей нормальному перфекционизму, который положительно связан с СБ, а ИТН сопутствует патологическому перфекционизму, который отрицательно связан с СБ (Золотарева, 2012). Однако данная гипотеза не подтвердилась. Объяснение этого факта может быть следующим.

Мы рассматриваем ТН и ИТН как показатели принятия условий неопределенности, обуславливающие «процессы личностной саморегуляции в условиях отсутствия устойчивых ориентиров выбора и невозможности применения устоявшихся клише или готовых решений» (Корнилова, Чумакова, 2014, с. 93). Отсутствие их связи с актуальным состоянием субъективного благополучия можно объяснить тем, что на данный момент в субъективном восприятии те условия, в которых находятся студенты, не представляются для них ярко окрашенными как неопределенные. Поскольку респонденты обучаются на втором и третьем курсах, в сфере получения профессии они уже имели возможность выработать для себя оптимальные способы поведения и отношения к повседневным стрессам (Корнилова, Чумакова, 2014). Поэтому мы предполагаем, что за счет наличия определенности, устойчивости в деятельности получения образования, а именно эта деятельность является ведущей на данном этапе жизни, отношение к социокультурной неопределенности не является настолько субъективно значимым, чтобы отражаться на СБ студентов.

Таким образом, описывая субъективно благополучного студента можно сказать, что он положительно относится к трудным ситуаци-

ям и воспринимает их как источник позитивного опыта. В качестве ресурса совладания с возможной стрессовой ситуацией чаще всего будет использоваться эмоциональная поддержка окружающих людей. Отличительной особенностью благополучных студентов также является адекватная оценка как своих достижений, так и неудач и отсутствие фиксации на своих недостатках. Развитие навыка проактивного совладания и снижение перфекционистской установки, фиксирующейся на собственном несовершенстве, позволит регулировать деятельность, направленную на достижение высокого уровня субъективного благополучия.

Выводы

Анализ результатов позволил построить модели, на основании которых можно сделать вывод о вкладе личностных характеристик в компоненты СБ (субъективное счастье и удовлетворенность жизнью).

На наш взгляд, следует отметить следующие важные моменты:

1. Эмпирически показано, что личностные характеристики (стратегии совладания и компонент перфекционизма «негативное селектирование...») вносят вклад в уровень субъективного благополучия.

2. Компонент перфекционизма «негативное селектирование...» вносит отрицательный вклад, а собственно проактивная стратегии совладания вносит положительный вклад в большей степени в оценку человеком собственного счастья, чем в его уровень удовлетворенности жизнью.

3. При прогнозировании как уровня субъективного счастья, так и уровня удовлетворенности жизнью можно опираться на меру выраженности по крайней мере двух личностных характеристик: проактивной стратегии совладания и перфекционистской фиксации на собственном несовершенстве и негативных последствиях.

4. Способность студента к регуляции эмоционального состояния с помощью общения с другими людьми положительно сказывается как на его удовлетворенности жизнью, так и на субъективном благополучии в целом, но не отражается на его представлении о мере собственного счастья.

5. Чем больше студент склонен к обесцениванию результатов своей деятельности и акцентированию внимания на негативных последствиях, тем более возрастает вероятность снижения субъективного благополучия в проблемной ситуации. Однако если при данной личностной особенности он привык также переключать внимание на

позитивные аспекты опыта, получаемого при столкновении с трудностью, и ценить собственные усилия, его субъективное благополучие с большой вероятностью не будет подвергаться изменению при падении в трудную ситуацию.

Проведенное исследование обладает рядом ограничений. Первое касается состава выборки по полу, что может исказить результаты и не позволяет выявить достоверные половые различия. Также выборка состоит из студентов только одного вуза в возрасте 18–23 лет, что снижает репрезентативность исследования. Выводы, сделанные по трехфакторному опроснику перфекционизма, требуют дополнительной проверки путем применения других опросников на перфекционизм. Расширение батареи методик позволит углубить понимание структуры взаимосвязей исследуемых конструктов, а сравнение результатов по используемой батарее на аналогичных выборках из других университетов и городов позволит проверить наличие профессиональной и региональной специфики.

Литература

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 4. С. 3–20.

Банщикова Т.Н., Соколовский М.Л., Коростелева Т.В. Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19, № 4. С. 717–743.

Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6. С. 760–771.

Белинская Е.П., Мельникова Н.М., Писарева Л.Ю. Гуманитарные аспекты здоровья и благополучия: причины исследовательского интереса и основные теоретические подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 111–116.

Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7, № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2018_n3/Belinskaya_et_al?ysclid=lecgymmodc322655943 (дата обращения: 23.01.2023).

Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. Т. 14, № 1. С. 72–81.

Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 2. С. 8–32.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.

Золотарева А.А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2012.

Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 4. С. 24–35.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 92–110.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. № 4. С. 147–153.

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 26.04.2023).

Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг. 2020. № 1 (155). С. 177–142.

Немировская А.В., Соболева Н.Е. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 54–81.

Новгородова Е.Ф. Роль перфекционизма в субъективном благополучии молодежи // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/1216-novgorodova44.html> (дата обращения: 29.01.2023).

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг. 2020. № 1 (155). С. 117–142.

Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005.

Пучкова Г.Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003.

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. № 2. С. 90–108.

Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30, № 1. С. 29–48.

Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015 Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2015v8n40e/1125-sokolova40e.html> (дата обращения: 14.04.2023).

Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г., Цацулин Т.О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 3. С. 41–50.

Шевелева М.С. и др. Перфекционизм и феномен самозванца как предикторы увлеченности работой и субъективного благополучия // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 3. С. 80–88.

Ясная В.А., Ениколопов С.Н. Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html> (дата обращения: 25.04.2023).

Curran, T., Hill, A. (2017). Perfectionism Is Increasing Over Time: A Meta-Analysis of Birth Cohort Differences From 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 145 (4). (Retrieved from: <https://doi.org/10.1037/bul0000138>) (review date: 01.05.2023).

Deniz, M. (2021). Self-compassion, intolerance of uncertainty, fear of COVID-19, and well-being: A serial mediation investigation. *Personality and Individual Differences*, 177 (4). (Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2021.110824>). (review date: 28.04.2023).

Hayes, A.F. (2018). *Introduction to Mediation, Moderation and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. Guilford Press.

Jebb, A. T., Morrison, M., Tay L., Diener, E. (2020). Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span. *Psychological Science*, 31 (3), 293–305.

Leung, J., Cloninger R., Hong, B., Cloninger, K.M. et al. (2019). Temperament and character profiles of medical students associated with tolerance of ambiguity and perfectionism. *Peer J*, 7. (Retrieved from: <https://doi.org/10.7717/peerj.7109>) (review date: 01.05.2023)

Stoeber, J., Lalova, A. V., Lumley, E. J. (2019). Perfectionism, (self-)compassion, and subjective well-being: A mediation model. *Personality and Individual Differences*, 154. (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109708>) (review date: 23.01.2023).

Wang, C, Huang, Y, Xiao, Y. (2021). The Mediating Effect of Social Problem-Solving Between Perfectionism and Subjective Well-Being. *Frontiers in Psychology*, 12. (Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.764976>) (review date: 10.05.2023).

Wilson, J.M., Weiss, A., Shook, N.J. (2020). Mindfulness, self-compassion, and savoring: Factors that explain the relation between perceived social support and well-being. *Personality and Individual Differences*, 152. (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109568>) (review date: 23.01.2023).

References

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorisov, A.M. (2021). The Paradox of the Adaptation and Preadaptation Coexistence of in the Historical and Evolutionary Process. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 67, 4, 3–20. (In Russ).

Banshchikova, T.N., Sokolovskii, M.L., Korosteleva, T.V. (2022). Self-regulation and Tolerance for Uncertainty as Resources for the Subjective Well-being of Modern Youth: A Cross-cultural Aspect. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika (RUDN Journal of Psychology and Pedagogics)*, 19, 4, 717–743. (In Russ).

Belinskaya, E.P. (2022). Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: the Main Research Trend. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, 24, 6, 760–771. (In Russ).

Belinskaya, E.P., Melnikova N.M., Pisareva L.Yu. (2017). The Humanitarian Aspects of Health and Wellness: Causes of Research Interest and Main Theoretical Approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, 2, 111–116. (In Russ).

Belinskaya, E.P., Vecherin, A.V., Agadullina, E.R. (2018). Proactive Coping Inventory: Adaptation to a Non-Clinical Sample and the Predictive Capability. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya (Clinical Psychology and Special Education)*, 7, 3. (Retrieved from: <https://doi.org/10.17759/psycljn.2018070312>). (In Russ).

Curran, T., Hill, A. (2017). Perfectionism Is Increasing Over Time: A Meta-Analysis of Birth Cohort Differences From 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 145 (4). (Retrieved from: <https://doi.org/10.1037/bul0000138>) (review date: 01.05.2023)

Deniz, M. (2021). Self-compassion, intolerance of uncertainty, fear of COVID-19, and well-being: A serial mediation investigation. *Personality and Individual Differences*, 177 (4). (Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2021.110824>). (review date: 28.04.2023)

Garanyan, N.G., Kholmogorova, A.B., Yudeeva, T.Yu. (2018). Factor Structure and Psychometric Properties of Perfectionism Inventory: Developing 3-factor version. *Counseling Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychology and Psychotherapy)*, 26, 2, 8–32. (In Russ).

Hayes, A.F. (2018). Introduction to Mediation, Moderation and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. Guilford Press.

Isaeva, O.M., Akimova, A.Yu., Volkova E.N. (2022). Factors of Psychological Well-Being in Russian Youth. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 27, 4, 24–35. (In Russ.).

Jebb, A. T., Morrison, M., Tay L., Diener, E. (2020). Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span. *Psychological Science*, 31 (3), 293–305.

Kholmogorova, A.B., Garanyan, N.G., Tsatsulin, T.O. (2019). Dynamics of Indicators of Perfectionism and Symptoms of Emotional Distress in the Russian Student Population over the Past Ten Years: Cohort Study. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Culture-Historical Research)*, 17, 3, 41–50 (In Russ.).

Kornilova, T.V., Chumakova, M.A. (2014). Tolerance and Intolerance of Ambiguity in the Modification of Budner's Questionnaire. *Eksperimental'naya psikhologiya (Experimental Psychology)*, 7, 1, 92–110. (In Russ.).

Krukova, T.L. (2008). Coping behavior psychology: modern state, problems and prospects. Kostroma. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of Kostroma State University)*, 4, 147–153. (In Russ.).

Kuftyak E.V. Factors of Development of Coping Behavior in Children and Adolescents. *Psychological Research*, 2 (22). (Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2012n2-22e/673-kuftyak22e.html>) (review date: 10.04.2023) (In Russ.).

Leontiev, D.A. (2015). The Challenge of Uncertainty as the Key Issue of the Psychology Of Personality. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 8 (40). (Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html>) (review date: 26.04.2023) (In Russ.).

Leontiev, D.A. (2020). Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring (Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes)*, 1 (155), 177–142. (In Russ.).

Leung, J., Cloninger R., Hong, B., Cloninger, K.M. et al. (2019). Temperament and character profiles of medical students associated with tolerance of ambiguity and perfectionism. *PeerJ*, 7. (Retrieved from: <https://doi.org/10.7717/peerj.7109>) (review date: 01.05.2023).

Nemirovskaya, A.V., Soboleva, N.E. (2020). Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. *Vestnik Instituta sotsiologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 11, 2, 54–81. (In Russ.).

Novgorodova, E.F. (2015). The role of perfectionism in subjective well-being of young people. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 8, 44. (Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/1216-novgorodova44.html>) (review date: 10.02.2023) (In Russ.).

Osin, E.N., Leont'ev, D.A. (2020). Brief Russian language scales of subjective well-being diagnostics: psychometrical characteristics and comparative analysis. *Monitoring (Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes)*, 1 (155), 117–142. (In Russ.).

Prikhozhan, A.M., Tolstykh, N.N. (2005). Psychology of Orphanhood. SPb: Piter. (In Russ.).

Puchkova, G.L. Subektivnoe blagopoluchie kak faktor samoaktualizatsii lichnosti: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. (Subjective well-being as factor of self-actualization). Cand.Sci. (Psychology). Chabarovsk. (In Russ.).

Rasskazova, E.I., Leontiev, D.A. (2020). Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 2, 90–108. (In Russ.).

Samokhvalova, A.G., Shipova, N.S, Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N. (2022) Psychological Well-Being of Modern Students: Typology and Targets of Psychological Help. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 30, 29–48. (In Russ.).

Sheveleva, M.S. et al. (2022). Perfectionism and Impostor Phenomenon as Predictors of Work Engagement and Subjective Well-Being. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 43, 3, 80–88. (In Russ.).

Sokolova, E.T. (2015). Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty and ambiguity: clinical approach. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 8, 40. (Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2015v8n40e/1125-sokolova40e.html>) (review date: 14.04.2023) (In Russ.).

Stoeber, J., Lalova, A.V., Lumley, E.J. (2019). Perfectionism, (self-)compassion, and subjective well-being: A mediation model. *Personality and Individual Differences*, 154. (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109708>) (review date: 23.01.2023).

Wang, C., Huang, Y., Xiao, Y. (2021). The Mediating Effect of Social Problem-Solving Between Perfectionism and Subjective Well-Being. *Frontiers in Psychology*, 12. (Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.764976>) (review date: 10.05.2023).

Wilson, J.M., Weiss, A., Shook, N.J. (2020). Mindfulness, self-compassion, and savoring: Factors that explain the relation between perceived social support and well-being. *Personality and Individual Differences*, 152. (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109568>) (review date: 23.01.2023).

Yasnaya, V.A., Enikolopov, S.N. (2013). The Current Models of Perfectionism. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 6, 29. (Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n29e/838-yasnaya29e.html>) (review date: 24.04.2023) (In Russ.).

Zolotareva, A.A. (2012). Diagnostika individual'nykh razlichii perfektsionizma lichnosti: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. (Diagnostics of individual differences of perfectionism of personality). Cand. Sci. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2007). Tolerance to uncertainty: news or psychological tradition? *Voprosy psikhologii (Questions of psychology)*, 6, 3–20.

Поступила: 28.02.2023

Получена после доработки: 05.05.2023

Принята в печать: 01.08.2023

Received: 28.02.2023

Revised: 05.05.2023

Accepted: 01.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анастасия Александровна Дехтяренко — аспирантка кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, anastasyadekhtyarenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3178-0187>

Нина Леонидовна Савченко — выпускница кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра социокультурных проблем современного образования Психологического института Российской

академии образования, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Елена Ивановна Шлягина — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, shliagina.e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-6232-9039>

ABOUT THE AUTHORS

Anastasiia A. Dekhtiarenko — Postgraduate Student, the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, anastasyadekhtyarenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3178-0187>

Nina L. Savchenko — Graduate, the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, junior research assistant of the Center for Socio-Cultural Educational Affairs, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Elena I. Shliagina — Cand.Sci. (Psychology), Leading Researcher, the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, shliagina.e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-6232-9039>

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

УДК 159.99

Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться?

А.М. Рикель¹✉, Е.А. Дорохов^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Центральный Банк Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.rikel@gmail.com

Резюме

Актуальность. На фоне возросшего внимания к проблеме межпоколенческих конфликтов в обществе в социальной психологии анализируется методологическая возможность исследования поколений и межпоколенческих различий, приводятся и классифицируются существующие ограничения таких исследований и предлагаются методы нивелирования этих ограничений.

Цель. Предложить и апробировать эмпирически корректную схему исследования поколений в социальной психологии.

Методы. Опрос включал модифицированную авторскую методику «Линия жизни» для исследования представлений о культурных жизненных сценариях. Метод анализа результатов предполагал изучение возможности применения АРС-анализа (age-period-cohort) к социально-психологическим исследованиям межпоколенческих различий.

Выборка. Материал, на котором была апробирована данная схема, получен в ходе интернет-опроса (951 человек, 66 % женщин, 34 % мужчин, средний возраст 38,8 лет ($SD = 14,84$), представители четырех поколенческих когорт).

Результаты. Предложена и обоснована схема исследования межпоколенческих различий, включающая, в частности, использование теоретических метаанализов, методологию АРС-анализа и изучение комплексных аттитудов культурного жизненного сценария.

Выводы. Делается вывод о необходимости отказа от исследований традиционных поколений и необходимости перехода к меньшим единицам анализа — квазипоколениям в русле социально-психологической методологии.

Ключевые слова: поколения, межпоколенческие различия, АРС-анализ, культурный жизненный сценарий.

Для цитирования: Рикель А.М., Дорохов Е.А. Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 143–165. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

REVIEWS AND ANALYTICAL RESEARCH

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

Analysing generation in social psychology: research or reject?

Alexander M. Rikel¹✉, **Yegor A. Dorokhov**^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Bank of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Background. Against the background of increased attention to the category of generation in social psychology, the methodological possibility of studying generations and intergenerational differences is analyzed. The existing limitations of this kind of research are suggested and classified; methods for leveling these limitations are proposed.

Objective is to propose and test an empirically correct scheme for the study of generations in social psychology.

Sample. The material on which this scheme was tested was obtained in the course of an Internet survey (951 people).

Methods. The survey included a modified author's Lifeline methodology to explore perceptions of cultural life scenarios. The method of analysis of the results involved the study of the possibility to apply APC (age-period-cohort) analysis to socio-psychological studies of intergenerational differences.

Results. A scheme for the study of intergenerational differences has been proposed and substantiated, including, in particular, the use of theoretical meta-analyses, the methodology of APC analysis and the study of complex attitudes of the cultural life script (CLS).

Conclusions. The conclusion is made on the need to abandon studies of traditional generations and the need to move to smaller units of analysis — quasi-generations in line with socio-psychological methodology.

Keywords: generations, intergenerational differences, APC analysis, cultural life script.

For citation: Rikel, A.M., Dorokhov, Ye.A. (2023). Analysing generation in social psychology: research or reject? *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 143–165. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

Введение

Феномен взаимоотношения людей разных поколений находится в центре внимания ученых-мыслителей еще со времен античной научной мысли, а в XIX–XX веках к ним обратились философы (Ковалева, 2014), демографы (Иванова, 2012), культурологи (Bristow, 2015), социологи (White, 2013). Проблема взаимоотношений поколений поднималась на страницах классической литературы (например, в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева), в исторических трактатах в контексте рассуждений об идеологическом противостоянии людей разного возраста в разные исторические эпохи (В.О. Ключевский), в филологии, где анализ психологических портретов Евгения Онегина или Гамлета рассматривался в контексте их взаимодействия с родителями (Ковалева, 2014; Маховская, 2019). Психологические науки (психогенетика, возрастная психология, социальная психология) в XX веке «присоединились» к активному изучению этого феномена: первая — со стороны генетического наследования психологических признаков, вторая — в контексте передачи психологических паттернов, ценностей, установок в рамках одной семьи (Dohmen et al., 2012; Gauly, 2017), а третья — в контексте исследования поколения как большой социальной группы со схожими условиями социализации в культурно-историческом контексте (Андреева, 2005; Аянян, Марцинковская, 2016, Joshi et al., 2010).

Обыденный дискурс популяризует трактовку поколения в ее социально-психологическом ключе, восходящем к классическому определению немецкого социолога первой половины XX века К. Маннгейма, в которой поколение понимается как общность людей, «...переживших некий эпохальный значимый исторический опыт. Совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем проявляется на протяжении всей последующей жизни...» (Мангейм, 1998, с. 44). Это классическое определение, на которое ссылаются все современные

исследования и метаанализы (Joshi et al., 2010, Urick et al., 2017), закладывает «бомбу замедленного действия» в последующую научную операционализацию понятия поколения и последующие методологические проблемы его изучения (Рикель, 2019).

Своеобразным парадоксом научного изучения поколений является тот факт, что, с одной стороны, поколение не может не являться предметом социально-психологического знания, но с другой стороны — научно-методологическая база исследования поколения крайне размыта.

Поколение — классический предмет исследования в социальной психологии, что легко доказуемо: (1) поколение является естественно функционирующей большой социальной группой (Андреева, 2005), (2) интересной не как изолированный объект исследования, а именно в контексте интеракции и взаимодействия (Андреева, 2005). При этом (3) межпоколенческие отношения — суть классические межгрупповые отношения (Марцинковская, Полева, 2017), где (4) другая группа воспринимается как референтная, или иными словами, «значимая другая» (Левада, 2011).

Методы

Сложности исследования поколений очевидны (Рикель, 2019):

1. Первая проблема связана с необходимостью доказать обусловленность полученной феноменологии культурологическими поколенческими, а не возрастными психологическими различиями (Costanza et al., 2012; Lyons et al., 2019; Parry, Urwin, 2010). Помимо естественных сложностей в разведении этих факторов, отдельного обсуждения заслуживает представление о молодом возрасте как универсальной переменной, обуславливающей социально-психологический портрет поколения (Rudolph, Zacher, 2017). С одной стороны, представляется естественным наибольшая событийная отнесенность социализации именно к юному возрасту, но с другой — очевидно, что социализационные процессы не ограничиваются определенным возрастным периодом.

Решение этой проблемы теоретически возможно за счет сочетания кросс-секционного (сравнения какого-либо параметра у двух поколений единомоментно) и лонгитюдного/срезового анализа (анализа этого же самого параметра у конкретного поколения в рамках длительного промежутка времени), однако малая реалистичность этого дизайна исследования очевидна. Его колоссальная трудоемкость, а иногда и просто невозможность приводят к тому, что он

крайне редко фигурирует в метаанализах межпоколенческих исследований (Twenge, Campbell, Gentile, 2012). В связи с этим авторам исследований приходится прибегать к сопоставительному анализу, не претендующему на абсолютную валидность, анализу открытых социологических баз данных, тоже, увы, достаточно ограниченных, и к упомянутым выше метаанализам по изучаемой проблеме. Еще одним методологическим ходом, решающим проблему разграничения возрастно-психологических и поколенческих признаков, могло бы стать измерение социальной идентификации человека с поколенческой группой (Емельянова, 2022; Нестик, 2014; Петрунина, 2022; Urick et al., 2017), однако испытуемые не всегда идентифицируют себя с конкретными группами, а даже в случае корректной идентификации — не всегда могут соотнести себя с описанием социально-психологического портрета данной группы (Рикель, 2019).

2. Вторая проблема — это аксиоматичное постулирование схожего психологического портрета у всех представителей одного поколения как результата воздействия внешнего социального контекста (Joshi et al., 2010; Costanza et al., 2012) без учета индивидуальных различий и субъективного отражения этого социального контекста (Wang, Peng, 2015), а также других социальных факторов (гендер, социальный статус, образование, место проживания, этническая принадлежность) (Фэй, Онучин, 2018). Соответственно, остается непонятным, кто выступает ключевым объектом исследования внутри поколения. Так, Н. Хоув и У. Штраусс пишут об «активных участниках эпохи» (Howe, Strauss, 2018), а кто они?

Возможное решение данной проблемы связано с формированием представлений о поколении на основе характеристик некоторого его «ядра» (или «энтелехии», как ее называл К. Мангейм (1998)); как выразителей классического философского *Zeitgeist* («духа времени») — своеобразных трендсеттеров эпохи — законодателей моды. Слабо операционализируемое понятие «ядра» нуждается в качественном историко-культурологическом анализе для определения конвенционально важнейшей группы, представляющей все поколение на исторической «сцене». Недостатком этого решения является, как это часто бывает в психологии, влияние ценностной позиции исследователя, которому предстоит определиться, являются ли, например, так называемые шестидесятники ядром и трендсеттерами своего поколения, или, напротив, малочисленной группой (Розин, 2017; Серебрякова, 2019).

3. Третья проблема — это отсутствие четких научных представлений о том, какие именно психологические или социально-психологические исследуемые параметры потенциально подвержены когортным эффектам, то есть изменениям с течением времени у разных поколенческих групп (Радаев, 2018). Возможно, выраженность различных личностных черт и особенности когнитивных функций должны отличаться у разных поколений (с учетом тех же различных социокультурных особенностей социализации), однако, доказать это проблематично (Konrath, O'Brien, Hsing, 2011; Twenge, Campbell, Gentile, 2012).

Нам не встречалось серьезных научных исследований, посвященных строго доказанным изменениям особенностей высших психических функций от поколения к поколению. Исследователи рассуждают о возможных изменениях в мыслительных операциях, неустойчивости процессов внимания и «интеллектуальном серфинге» (Емелин, Тхостов, 2020), но при этом не приводят убедительной доказательной базы. Что касается динамики изменения выраженности каких-либо личностных черт у представителей разных поколений, то на американской выборке показано, что, например, уровень нейротизма, экстраверсии, уверенности в себе и нарциссизма (Stewart, Bernhardt, 2010), креативности (Kim, 2011) последовательно возрастают у каждого следующего поколения, тогда как потребность в социальном одобрении, напротив, снижается (Twenge, Campbell, Gentile, 2012). Аналогичные данные по нейротизму и экстраверсии получены в Швеции, Нидерландах (Smits et al., 2011) и в Австралии (Busch, Venkitachalam, Richards, 2008). Точно так же отметим, что и лонгитюдные исследования, посвященные изменению выраженности отдельных личностных черт, являются большой редкостью и, скорее, исключением, нежели правилом (Twenge, Campbell, Gentile, 2008).

В этом смысле значительная часть исследований межпоколенческих различий по-прежнему посвящена различиям в социально-психологических установках (аттитюдах), представлениях и связанных с ними параметрах. Эти представления находятся под непосредственным влиянием социального контекста, однако, с нашей точки зрения, рефлексия этого влияния как побочной переменной позволяет привнести научную «честность» в получаемые результаты (Тихомандрицкая, Рикель, 2022). Одним из вариантов решений этой зависимости от социального контекста может стать изучение комплексных систем социальных установок и представлений, имеющих отношение к четко

заданным объективно сравниваемым параметрам. Примером таких параметров может стать изучение *культурных жизненных сценариев (КЖС)* — системы представлений о знаковых событиях в рамках жизненного пути. Эмпирически установлено, что эти события (например, брак, рождение детей, трудоустройство) являются практически неизменной частью жизненных сценариев, передающихся из поколения в поколение, но при этом сами установки относительно этих событий могут варьировать и тем самым представлять значимость для повышения валидности межпоколенческого исследования.

4. Четвертая важнейшая проблема — условность классификаций поколений — один из наиболее чувствительных пунктов критики их исследования. Границы поколений в любой из классификаций очерчены произошедшими политическими, экономическими, технологическими событиями.

Во-первых, не очевидно, к какому периоду «жизни» поколения относится влияние того или иного события: ведь социализация является нелинейным процессом, и предсказать воздействие чего-либо в рамках периода, сопоставимого с двадцатью годами, представляется достаточно сложным.

Во-вторых, не до конца ясно, кто определяет «эпохальность» (по Маннгейму) события и степень его значимости: очевидное на словах влияние крупных событий (например, крупных военных действий или появления смартфонов) необязательно воспринимается столь «эпохальным» всеми представителями поколения.

В-третьих, даже принятие какой-либо классификации с существующими границами поколений не до конца проливает свет на психологический портрет людей, родившихся на стыке выделенных поколенческих групп — так называемых «эхо-поколений». С одной стороны, очевидно влияние разных событий и как следствие — разных поколенческих трендов на таких людей. С другой стороны, в отличие от этнопсихологии, здесь нельзя провести четкие границы, что еще сильнее размывает строгость классификации.

В-четвертых, отдельной сложностью можно назвать выделение в классификации поколенческих групп на основе относительно недавних исторических или происходящих в моменте событий: как можно очертить рамки самого молодого поколения, не впадая в футурологические малонаучные рассуждения о текущем или даже будущем контекстах (Розин, 2017)?

Наиболее «медийной» классификацией поколений является типология американских авторов Н. Хоува и У. Штраусса (Howe, Strauss,

2018): их теория далека от науки, ибо помимо классификации опирается на популярные околонучные концепции спиралевидности/цикличности истории (такие же идеи разделяли Л. Гумилев, П. Сорокин, О. Шпенглер). Тем не менее за счет популяризации этой концепции предложенные в ней названия поколений и временные рамки используются в большинстве западных научных работ (Urick et al., 2017): беби-бумеры (1943–1963 г.р.), X (1963–1983 г.р.), Y (1983–2003 г.р.), Z (2003–2023 г.р.).

Несмотря на активную популяризацию этой классификации, у некоторых отечественных исследователей она вызывает недоумение: например, тот же беби-бум, в отличие от США, в СССР пришелся на другие годы, а латинские буквы как названия поколений тоже не вполне объяснимы. Не полностью помогает избавиться от этой критики и так называемая адаптация, проведенная в начале 2000-х годов российскими социологами Е. Шамис и Е. Никоновым (Шамис, Никонов, 2019). Российские типологии в своих названиях чаще опираются на события XX века, связанные с отечественной историей. Так, М.И. Постникова выделяет довоенное, военное, послевоенное, поколение эпохи застоя, перестройки и стабильности (Постникова, 2010). В.А. Семенова в своей классификации называет молодые поколения несколько иначе — «порекорформенным» и «пострекорформенным» (Семенова, 2009). Классификация одного из самых авторитетных российских социологов XX века Ю.А. Левады исторически более традиционная: в ней выделяются переломные моменты истории, которые помогли сформировать поколенческие группы по их годам рождения: 1905–1930 гг. — революционный слом; 1930–1941 гг. — сталинская система мобилизации; 1941–1953 гг. — военный и послевоенный периоды; 1953–1964 гг. — период оттепели; 1964–1985 гг. — период застоя; 1985–1999 гг. — период перестройки (Левада, 2011). Любопытно, что данная периодизация подразумевает выделение этапов абсолютно разной длительности (от 11–12 до 20–25 лет длиной).

Одна из наиболее эмпирически обкатанных в современном исследовательском контексте, при этом по своей сути не сильно отличающаяся от предыдущих классификаций, принадлежит современному социологу В.В. Радаеву (Радаев, 2018). Он, опираясь на логику выделения не только годов рождения, но и годов вступления поколения во взрослую жизнь, выделяет 6 поколенческих групп современной России: 1) мобилизационное (родилось до 1938 года, взрослело в период Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия (1941–1956 гг.); 2) поколение оттепели (родилось в во-

енный период 1939–1946 гг., входило во взрослую жизнь во времена хрущевского правления, породило многих шестидесятников, проявивших себя намного позднее — в период демократических реформ); 3) поколение застоя (родилось в послевоенный период (1947–1967 гг.), а взросло в годы брежневского правления (1964–1984 гг.); 4) реформенное поколение (1968–1981 гг.) — родилось в период застойного социализма, а во взрослую жизнь входило в период перестройки и последующих реформ; 5) миллениалы (родилось в 1982–2000 гг., но их взросление пришлось на относительно благополучный экономический и политический период); (6) поколение Z (годы рождения — 2001 и позднее, годы взросления — начиная с 2017 г.).

Методологический ход выделения в качестве индикатора границ не годов рождения, а времени «вступления во взрослую жизнь», опасен тем, что этот срок характеризуется относительностью. Некоторые исследователи (Howe, Strauss, 2018) относят его к периоду тинейджерства, некоторые — смещают его в сторону так называемого *emerging adulthood* (взросления) 18–25 лет (Arnett, Tanner, 2016). Любопытно, что сам К. Мангейм выделял интервал 17–25 лет, называя их «впечатлительными годами» (*impressionable years*) (Мангейм, 1998), а в современных исследованиях (Giuliano, Spilimbergo, 2013) проверялась гипотеза о «формирующих годах» (*formative age*): для этого анализировали результаты опроса американцев, проводившегося в 1972–2010 гг. в рамках проекта *World Value Survey* с целью выявления времени «кристаллизации» ценностей. Было выявлено, что влияние пережитых в этом возрасте событий оказывается в значительной степени более долгоиграющим, чем воздействие событий, произошедших в иные годы. Авторы называют 18–25 лет в качестве периода формирования большинства установок и ценностей. Как уже отмечалось выше, некоторые исследователи отрицают наличие этих «формирующих годов», отмечая, что социализация протекает на протяжении всей жизни (Рикель, 2019).

Для решения обозначенной здесь проблемы низкой валидности выделяемых рамок внутри классификации некоторые исследователи предлагают радикальное решение — полный отказ от типологизации поколений в целом с изучением динамики отдельных психологических переменных и параметров в рамках некоторого временного промежутка (Gilleard, Higgs, 2005). Так, например, исследователи показывают, что распространенный стереотип о выраженном нарциссизме и индивидуализме представителей поколения Y является всего лишь частью сложного тренда роста нормативного нарцис-

сизма, начинающегося еще у ранних беби-бумеров: при таком раскладе названия поколений только мешают понять логику изменения психологической переменной и являются в этом смысле лишним субстратом. Этот вариант решения проблемы столько же любопытен, сколь и революционен, ибо, по сути, предполагает отказ от удобного для систематизации знания понятия поколения.

Ниже описывается системный подход к исследованию поколений и межпоколенческих различий в социальной психологии, который, с нашей точки зрения, не может полностью решить приведенные выше проблемы, связанные с изучением самого концепта поколения, но тем не менее может повысить обоснованность и доказательность выводов о межпоколенческих различиях в случае его комплексного применения.

Результаты

Системный методологический подход к исследованию поколений в социальной психологии

Решение описанных выше методологических проблем предлагается выполнять с опорой на следующие методологические и методические приемы.

1. Проблема социально-психологического и возрастно-психологического фактора. Методологическим ходом, по сути, призванным проверить» выделяемые исследователями отчасти наобум временные рамки каждого поколения, является математическая процедура APC-анализа (Age-Period-Cohort). APC-анализ позволяет дифференцированно оценить вклад влияния факторов возраста участника, его принадлежности к той или иной поколенческой группе в объяснение динамики той или иной характеристики. Влияние оказывает и время самого замера этой характеристики, то есть время проведения исследования (Keyes, Li, 2012). Этот метод предполагает проведение своеобразного «соревнования» моделей объяснения изменения той или иной характеристики, при этом позволяет выделить в качестве «победителя» этого конкурса только такие факторы, которые вносят значимый вклад в объяснение динамики. Например, если рост нарциссизма связан скорее с обычновенным взрослением участника исследования и добавление в логику объяснения фактора «поколения» участника не дает значимого прироста информации, этот метод сможет оценить влияние

фактора возраста как значимого, а поколения — как не значимого. Напротив, если значимым окажутся оба эти фактора, то содержательный ход в выделении «старших» и «младших» представителей каждого поколения статистически будет более обоснован, так как важным будет как учет возраста, так и поколенческой группы участника исследования. С одной стороны, при таком подходе возможно проверить те или иные модели выделения границ поколений и определить наиболее «объяснительно полезные», дающие больше статистически значимых связей. С другой стороны, можно проверить границы между поколениями на «устойчивость к размыванию», их жесткость и непротиворечивость. Данный подход был апробирован нами в недавнем исследовании и будет кратко описан ниже.

В качестве дополнительных мер, усиливающих данный математический ход, рекомендуется использовать изучение особенностей социальной идентификации с поколением и теоретические метаанализы.

2. Проблема объекта исследования. Изучение «ядра» поколения, как было сказано выше, значительно снижает валидность полученных данных вследствие невозможности научно обосновать выделение этого ядра. Отказ от этого понятия может быть более оправдан, так как за счет использования методологии анализа больших данных (Buckingham, Willett, 2013) можно анализировать большие массивы показателей и привлекать большие выборки, претендуя на всесторонний охват представителей одного поколения. Минус этого решения — возможный риск, связанный с размытием и усреднением тех трендов и установок, которым были подвержены «ядерные» поколенческие группы. Например, тех же самых шестидесятников иногда называют поколением, подразумевая, что их установки можно было охарактеризовать как «ядерные», однако при описанном выше подходе, возможно, эту группу в целом нельзя было бы выделить, ибо она оказалось бы размытой (Воронков, 2005). Однако, с нашей точки зрения, тех же шестидесятников правильно называть не поколением, а, скорее, определенной субкультурой внутри поколения. Наличие многих таких субкультур внутри одной возрастной группы абсурдизирует и лишает смысла использование слова «поколение» для обозначения их психологического портрета, вследствие чего более позитивистский подход, связанный с изучением поколения как

большой социальной группы и основанный на больших данных, представляется более корректным.

3. Проблема классификации поколений. Условность выделяемых рамок поколений привела некоторых исследователей к мысли об отказе от рассмотрения поколения как социальной группы. Менее радикальный вариант, которым могут воспользоваться социологи и социальные психологи, подразумевает большую дробность единиц анализа, например, выделение не просто поколения миллениалов, а ранних и старших миллениалов (Радаев, 2018) как своеобразных квазипоколений. По сути, такое решение даже получило легитимизацию в популярном дискурсе, где присутствуют удобные для восприятия метафоры, такие как «поколение 80-х», «поколение 90-х» и пр. Это помогает конкретизировать культурно-исторический контекст в рамках не 15–25 лет, а 7–10 лет, что служит меньшему размытию событийного фона и большей четкости описываемой поколенческой когорты. С другой стороны, этот ход позволяет качественно «ответить» на футурологические предсказания, согласно которым вследствие технологического прогресса конфликт «отцов и детей» рискует перерасти в конфликт «старших и младших братьев и сестер» (Тоффлер, 2008).

Важно отметить, что при таком делении исчезает необходимость строгого обоснования выбора той или иной границы поколения, ибо поколенческая динамика любой психологической переменной/паттерна при таком фокусе может быть изучена в ее плавной изменчивости, а не крупными «мазками» и «рваными ритмами», где переход между поколениями оказывается неожиданно грубым и где складывается ощущение дискретности и оторванности поколенческих групп друг от друга.

4. Наконец, проблема анализа предмета межпоколенческих различий, фиксирующая сложность изучения психологических переменных в условиях изменяющегося социального контекста, может быть решена путем анализа изменяющегося в неизменном — культурного жизненного сценария (КЖС). КЖС как объект исследования был выбран нами как комплексная система установок относительно жизненного пути. Как мы отмечали выше, именно сравнение установок является частой целью межпоколенческих психологических исследований. Очевидно, что сами по себе установки подлежат изменениям в течение жизненного пути и жестко привязаны к социальному контек-

сту. Однако КЖС позволяет: (а) рассмотреть установки в совокупности относительно всей жизни в целом; (б) рассматривает лишь те установки, которые касаются событий, объективно зафиксированных во времени, свершившихся фактов биографии (например, рождения детей или времени начала и окончания процесса обучения). Время наступления и характер наполнения таких событий могут считаться объективными переменными, которые легче сравнить у нескольких поколенческих групп без опасения быть обвиненными в отсутствии учета возрастных и иных психологических факторов. Более того, большинство проведенных исследований (Нуркова, 2018; Scherman et al., 2017; Wilkinson, Dunlop, 2020) доказывают универсальный характер событийного наполнения КЖС, сохраняющийся при межпоколенческой трансмиссии. При этом отличия внутри КЖС могут касаться характера отношений и установок к этим событиям, но сам их репертуар относительно жестко зафиксирован.

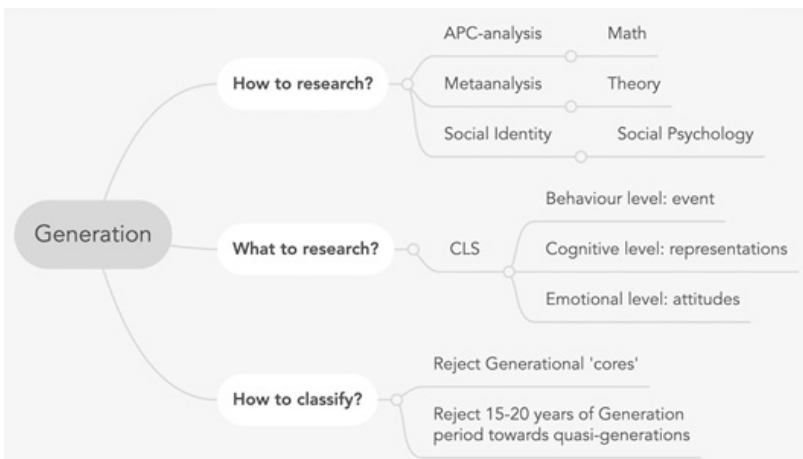
Таким образом, социально-психологическая модель изучения поколений сквозь призму культурных жизненных сценариев может быть визуально представлена с помощью следующей схемы (рис. 1). На схеме представлен комплексный предмет изучения поколений (события как объективные факты, представления о них и отношение к ним), а также методические принципы изучения (АРС-анализ, метаанализы и измерение социальной идентификации), которые условно можно причислить к математическому и социально-психологическому инструментарию, помогающему повысить качество исследования особенностей поколений. На уровне выделения классификаций предлагается перейти к более дробным типологиям поколениям, отказавшись от архаичной системы выделения 15–20-летних когорт, но при этом, бесспорно, сохранив анализ поколения как большой социальной группы.

Данная исследовательская схема использовалась нами в части применения методики АРС-анализа к изучению жизненных сценариев поколений (так называемые поколения застоя, реформенное поколение, миллениалы и поколение Z). В рамках данного исследования нами было проанализировано и «разведено» лишь 2 фактора из 3-х — фактор возраста и поколения. На выборке N = 951 чел. был последовательно проведен возрастно-психологический и межпоколенческий анализ различий в жизненных сценариях у поколений современных россиян. В качестве методики использовалась модифицированная

Пример использования исследовательской схемы

Рис. 1. Схема социально-психологического исследования культурного жизненного сценария поколения

Fig. 1. Scheme of a socio-psychological study of the cultural life scenario in a generation

методика «Линия жизни» (Нуркова, 2018), где, помимо традиционных представлений о времени наступления тех или иных событий в рамках жизненного сценария, нами исследовалось эмоциональное отношение к этим событиям, а также представления об отличиях в воззрениях на эти события в сравнении с другими поколениями.

Обсуждение результатов

Не останавливаясь здесь подробно на социально-психологическом портрете каждого из поколений, отметим кратко основные методологические выводы, позволяющие сделать вывод о применимости и успешности использования данной исследовательской схемы:

1. Было продемонстрировано, что КЖС является валидным объектом для изучения межпоколенческих различий. Так, было показано, что основное наполнение событийного ряда жизненного сценария сохраняется в целом неизменным у 4-х исследуемых поколений: 7 самых часто упоминаемых событий либо входят в так называемое «ядро», либо находятся близко к нему у всех поколенческих групп. Таким образом, соотнесение между собой КЖС как своеобразных «скелетов» для социально-психологических установок, касающихся ключевых жизненных событий, отвечает требованиям внутренней и конструктивной валидности. В то же время нюансы отношения и представлений об этих событиях разнятся от поколения к поколению: отличия наблюдаются в: (1) эмоциональной оценке этих событий, (2) приоритизации событий из карьерной, образовательной, дружеско-романтической или семейных сфер, (3) упоминаниях преимущественно объективно фиксируемых событий или субъективных состояний, а также (4) отношении родителей к тем или иным проявлениям этих событий.

2. Касательно использования APC-методики было показано, что фактор возраста и принадлежности к поколенческой группе могут быть рассмотрены в формате четырехклеточных матриц: представления и отношения к событиям жизненного пути могут быть связаны как с одной из этих переменных, так и с обеими (или, наоборот, ни с одной из них). APC-анализ позволил выявить 13 значимых параметров, по которым можно наблюдать межпоколенческие отличия в КЖС, который должен оставаться неизменным при межпоколенческой трансмиссии. Более того, анализ отсутствия межпоколенческих различий и наличие лишь возрастных особенностей отношения к КЖС делает картину еще более фактурной и интересной. Наиболее отличающейся от других поколенческих когорт можно признать

поколение Z: 62 % отличающихся параметров принадлежит именно этой поколенческой группе.

3. Также была доказана выраженная эмпирическая полезность выделения квазипоколений — поколенческих групп, разделяющих традиционно выделяемые поколения (Радаев, 2018) на две подгруппы. Исследование показало, что при традиционном рассмотрении классических рамок когорт лишь один фактор (потребительского поведения и крупных покупок у поколения миллениалов) может быть объяснен только поколенческими особенностями, в то время как при рассмотрении квазипоколений (7 когорт вместо 4) выделяются дополнительные различия внутри когорт (различия по пяти характеристикам описываемых событий внутри подгрупп поколения миллениалов и по одной характеристике между «старшими» и «младшими» представителями реформенного поколения).

Выводы

Таким образом, предложенная схема исследования поколенческих особенностей и различий в русле социально-психологического подхода, безусловно, не лишена недостатков. На уровне методологии она эклектична и содержит в себе как математический, так и теоретический, и эмпирический социально-психологический уровни. Авторы этой схемы не претендуют на универсальную, лишенную изъянов, методологию, позволяющую избавиться от всех негативных нюансов выявления психологических портретов больших социальных групп. Однако на данный момент исследование поколений занимает маргинальную область в социально-психологическом знании: с одной стороны, большинство исследователей отмечают наличие поколенческих различий внутри социума, с другой — не могут убедительно его показать и доказать. Предложенная здесь схема призвана приблизить методологию этого исследования к классическим канонам позитивизма и доказательной психологии.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. С. 5–15.

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические Исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 8–9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.475>

Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В. Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 4. С. 57–78. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-57-78>

Иванова Е.И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 42–53.

Ковалева Е.О. Культурная традиция и конфликт поколений в трудах В.О. Ключевского и Н.К. Михайловского // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2014. № 2. С. 175–185.

Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / сост. Т.В. Левада. М.: Карпов Е.В., 2011.

Мангейм К. Проблема поколений / пер. с англ. В. Плунгян и А. Урманчиева // Новое литературное обозрение. 1998. Т. 2, № 30. С. 7–47.

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1. С. 24–37.

Маховская О.И. Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 2. С. 105–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150213>

Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Нуркова В.В. Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации культурного жизненного сценария // Международный журнал исследований культуры. 2018. Т. 1, № 30. С. 55–73.

Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250018036-2>

Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2. С. 78–82.

Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>

Розин В.М. Как можно помыслить представление о будущих поколениях // Мир Психологии. 2017. Т. 89, № 1. С. 78–88.

Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Серебрякова Е.Г. Шестидесятники: биография поколения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 1. С. 99–105.

Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19, № 2. С. 209–232.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.

Фэй Т., Онучин А.Н. Интерпретация представителями разновозрастных групп в России и в Китае взаимодействия между руководителями и подчиненными // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 3. С. 104–120.

Шамис Е., Никонов Е. Миллениумы (Y) // Rugenerations — российская школа теории поколений. 2019. URL: <https://rugenerations.ru/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения 01.03.2023).

Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of «Emerging Adulthood». Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood. Second Edition.

Bristow, J. (2015). Baby Boomers and Generational Conflict. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buckingham, D., Willett, R. (2013). Digital Generations: Children, Young People, and the New Media. Routledge.

Busch, P., Venkitachalam, K., Richards, D. (2008). Generational differences in soft knowledge situations: Status, need for recognition, workplace commitment and idealism. *Knowledge and Process Management*, 15, 45–58.

Costanza, D.P., Badger, J.M., Fraser, R.L., Severt, J.B., Gade, P.A. (2012). Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business Psychology*, 27, 375–394. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9259-4>

Dohmen, T., Falk, A., Huffman, D., Sunde, U. (2012). The inter-generational transmission of risk and trust attitudes. *Review of Economic Studies*, 79, 645–677. <https://doi.org/10.1093/restud/rdr027>

Gauly, B. (2017). The Intergenerational Transmission of Attitudes: Analyzing Time Preferences and Reciprocity. *Journal of Family and Economical Issues*, 38, 293–312. <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9513-4>

Gilleard, C., Higgs, P. (2005). Contexts of Ageing: Class, cohort and community. Cambridge: Polity Press.

Giuliano, P., Spilimbergo, A. (2013). Growing up in a Recession. *The Review of Economic Studies* (Retrieved from <http://restud.oxfordjournals.org/content/early/2013/12/25/restud.rdt040.full.pdf>) (review date: 01.03.2023).

Howe, N., Strauss, W. (2018). Millennials Rising : The Next Generation. In Small Business and the City.

Joshi, A., Dencker, J., Franz, G., Martocchio, J. (2010). Unpacking Generational Identities in Organizations. *Academy of Management Review*, 35, 3. <https://doi.org/10.5465/AMR.2010.51141800>

- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age-period-cohort modeling. In *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1599-2_22
- Kim, K.H. (2011). The creativity crisis: The decrease in creative thinking scores on the Torrance Tests of Creative Thinking. *Creativity Research Journal*, 23, 285–295.
- Konrath, S.H., O'Brien, E.H., Hsing, C. (2011). Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis. *Personality Social Psychology Review*, 15, 180–198.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17 (1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332> (WoS)
- Parry, E., Urwin, P. (2010). Generational difference in work values: A review of theory and evidence. *International Journal of Management Reviews*, 13 (1), 79–96.
- Rudolph, C.W., Zacher, H. (2017). Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*, 3, 2. <https://doi.org/10.1093/workar/waw019>
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6, 1, 60–73.
- Smits, I.A., Dolan, C.V., Vorst, H.C., Wicherts, J.M., Timmerman, M.E. (2011). Cohort differences in big five personality factors over a period of 25 years. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 11–24.
- Stewart, K.D., Bernhardt, P.C. (2010). Comparing Millennials to pre-1987 students and with one another. *North American Journal of Psychology*, 12, 579–602.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11, 409–427.
- Urlick, M.J., Hollensbe, E.C., Masterson, S.S., Lyons, S.T. (2017). Understanding and managing intergenerational conflict: An examination of influences and strategies. *Work, Aging and Retirement*, 3 (2). <https://doi.org/10.1093/workar/waw009>
- Wang, Y., Peng, Y. (2015). An Alternative Approach to Understanding Generational Differences. *Industrial and Organizational Psychology*, 8 (3), 390–395. <https://doi.org/10.1017/iop.2015.56>
- White, J. (2013). Thinking Generations. *British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12015>
- Wilkinson, D.E, Dunlop, W.L. (2020). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations With Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10 (2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

References

- Ajanjan, A., Marcinkovskaja, T. (2016). Socializacija podrostrkov v informacionnom prostanstve. *Psihologicheskie Issledovanija (Psychological Research)*, 9, 46, 8–9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.475> (In Russ.).

Andreeva, G. (2005). Social psychology and social change. *Psihologicheskij zhurnal (Psychological Journal)*, 26, 5, 5–15 (In Russ.).

Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of «Emerging Adulthood». *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood*. Second Edition.

Bristow, J. (2015). *Baby Boomers and Generational Conflict*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buckingham, D., Willett, R. (2013). *Digital Generations: Children, Young People, and the New Media*. Routledge.

Busch, P., Venkitachalam, K., Richards, D. (2008). Generational differences in soft knowledge situations: Status, need for recognition, workplace commitment and idealism. *Knowledge and Process Management*, 15, 45–58.

Costanza, D.P., Badger, J.M., Fraser, R.L., Severt, J.B., Gade, P.A. (2012). Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business Psychology*, 27, 375–394. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9259-4>

D'jakova, A. (2022). Kto takie millenialy: cennosti pokolenija Y. *RBK Trendy*. (Retrieved from <https://trends.rbc.ru/trends/education/62b2cd0d9a7947102496d14e>) (review date: 01.03.2023) (In Russ.).

Dohmen, T., Falk, A., Huffman, D., Sunde, U. (2012). The inter-generational transmission of risk and trust attitudes. *Review of Economic Studies*, 79, 645–677. <https://doi.org/10.1093/restud/rdr027>

Emel'janova, T.P., Vikent'eva, E.N., Tarasov, S.V. (2022). City identity and the image of the future in two cities: the factr of generation *Vestnik RGGU. Serija: Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie (RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education)*, 4, 57–78. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-57-78>. (In Russ.).

Emelin, V.A., Thostov, A. (2020). Disformational identity. *Voprosy filosofii (Philosophy Issues)*, 4, 80–91 (In Russ.).

Fei Tang, Onuchin, A.N. (2018). Hierarchical intergenerational workplace interactions in Chinese and Russian contexts: a study using experimental visual methods. *Organizacionnaja psihologija (Organizational Psychology)*, 8, 3, 104–120 (In Russ.).

Gauly, B. (2017). The Intergenerational Transmission of Attitudes: Analyzing Time Preferences and Reciprocity. *Journal of Family and Economical Issues*, 38, 293–312. <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9513-4>

Gilleard, C., Higgs, P. (2005). *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*. Cambridge: Polity Press.

Giuliano, P., Spilimbergo, A. (2013). Growing up in a Recession. *The Review of Economic Studies* (Retrieved from <http://restud.oxfordjournals.org/content/early/2013/12/25/restud.rdt040.full.pdf>) (review date: 01.03.2023).

Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millenials Rising : The Next Generation*. In *Small Business and the City*.

Ivanova, E.I. (2012). Problem of Generations and Population Reproduction: Theoretical Approaches and Reality. *Sociologicheskie issledovanija (Sociological Research)*, 4, 42–53. (In Russ.).

- Joshi, A., Dencker, J., Franz, G., Martocchio, J. (2010). Unpacking Generational Identities in Organizations. *Academy of Management Review*, 35, 3. <https://doi.org/10.5465/AMR.2010.51141800>
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age–period–cohort modeling. In *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1599-2_22
- Kim, K.H. (2011). The creativity crisis: The decrease in creative thinking scores on the Torrance Tests of Creative Thinking. *Creativity Research Journal*, 23, 285–295.
- Konrath, S.H., O'Brien, E.H., Hsing, C. (2011). Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis. *Personality Social Psychology Review*, 15, 180–198.
- Kovaleva, E.O. (2014). Cultural tradition and conflict of generations in the works of V.O. Klyuchevsky and N.K. Mikhailovsky. *Vestnik TvGU. Serija «Filosofija (TvGU Bulletin. Series Philosophy)*, 2, 175–185. (In Russ.).
- Levada, Ju.A. (2011). Writings: Selected: Sociological Essays, 2000–2005. Ed. T.V. Levada. M.: Karpov E.V.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17 (1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332> (WoS)
- Mahovskaja, O.I. (2019). The role of the media in shaping the generations of Hamlets and Don Quixotes in Russia. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija (Cultural-Historical Psychology)*, 15, 2, 105–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150213>. (In Russ.).
- Mangejm, K. (1998). The problem of generations. K. Mangejm; transl. to rus. V. Plungjan i A. Urmanchieva. *Novoe literaturnoe obozrenie (New Literature Review)*, 2, 30, 7–47. (In Russ.).
- Marcinkovskaja, T.D., Poleva, N.S. (2017). Generations of the Era of Transitivity: Values, Identity, Communication. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 1, 24–37. (In Russ.).
- Nestik, T.A. (2014). Social psychology of time. M.: Izd-vo Institut psihologii RAN. (In Russ.).
- Nurkova, V.V. (2018). Life — instructions for use: the results of the graphic explication of the cultural life scenario. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury (International Journal of Cultural Studies)*, 1, 30, 55–73. (In Russ.).
- Parry, E., Urwin, P. (2010). Generational difference in work values: A review of theory and evidence. *International Journal of Management Reviews*, 13 (1), 79–96.
- Petrulina, D.S. (2022). «Perehodnoe pokolenie»: pokolencheskaja identichnost' millenialov. *Sociologicheskie issledovaniya (Sociological Research)*, 2, 57–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250018036-2>. (In Russ.).
- Postnikova, M.I. (2010). Konceptual'naja model' mezhpokolennyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya (The world of science culture and education)*, 2, 78–82. (In Russ.).
- Radaev, V. (2018). Millennials compared to previous generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological research)*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.).

Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 10, 2, 9–18. (In Russ.).

Rozin, V.M. (2017). Kak mozžno pomyslit' predstavlenie o budushhih pokolenijah. *Mir Psichologii (The world of psychology)*, 1, 89, 78–88. (In Russ.).

Rudolph, C.W., Zacher, H. (2017). Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*, 3, 2. <https://doi.org/10.1093/workar/waw019>

Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6, 1, 60–73.

Semjonova, V.V. (2009). Social Dynamics of Generations: Problem and Reality. M.: ROSSPEN, (In Russ.).

Serebrjakova, E.G. (2019). Sixties: a biography of a generation. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta (Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture)*, 25, 1, 99–105. (In Russ.).

Shamis, E., Nikonov, E. (2019). Milleniums (Y). Rugegenerations — Russian school of generation theory. (Retrieved from: <https://rugegenerations.su/category/millenyumy-85-03>), (review date: 01.03.2023) (In Russ.).

Smits, I.A., Dolan, C.V., Vorst, H.C., Wicherts, J.M., Timmerman, M.E. (2011). Cohort differences in big five personality factors over a period of 25 years. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 11–24.

Stewart, K.D., Bernhardt, P.C. (2010). Comparing Millennials to pre-1987 students and with one another. *North American Journal of Psychology*, 12, 579–602.

Tikhomandritskaya, O.A., Rikel, A.M. (2022). (Non)adult Generation: A Model for Studying the Generational Relativity of Maturity Assessment *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19, 2, 209–232. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232 (In Russ.).

Toffler, E. (2008). Future shock. M.: AST. (In Russ.).

Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11, 409–427.

Urlick, M.J., Hollensbe, E.C., Masterson, S.S., Lyons, S.T. (2017). Understanding and managing intergenerational conflict: An examination of influences and strategies. *Work, Aging and Retirement*, 3 (2). <https://doi.org/10.1093/workar/waw009>

Voronkov, V.M. (2005). The project of the “sixties”: the protest movement in the USSR. In Fathers and Sons. Generational analysis of modern Russia. In Ju. Levada, T. Shanin (pp. 168–200). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, (In Russ.).

Wang, Y., Peng, Y. (2015). An Alternative Approach to Understanding Generational Differences. *Industrial and Organizational Psychology*, 8 (3), 390–395. <https://doi.org/10.1017/iop.2015.56>

White, J. (2013). Thinking Generations. *British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12015>

Wilkinson, D.E, Dunlop, W.L. (2020). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations With Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10 (2), 402–419.
<https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

Поступила: 15.02.2023

Получена после доработки: 20.03.2023

Принята в печать: 31.07.2023

Received: 15.02.2023

Revised: 20.03.2023

Accepted: 31.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Маркович Рикель — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Егор Андреевич Дорохов — аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Консультант Управления оценки персонала Университета Банка России, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

ABOUT THE AUTHORS

Alexander M. Rikel — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Egor A. Dorokhov — Graduate Student in Psychology at the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Bank of Russia Consultant, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-32>

УДК 159.9.015.7, 159.9.016.6

Нейропсихологические и нейробиологические основы восстановления высших корковых функций. Модулярная теория VS теория системной и динамической локализации функций

К.М. Шипкова^{✉1,2}, В.Г. Булыгина¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

✉ karina.shipkova@gmail.com

Резюме

Актуальность. Нейропсихология и нейробиология решают ряд общих вопросов, касающихся взаимоотношения мозга и психики, принципов структурной и функциональной организации мозга, мозговых основ психических процессов, закономерностей нарушения и восстановления сложных поведенческих систем. Нейробиологические основы восстановления функций позволяют объяснить закономерности нейропластичности. Нейропсихологические основы дают возможность построения адекватной программы нейропсихологической реабилитации, учитывающей не только психологические, но и биологические закономерности. Для этого необходима интеграция позиций нейробиологии и нейропсихологии в этой области.

Цель. Анализ сильных и слабых сторон модулярной теории и теории системной и динамической локализации функций в решении вопроса структурной и функциональной организации мозга и отражение их представлений в подходах к нейропсихологической реабилитации.

Методы. Компаративный анализ, метод обобщения.

Результаты. Модулярная теория и теория системной и динамической локализации функций имеют ряд общих ключевых положений. 1. Принцип системной (распределенной) организации высших корковых функций. 2. Горизонтально-вертикальная мозговая структура корковой функции. 3. Корковая функция является констелляцией факторов/модулей. 4. Функциональная единица (фактор/модуль) является структурным элементом разных мозговых систем. 5. Повреждение функциональной единицы приводит к избирательному нарушению группы когнитивных процессов. Тео-

ри расходятся в понимании функциональной единицы работы мозга, что ведет к разному пониманию типологии путей восстановления функций. Рассмотрен вопрос о роли подкорковых структур в обеспечении поведенческих автоматизмов. Показано значение сохранности проводящих путей в определении реабилитационного прогноза.

Выводы. Выявлена ограниченность понятия фактор в объяснении вариативности и диссоциативной картины нейропсихологического симптома. Требуется уточнение содержания понятия фактора и его структурных элементов. Развитие отдельных положений теории системной и динамической локализации функций позволит глубже отразить закономерности нейропластичности в методологии нейропсихологической реабилитации.

Ключевые слова: теория системной и динамической локализации функций, модулярная теория, нейропластичность, реабилитация, фактор, высшие корковые функции.

Для цитирования: Шипкова К.М., Булыгина В.Г. Нейропсихологические и нейробиологические основы восстановления высших корковых функций. Модулярная теория VS теория системной и динамической локализации функций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 166–188. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-32>

REVIEWS AND ANALYTICAL RESEARCH

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-32>

Neuropsychological and neurobiological basis for the recovery of higher brain functions. Modularity VS theory of system and dynamic localization of functions

Karine M. Shipkova^{✉1,2}, **Vera G. Bulygina**¹

¹ Federal State Budgetary Institution Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

✉ karina.shipkova@gmail.com

Abstract

Background. Neuropsychology and neuroscience solve a number of general issues concerning the relationship between brain and psyche, the principles of

the structural and functional brain organization, the cerebral basis of mental processes, patterns of damage and recovery of complex behavioral systems. Neuroscientific basis for higher brain function recovery allows us to explain the regularities of neuroplasticity. The neuropsychological basis makes it possible to build an adequate programme of neuropsychological rehabilitation, taking into account not only psychological but also biological patterns. Thus, it is necessary to strengthen the integration of neuroscientific and neuropsychological points of views in this domain.

Objective. The study aims to analyse the strengths and weaknesses of modular theory and the theory of system and dynamic localization of functions in solving the question of structural and functional brain organization and their reflection in approaches to neuropsychological rehabilitation.

Methods. Comparative analysis and the method of generalization were applied.

Results. Modular theory and the theory of system and dynamic localization of functions have a number of common key points. 1. The principle of the system (distributed) organization of higher cortical functions. 2. Horizontal-vertical structure of higher brain functions. 3. Cortical function is the constellation of factors/modules. 4 Functional unit (factor/module) is a structural element of different brain systems. 5. Damage of a functional unit leads to a selective damage of a certain group of cognitive processes. Theories differ in understanding the content of a functional unit of a brain, which leads to differing understandings of the typology in the ways to recovery. The study considers the role of subcortical structures in providing behavioral automatisms. The paper shows the importance of the intact conduction pathways in making rehabilitation prognosis.

Conclusion. The study reveals limitations of the concept of factor in explaining the variability and dissociative picture of a neuropsychological symptom. The content of factor as well as its structural elements are to be revised and described. Certain statements of the theory of system and dynamic localization of functions have to be modified in order to reflect the regularities of neuroplasticity in the methodology of neuropsychological rehabilitation.

Keywords: the theory of system and dynamic localization of functions, modularity, neuroplasticity, rehabilitation, factor, higher brain functions.

For citation: Shipkova, K.M., Bulygina, V.G. (2023). Neuropsychological and neurobiological basis for the recovery of higher brain functions. Modularity VS Theory of system and dynamic localization of functions. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 166–188. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23>

Введение

Изучение мозговых механизмов и типологии когнитивных нарушений является лишь одним из аспектов нейропсихологического знания. Другой аспект — выявление закономерностей восстановления высших корковых функций. Эта область нейропсихологии, получившая название нейропсихологической реабилитации, с момента своего возникновения развивалась в тесном взаимодействии с нейрофизиологией и нейроанатомией, что диктовалось очевидной необходимостью учета биологических основ и закономерностей нейрорепарационных процессов. В отечественной нейропсихологии теоретические основы когнитивной реабилитации, ее принципы и методология были разработаны в школе А.Р. Лурии (Лурия, 1969; Цветкова, 2011). С одной стороны, они опираются на нейроанатомическую топографическую теорию структурной организации коры У. Пенфильда и теорию функциональной вертикальной уровневой организации мозга Дж.Х. Джексона, а с другой — на нейрофизиологическую теорию функциональных систем П.К. Анохина (Лурия, 1969). Бесспорная значимость нейропсихологической теории Лурии, многие положения которой остаются актуальными и сейчас, доказанная эффективность разработанной в ее рамках методологии нейропсихологической реабилитации послужили причиной широкого распространения теории не только в нашей стране, но и в ряде стран Европы, Азии и Америки. Отдавая должное важным достижениям нейропсихологической теории Лурии, нужно учитывать новые, а иногда и «неудобные» данные, что расширяет и углубляет палитру научных взглядов на мозговую организацию высших функций.

За последние время получены важные нейробиологические сведения о работе мозга. Нейробиология не изолированная область знания, напротив, она направлена на создание общей теории нервной деятельности на основе данных нейроанатомии, нейрофизиологии, нейропсихологии и ряда других наук. С момента появления инструментальных методов изучения работы мозга произошла глубокая трансформация самой нейропсихологии, она стала более нейробиологически центрированной (Kaczmarek, 2020). Это не означает, что теряется ее собственно психологическое содержание, и что она подменяется биологическим редукционизмом. Наоборот, развитие нейропсихологии шло и должно идти дальше в тесном сотрудничестве и диалоге с нейроанатомией, нейрофизиологией, а на современном этапе и с нейробиологией, иначе будет неизбежно углубляться

разрыв между нейронауками в понимании процессов нормонейрогенеза и нейрорепарации (реституции нарушенных функций). Эта тенденция уже наметилась в нейропсихологической реабилитации. В ней нередко биологические методы прямого воздействия на мозг начинают рассматриваться как ведущие, в сравнении с нейропсихологическими (Шипкова, 2020, 2021). Причиной тому является, с одной стороны, ожидание быстрого эффекта прямого воздействия на мозг, а с другой — недостаточное отражение в традиционных нейропсихологических методах реабилитации современных взглядов на нейрональные механизмы когнитивных нарушений. Очевидно, что восстановление нарушенных высших корковых функций является важной составляющей общего психического здоровья субъекта, повышающей его социальную адаптивность, возможность возвращения трудо- и дееспособности (Гусев, Боголепова, 2012). Это делает анализ теоретических подходов к пониманию структуры нейропсихологических и нейробиологических основ психической деятельности здорового и больного мозга актуальным и социально значимым.

Нейробиологические основы восстановления высших корковых функций: модулярная теория vs теория системной и динамической локализации функций

В нейропсихологической реабилитации значительно расширился круг апологетов модулярной теории (modularity of mind/modularity) (Caramazza, 1986; Coltheart, 2001; Whitworth, Webster, Howard, 2006; Sternberg, 2011; Friston, Price, 2011; George, Sunny, 2019), зародившейся в нейробиологии (Эдельман, Маунткасл, 1981) и получившей дальнейшую разработку в философских (Fodor, 2008) и психологических трудах (модулярный подход в когнитивной психологии) (Besson, Dittinger, Barbaroux, 2018; Gottschling, 2019; Matthews, 2019; Smith, 2020). Теория модулярности оказала и продолжает оказывать большое влияние на развитие нейропсихологической парадигмы в мире, поэтому ее анализ заслуживает специального обсуждения.

Модулярная теория, в своем изначальном виде сформулированная Дж. Маунткаслем, является по существу кибернетической моделью функционирования неокортекса, формализующей ряд положений иерархической уровневой переработки входной информации в мозге. Функциональной единицей работы мозга рассматривается так называемый нейронный модуль — локальная нервная цепь, проводящая обработку входной информации по определенному свойству. Модуль, будучи констелляцией нейронов новой коры, об-

ладает множеством входящих и исходящих нервных связей, включая корково-подкорковые и межполушарные. Внутри модуля существует тонко дифференцированная сегрегация нейронов в отношении обработки качественных характеристик релевантного вида стимула. Различие в цитоархитектонике модулей разных отделов новой коры определяется распределением в них внешних связей. Вне зависимости от топографического расположения модулей в неокортексе они имеют качественно сходный характер в обработке информации, а связываясь друг с другом, создают распределенную систему, обладающую динамическим свойством, определяемым доминированием того или иного пути распространения информационной трансмиссии. Каждый модуль может быть элементом нескольких распределенных систем. Распределенную систему характеризует избыточность потенциальных командных точек, выбор которых определяется тем, какая часть (модуль) системы обладает самой нужной в текущий момент информацией. Свойство распределенной системы состоит в том, что сложная функция, управляемая ею, не локализуется ни в одной из ее частей. На психологическом уровне работа модуля выражается в его возможности выполнять только определенный набор операций, а информация, доступная когнитивному процессу в целом, для него закрыта, если он не инкапсулирован в эту систему. Таким образом, модулярной теорией постулируются два принципа мозговой организации: функциональная сегрегация и интеграция (Friston, Price, 2011; Keeratitivattayaut et al., 2018).

В теории Лурии функциональной единицей мозга выступает не нейронный модуль, а фактор. Нейроны области мозга, обеспечивающей определенный, отдельно взятый фактор, в отличие от нейронов модуля, выполняют однородную функцию и имеют однопорядковые связи с другими отделами неокортекса. Повреждение фактора может привести к его нарушению или угнетению. Между факторами существует как горизонтальная, так и вертикальная иерархия. Например, модально-специфические факторы управляются регуляторным фактором, что является проявлением горизонтальной иерархии в неокортексе. Между модально-неспецифическими факторами устанавливается вертикальная иерархия, проявляющаяся, например, в том, что фактор активации-инактивации управляет регуляторным фактором. При этом следует добавить, что в представленной факторной иерархии главное внимание уделено левополушарным факторам (Лурия, 1969).

Ряд ключевых положений модулярной теории и теории системной и динамической локализации функций имеют очевидную общность. 1. Принцип системной (распределенной) организации высших корковых функций. 2. Горизонтально-вертикальная мозговая структура корковой функции. 3. Мозговой основой корковой функции является констелляция факторов/модулей. 4. Функциональная единица (фактор/модуль) является структурным элементом разных мозговых систем. 5. Повреждение функциональной единицы приводит к избирательному нарушению группы когнитивных процессов.

В отношении содержательной наполняемости понятия функциональной единицы мозга имеется существенное различие. В модулярной теории модуль входит в состав более крупной структуры (констелляции подгрупп модулей) таким образом, что отдельный модуль включается не во все связи этой крупной структуры. Это означает, что поражение отдельного модуля будет носить избирательный характер и сопровождаться локальным повреждением компонента элемента функции (Allott, Smith, 2021). Данный теоретический конструкт может дать объяснение часто наблюдаемой в практике диссоциативной картины нейропсихологического симптома. Например, когда при сенсорной афазии, вызванной нарушением фактора слухоречевого восприятия, пациент может понимать отдельные сложные фразы при одновременном непонимании более простых конструкций или обнаруживать избирательное нарушение восприятия определенных оппозиционных фонем. В рамках теории Лурии парциальность нарушения отдельного звена функции трактуется в терминах степени выраженности дефекта, но в этом случае трудно объяснить многообразие картины такой избирательности, наблюдаемой от субъекта к субъекту. Попыткой преодолеть эту интерпретационную трудность было расширение значения понятия «повреждение фактора», под которым стало пониматься не только собственно его нарушение, но и его угнетение (Лурия, 1973). Позднее было предложено новое представление об уровневой структурной организации фактора. В нем мозговая архитектура фактора рассматривается как имеющая корково-подкорковую структуру, проявляющуюся в разных симптомах в зависимости от уровня поражения (Цветкова, 2011). Выдвигаемый тезис об уровневом строении фактора нуждается в дополнительной проработке, так как недостаточная убедительность аргументации в отношении проявления нарушений фактора на разных уровнях делает его уязвимым. Например, объяснительный механизм повреждения кинетического фактора на разных уровнях представля-

ется тавтологией, когда объясняется, что на психофизиологическом уровне нарушение проявляется в «дефекте переключения с одного двигательного элемента на другой», а на психологическом — «в симптоме персевераций» (Цветкова, 2011, с. 158). При характеристике психофизиологического уровня скорее нужно говорить о снижении скорости тормозных процессов вследствие задержки проведения командного нервного импульса, а не дефекта переключения — его внешнего атрибута.

Различие теорий в понимании структурно-функциональной организации новой коры закономерно ведет к различиям в понимании типологии и механизмов восстановления высших корковых функций.

Пути восстановления высших корковых функций.

Спорные вопросы

Восстановление поврежденной функции может происходить спонтанно, на прежнем морфофизиологическом субстрате, если нарушение вызвано защитным механизмом ее временного торможения — диашизом, а также изменением топографии нейрональной сети функции за счет неповрежденных структур — викариата. Эти две базовые модели отображаются в разных реабилитационных подходах.

В реабилитационной школе Лурии нарушение функции рассматривается как ее дезинтеграция на высшем, произвольном, уровне, которая преодолевается направленным или спонтанным восстановлением (Лурия, 1969; Цветкова, 2011). При спонтанном восстановлении реституция функции происходит самопроизвольно под влиянием механизмов диашиза или внутрислоушарного и межполушарного викариата. При направленном восстановлении корковая функция восстанавливается двояко: парциальным восстановлением нарушенного звена — внутрисистемная перестройка функции; заменой нарушенного звена гетерологичным — межсистемная перестройка. В данном подходе замещающие стратегии не рассматриваются как собственно восстановительный процесс и как цель реабилитации.

В нейробиологической теории модулярности, сконцентрированной на мозговой структурной организации высших функций, не уделяется специального внимания вопросу механизмов нейрорепарации. Нейрорепарация, или мозговая пластичность, нейропластичность (*brain plasticity*) — это нейронная гибкость (*neural flexibility/malleability*), которая обеспечивает кратковременную или стойкую изменчивость поведения. В широком смысле этого слова нейропластичность проявляет себя в процессах онтогенетического

развития, взросления, адаптации, обучения, компенсаторных перестройках в случае нарушения психических функций в ходе старения или мозгового поражения. В коннекционистском подходе, являющемся в некоторой степени идейным продолжением теории модулярности, процесс нейрорепарации является одним из центральных фокусов исследований, и любой путь обретения возможности использования нарушенной функции рассматривается как показатель ее восстановления. Поэтому под восстановлением понимается как собственно путь преодоления дефекта, независимо от того происходит это спонтанно или нет, так и его компенсация (Whitworth, Webster, Howard, 2006; Berlucchi, 2011). Пути преодоления дефекта разнообразны. 1. Раствормаживание — снятие дишиза. 2. Викариат — внутри- и межполушарный; 3. Переобучение — «приобретение» функции путем повторного обучения; 4. Перестройка функции — применение сохранных или новых когнитивных стратегий; 5. Замещение — восстановление за счет сохранных элементов функции; 6. Компенсация — адаптация к дефекту с использованием остаточных возможностей функции (Berlucchi, 2011; Vive et al., 2020; Mishra et al., 2021). Например, восстановление речи у детей после левой гемисферэктомии рассматривается одновременно и как викариат, и как компенсация функции. В то же время восстановление нарушения речи у взрослого, вызванного локальным поражением речевой коры в левом полушарии, за счет ее сохранных отделов рассматривается как замещение и перестройка функции. В коннекционизме пути восстановления дифференцируются по разным основаниям, и в одном ряду отражены разнородные механизмы, что затрудняет понимание места каждого из них в разных путях когнитивной реституции.

У модулярного подхода и подхода Лурии есть свои сильные и слабые стороны. В подходе Лурии есть ясность понимания направленности восстановительных мероприятий. Коннекционизм отличает большая направленность на учет мозговой нейропластичности. Конечно, компенсацию спорно рассматривать как подлинное восстановление нарушенной функции, так как здесь не предусматривается собственно процесс ее восстановления. Однако сбрасывать ее со счетов также представляется непродуктивным. Отдельные элементы стратегии компенсации используются на начальных этапах реабилитации, например, при грубой или тотальной афазии, с целью достижения эффекта раствормаживания речи.

Представленные в разных подходах типологии путей восстановления функций являются определенным упрощением «живого» про-

цесса, который является комбинацией разных путей восстановления, где одна констелляция сменяется другой. Эта динамическая смена стратегий не происходит самопроизвольно, а, напротив, индуцируется специальным подходом к организации восстановительной работы. Выбор ведущего пути реабилитации диктуется исходным уровнем и глубиной дефекта, а также прогностическими возможностями восстановления. Отсутствие консенсуса в понимании критериев, определяющих необходимость смены стратегий, дает возможность их произвольного толкования.

Следующий вопрос, требующий обсуждения, — это роль подкорковых структур в процессах когнитивной репарации. В работах отечественной реабилитационной школы им не отводится специального внимания, за исключением указания на то, что подкорковые структуры являются морфологическим субстратом поведенческих стереотипов. Понимание роли подкорковых структур как некоего хранилища навыков несколько упрощает вопрос. Автоматизация функции не означает, что ранее высокопроизвольный процесс уже не нуждается в контроле, а лишь то, что снижается его степень. Степень контроля — динамическая величина, выраженность колебаний которой зависит от того, возникает ли трудность в протекании этой функции или нет. Это согласуется с пониманием структуры деятельности А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975) и клинической картиной когнитивных нарушений, наблюдаемых в нейропсихологической практике. Например, при ишемическом инфаркте мозга, который зачастую захватывает не только кору, но и подкорковые ядра, остается диссоциация в уровне сохранности произвольного и непроизвольного уровней функции, направленная в сторону большей сохранности последнего. Второй пример: при биполярных аффективных расстройствах, где ослабляются корково-подкорковые связи и наблюдаются морфологические изменения в отдельных подкорковых ядрах, нейрокогнитивные расстройства характеризуются сохранностью поведенческих стереотипов (Шипкова, Довженко, 2022; Koene et al., 2022). Поэтому представление о том, что автоматизация функции означает ее переход на субкортикальный уровень, — это скорее метафора.

Еще один важный вопрос — это роль проводящих путей в реабилитационном процессе. В нейропсихологии, по сравнению с нейробиологией, он недостаточно изучен. Через проводящие пути идет нейронная информационная трансмиссия, поэтому их сохранность является одним из важных предикторов положительного реабилитационного прогноза (functional recovery) (Marner et al., 2003). Об

этом свидетельствует ряд фактов. Во-первых, с возрастом происходит изменение объема нейронной массы как на корковом (преимущественно в префронтальной области) (Scheibel, 2009), так и на подкорковом уровнях (Иванов, Кутукова, Бережная, 2017). Во-вторых, процесс нормального старения и соответственно плавного когнитивного угасания (cognitive decline) характеризуется не столько потерей самих нейронов, сколько их синапсов и нейронных связей, то есть старению мозга присущ опережающий, в сравнении с серым веществом, темп атрофии объема и массы белого вещества (Eriksen, Stark, Pakkenberg, 2009).

Атрофические процессы в мозге идут рука об руку с нейрорепарационными (Kolb, Whishaw, 2003; Voss et al., 2017; Mateos-Aparicio, Rodríguez-Moreno, 2019). Нейрорепарация состоит в формировании новых синаптических взаимодействий. На психологическом уровне это проявляется в сохранении способности к запоминанию и обучению. Нейрорепарация протекает разными путями. Один из них заключается в том, что возникающий нейрональный дефицит сопровождается усилением дендритной архитектуры нейронных ансамблей. Например, при корковой слепоте, вызванной поражением зрительной коры, возникает увеличение площади корковых представительств тактильного и слухового анализаторов, и усиление их связи с поврежденной зрительной корой (Ortiz-Terán et al., 2016). Другой путь — функциональная нейропластичность (Cocquyt et al., 2017), где компенсация дефицита состоит в функциональном замещении сохранными гомологичными отделами интактного полушария или гетерологичными, близлежащими к зоне поражения отделами мозга (perilesional regions). Свидетельством нейропластичности является впечатляющая статистика нелинейной зависимости между выраженностью нейродегенерации и картиной нейрокогнитивного статуса, что связано с запуском процесса нейропластичности. Этим объясняется, например, то, что в 25 % случаев болезни Альцгеймера, подтвержденной патологоанатомическим исследованием мозга, при нейропсихологической диагностике при жизни у пациентов не обнаруживалось никаких признаков когнитивного снижения (Stern, 2009).

Понимание нейропсихологами биологических основ восстановления функций позволяет не только объяснить природу этого процесса, но и построить адекватную программу нейропсихологической реабилитации, учитывающую не только психологические, но и биологические закономерности нейрональной перестройки высших корковых функций. В нейропсихологии также необходима выработка

общепринятого понимания того, что понимать под восстановлением функции, является ли это возвращением нарушенной функции к ее исходному уровню, выраженным улучшением или парциальным восстановлением (Храковская, 2017).

В поисках общего пути

Степень восстановления функции определяется рядом факторов. К ним относятся: этиологический, структурно-морфологический (объем, локализация, глубина поражения), социо-демографический (возраст, образование, знания, опыт) и психологический (мотивация, комплаенс) (Гусев, Боголепова, 2012; Wilson, 2003; Whitworth, Webster, Howard, 2006).

Попыткой отразить взаимосвязь и взаимообусловленность нейропсихологических и нейробиологических закономерностей нарушения и восстановления когнитивных функций является концепция когнитивного резерва (Stern, 2009). В ней постулируются два взаимосвязанных составляющих процесса восстановления высших корковых функций: мозговой и когнитивный резервы. Мозговой резерв как характеристика индивидуальных показателей мозговой морфометрии (объем, масса мозга, синаптическая разветвленность нейронных связей, степень развитости отдельных мозговых структур и т.п.) рассматривается как физиологическая основа когнитивного резерва. В то же время накапливаемые в когнитивном резерве опыт и знания оказывают встречное влияние на структурно-морфологические показатели. Положения концепции находят подтверждение в верифицированном влиянии сенсорно-обогащенной среды (sensory-enriched environment) и двигательной активности на фасилитацию процесса нейропластичности и нейрогенеза (Шипкова, 2019, 2020, 2021). Обогащенная сенсорными стимулами среда влияет на увеличение массы мозга и развитие структур лимбической системы, имеющих отношение к обучению, памяти и, соответственно, стимулирующих процесс восстановления (Brown et al., 2003; Mora, 2013; Ball, Mercado III, Orduña, 2019; Kempermann, 2019; Yuan et al., 2021, Zhang, X. et al., 2021). Закономерности взаимодействия мозгового и когнитивного резерва не зависят от возраста, этиологии поражения мозга, включая нейроденеративные процессы (например, болезнь Альцгеймера) (Lazarov et al., 2005; Salta et al., 2023). Разница состоит лишь в том, какие используются компенсационные стратегии, носят ли они генерализованный или локальный (специфичный) характер, какие нейрональные сети

включаются в выполнение задач, и как на это влияет индивидуальный опыт.

Несмотря на некоторый механицизм концепции когнитивного резерва, она ставит крайне важные вопросы. 1. Правомочно ли рассматривать когнитивное нарушение как необратимый процесс? 2. Какие факторы определяют форму компенсационной стратегии? 3. Может ли приобретенный субъектом информационный ресурс быть катализатором нейропластичности и *vice versa*?

Выводы

В своем начале нейропсихология развивалась в узком кругу смежных наук — психо- и нейрофизиологии, медицины, анатомии. Ее теоретические концепции, методология реабилитации создавались под их сильным влиянием. С появлением нейронаук, таких как нейробиология, нейрофилософия, нейролингвистика, тенденция развития современной нейропсихологии показывает, что она становится более нейробиологически центрированной. Нейропсихология нуждается в усилении интеграционных процессов с нейронауками в решении ряда общих фундаментальных вопросов: мозг и психика, принципы структурной и функциональной организации мозга, мозговые основы психических процессов.

Анализ нейропсихологических и нейробиологических закономерностей функционирования, нарушения и восстановления когнитивных процессов, отраженных в теории Лурии и в теории модулярности, позволяет решить важные вопросы, касающиеся мозговой структурной организации психических процессов и путей их восстановления.

Ряд положений модулярной теории, а также теории системной и динамической локализации функций имеют очевидную общность: системная (распределенная) мозговая организация высшей корковой функции, представляющая собой констелляцию факторов/модулей; горизонтально-вертикальная мозговая структура высшей психической функции; повреждение фактора/модуля как структурного элемента высшей психической функции сопровождается нарушением группы психических процессов, в структурный состав которых он входит.

Наряду с этим теории различаются в понимании содержания функциональной единицы высшей психической функции. В модулярной теории повреждение модуля носит избирательный характер и сопровождается локальным повреждением компонента отдельного

элемента функции. Такое понимание структуры психического процесса позволяет объяснить диссоциативность картины нейропсихологического симптома. В теории Лурии парциальность нарушения фактора трактуется в терминах степени выраженности дефекта, что не всегда позволяет объяснить индивидуальное многообразие картины нарушений, а предложенный позднее тезис об уровне вертикально-горизонтальном строении фактора (Цветкова, 2011) нуждается в дополнительной содержательной проработке. Представления о модульном принципе организации мозга, разработанные в теории модулярности, обогащают нейропсихологию и дают возможность дальнейшего развития теории системной и динамической локализации функций в направлении пересмотра представления о факторе как о неразложимой далее единице функциональной мозговой организации.

Нейропсихологическая реабилитация, так же как и общая теория нейропсихологии, находится сегодня на теоретическом и методологическом перепутье, и вопрос закономерностей нарушения и восстановления сложных поведенческих систем является в этой области центральным. В отношении реабилитации когнитивных нарушений у подхода Лурии есть четкость понимания путей восстановления функций и связанной с ней направленности восстановительных мероприятий. У коннекционизма, являющегося в определенной степени продолжением идей модулярного подхода, нет достаточной ясности в разграничении понятий восстановления и компенсации функции. В типологии путей восстановления функций в качестве однопорядковых рассматриваются пути, имеющие разные механизмы и выделенные по разным основаниям, что существенно затрудняет понимание места каждого из них в разных путях когнитивной реституции. С другой стороны, сильной стороной этого подхода является проработанность вопроса о роли подкорковых структур и проводящих путей в процессах когнитивной репарации. Одновременно с этим узким местом обеих теорий является то, что в них не находит отражение то обстоятельство, что в процессе восстановления функции изменяется последовательность комбинации путей реабилитации, а отсутствие критериев, определяющих необходимость смены одного пути на другой, создает возможность их произвольного толкования. Определенным шагом к интеграции нейропсихологических и нейробиологических закономерностей функционирования здоровой и поврежденной функции может рассматриваться концепция когнитивного резерва, выделяющая физиологические и психологические

характеристики психических процессов как определяющие мозговую нейропластичность.

Уточнение отдельных положений теории Лурии о мозговой локализации высших психических функций, включая теоретические и методологические основы нейропсихологической реабилитации, инспирированные теорией модулярности, будет способствовать дальнейшему развитию традиционных и разработке новых подходов к восстановлению функций с учетом закономерностей нейропластичности, принципов сегрегации и интеграции корково-подкорковых, внутри- и межполушарных отношений.

Литература

Гусев Е.И., Боголепова А.Н. Когнитивные нарушения при цереброваскулярных заболеваниях. М.: Медпресс-информ, 2012.

Иванов М.В., Кутукова К.А., Бережная Л.А. Изменения соматодендритной структуры шипиковых нейронов скорлупы человека при физиологическом старении // *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2017. Т. 11, № 2. С. 42–47.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М.: МГУ, 1969.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 1973.

Храковская М.Г. Восстановительное обучение или восстановление речи у больных с афазией? // *Специальное образование*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-obuchenie-ili-vosstanovlenie-rechi-u-bolnyh-s-afaziey> (дата обращения: 13.02.2023).

Цветкова Л.С. Афазиология: современные проблемы и пути их решения. 2-е изд. перераб. и доп. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

Шипкова К.М. Использование музыкальных средств в реабилитации нарушений речевой коммуникации органического генеза // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2019. Т. 29, № 3. С. 84–88.

Шипкова К.М. Использование музыкалобогащенной среды при нарушениях когнитивных функций у взрослых (теоретический обзор) // *Клиническая и специальная психология*. 2020. Т. 9, № 1. С. 64–77.

Шипкова К.М. Современные зарубежные нейрокогнитивные подходы к использованию музыкалобогащенной среды в реабилитации афазических расстройств и деменций альцгеймеровского типа // *Современная зарубежная психология*. 2021. Т. 10, № 1. С. 126–137. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n4/Shipkova?ysclid=lky4zlxxtow654007441 (дата обращения: 07.02.2023).

Шипкова К.М., Довженко Т.В. Нейрокогнитивные корреляты биполярного аффективного расстройства // *Российский психиатрический журнал*. 2022. № 5.

C. 30–38. URL: <http://rj.serbosky.ru/index.php/rj/article/view/973> (дата обращения: 17.02.2023).

Эдельман Дж., Маунтклас В. Разумный мозг: кортикальная организация и селекция групп в теории высших функций головного мозга. М.: Мир. 1981.

Allott, N., Smith, N. (2021). Chomsky and Fodor on Modularity. A Companion to Chomsky. In N. Allott, T. Lohndal, G. Rey (Eds.), (pp. 529–543). NJ: Wiley-Blackwell. review date: 17.02.2023).

Ball, N.J., Mercado, E., Orduña, I. (2019). Enriched Environments as a Potential Treatment for Developmental Disorders: A Critical Assessment. *Frontiers in psychology*, 6 (10). (Retrieved from <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00466>) (review date: 14.02.2023).

Berlucchi, G. (2011). Brain Plasticity and Cognitive Neurorehabilitation. *Neuro-psychological Rehabilitation*, 5, 560–578. (<https://doi.org/10.1080/09602011.2011.573255>) (review date: 14.02.2023).

Besson, M., Dittinger, E., Barbaroux, M. (2018). How Music Training Influences Language Processing: Evidence Against Informational Encapsulation. *L'Année psychologique*, 118, 273–288. (Retrieved from <https://doi.org/10.3917/anpsy1.183.0273>) (review date: 17.02.2023).

Brown, J., Cooper-Kuhn, C.M., Kempermann, G. et al. (2003). Enriched Environment and Physical Activity Stimulate Hippocampal but Not Olfactory Bulb Neurogenesis. *The European Journal of Neuroscience*, 17 (10), 2042–2046. (Retrieved from <https://doi.org/10.1046/j.1460-9568.2003.02647.x>) (review date: 04.02.2023).

Caramazza, A. (1986). On Drawing Inferences about the Structure of Normal Cognitive Systems from the Analysis of Patterns of Impaired Performance: The Case for Single-Patient Studies. *Brain and Cognition*, 5 (1), 41–66. (Retrieved from [https://doi.org/10.1016/0278-2626\(86\)90061-8](https://doi.org/10.1016/0278-2626(86)90061-8)) (review date: 14.02.2023).

Cocquyt, E.M., De Ley, L., Santens, P. et al. (2017). The Role of the Right Hemisphere in the Recovery of Stroke-Related Aphasia: A Systematic Review. *Journal of neurolinguistics*, 44, 68–90. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.jneuroling.2017.03.004>) (review date: 04.02.2023).

Coltheart, M. (2001). Assumptions and Methods in Cognitive Neuropsychology. The Handbook of Cognitive Neuropsychology: What Deficits Reveal about the Human Mind. In B. Rapp (Eds.), (pp. 3–21). Philadelphia: Psychology Press.

Córneo, E., Michels, M., Abatti, M. et al. (2022). Enriched Environment Causes Epigenetic Changes in Hippocampus and Improves Long-Term Cognitive Function in Sepsis. *Scientific Reports*, 12 (1). (Retrieved from <https://doi.org/10.1038/s41598-022-14660-6>) (review date: 04.02.2023).

Friston, K., Price, C. (2011). Modules and Brain Mapping. *Cognitive Neuropsychology*, 28 (3–4), 241–250. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02643294.2011.558835>) (review date: 04.02.2023).

Fodor, J.A. (2008). The Modularity of Mind.: an Essay on Faculty Psychology. Reasoning: Studies of Human Inference. In J.E. Adler, L.J. Rips (Eds.), (pp. 878–915). Cambridge: Cambridge University Press.

George, N., Sunny, M.M. (2019). Challenges to the Modularity Thesis Under the Bayesian Brain Models. *Frontiers in human neuroscience*, 10 (13). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00353>) (review date 17.02.2023).

Gottschling, V. (2019). The Spectrum of Modularist Positions. The Routledge Companion to Philosophy of Psychology. 2nd ed. In S. Robins, J. Symons, P. Calvo (Eds.), (pp. 296–322). London: Routledge.

Kaczmarek, B.L.J. (2020). Current Views on Neuroplasticity: What Is New and What Is Old? *Acta Neuropsychologica*, 18 (1), 1–14. (Retrieved from <https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.8808>) (review date: 12.02.2023).

Keerativittayayut, R., Aoki, R., Sarabi, M.T. et al. (2018). Large-Scale Network Integration in the Human Brain Tracks Temporal Fluctuations in Memory Encoding Performance. *eLife*, 18 (7). (Retrieved from <https://doi.org/10.7554/eLife.32696>) (review date: 17.02.2023).

Kempermann, G. (2019). Environmental Enrichment, New Neurons and the Neurobiology of Individuality. *Nature Reviews Neuroscience*, 20 (4), 235–245. (Retrieved from <https://doi.org/10.1038/s41583-019-0120-x>) (review date: 11.02.2023).

Koene, J., Zyto, S., van der Stel, J. et al. (2022). The Relations Between Executive Functions and Occupational Functioning in Individuals with Bipolar Disorder: A Scoping Review. *International Journal of Bipolar Disorders*, 10 (1). (Retrieved from <https://doi.org/10.1186/s40345-022-00255-7>) (review date: 11.02.2023).

Kolb, B., Whishaw, I.Q. (2003). Brain Injury and Plasticity. Fundamentals of Human Neuropsychology. 5th ed. In R.S. Akkinson, G. Lindzey, R.F. Thompson (Eds.), (pp. 626–639). New York: Worth Publishers.

Lazarov, O., Robinson, J., Tang, Y.P. et al. (2005). Environmental Enrichment Reduces Abeta Levels and Amyloid Deposition in Transgenic Mice. *Cell*, 120 (5), 701–713. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.cell.2005.01.015>) (review date: 17.01.2023).

Marner, L., Nyengaard, J.R., Tang, Y., Pakkenberg, B. (2003). Marked Loss of Myelinated Nerve Fibers in the Human Brain with Age. *Journal of Comparative Neurology*, 462 (2), 144–152. (Retrieved from <https://doi.org/10.1002/cne.10714>) (review date: 04.02.2023).

Mateos-Aparicio, P., Rodríguez-Moreno, A. (2019). The Impact of Studying Brain Plasticity. *Frontiers in Cellular Neuroscience*, 27 (13). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fncel.2019.00066.eCollection> 2019) (review date: 14.02.2023).

Matthews, L.J. (2019). Isolability as the Unifying Feature of Modularity. *Biology and Philosophy*, 34 (20). (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s10539-019-9672-4>) (review date: 17.02.2023).

Mishra, A., Patni, P., Hegde, S. Aleya L., Tewari D. et al. (2021). Neuroplasticity and Environment: A Pharmacotherapeutic Approach Toward Preclinical and Clinical Understanding. *Current Opinion in Environmental Science and Health*, 19 (1) (100210). (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.coesh.2020.09.004>) (review date: 16.01.2023).

Mora, F. (2013). Successful Brain Aging: Plasticity, Environmental Enrichment, and Lifestyle. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 15, 45–52. (Retrieved from <https://doi.org/10.31887/dcons.2013.15.1/fmora>) (review date: 07.02.2023).

Ortiz-Terán, L., Ortiz, T., Perez, D.L. et al. (2016). Brain Plasticity in Blind Subjects Centralizes Beyond the Modal Cortices. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 10 (61). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fnsys.2016.00061.eCollection> 2016) (review date: 05.02.2023).

Salta, E., Lazarov, O., Fitzsimons, C.P. et al. (2023). Adult Hippocampal Neurogenesis in Alzheimer's Disease: A Roadmap to Clinical Relevance. *Cell Stem Cell*, 30 (2), 120–136. (Retrieved from <https://doi.org/doi:10.1016/j.stem.2023.01.002>) (review date: 16.02.2023).

Scheibel, A.B. (2009). Aging of the Brain. *Encyclopedia of Neuroscience*. In L.R. Squire (Eds.), (pp. 181–185). Amsterdam: Elsevier.

Smith, S.E. (2020). Is Evolutionary Psychology Possible? *Biological Theory*, 15, 39–49 (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s13752-019-00336-4>) (review date: 17.02.2023).

Stern, Y. (2009). Cognitive Reserve. *Neuropsychologia*, 47 (10), 2015–2028. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004>) (review date: 06.02.2023).

Sternberg, S. (2011). Modular Processes in Mind and Brain. *Cognitive Neuropsychology*, 28 (3–4), 156–208. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02643294.2011.557231>) (review date: 05.02.2023).

Vive, S., Af Geijerstam, J.L., Kuhn, H.G., Bunketorp-Käll, L. (2020). Enriched, Task-Specific Therapy in the Chronic Phase after Stroke: an Exploratory Study. *Journal of Neurologic Physical Therapy*, 44 (2), 145–155. (Retrieved from <https://doi.org/doi:10.1097/NPT.0000000000000309>) (review date: 11.02.2023).

Voss, P., Thomas, M.E., Cisneros-Franco, J.M., de Villers-Sidani, É. (2017). Dynamic Brains and the Changing Rules of Neuroplasticity: Implications for Learning and Recovery. *Frontiers in Psychology*, 4 (8), 1657. (Retrieved from <https://doi.org/doi:10.3389/fpsyg.2017.01657>) (review date: 15.02.2023).

Whitworth, F., Webster, J., Howard, D. (2006). Assessment and Intervention in Aphasia: a Clinician's Guide, (pp. 3–10, 107–114). London: Psychology Press.

Wilson, B.A. (2003). Treatment and Recovery from Brain Damage. *Encyclopedia of Cognitive Sciences*. In L. Nadel (Eds.), (pp. 410–416). London, New York and Tokyo: Nature Publishing Group.

Yuan, M., Guo, Y.S., Han, Y. et al. (2021). Effectiveness and Mechanisms of Enriched Environment in Post-stroke Cognitive Impairment. *Behavioural Brain Research*, 23 (410). (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2021.113357>) (review date: 14.02.2023).

Zhang, X., Yuan, M., Yang, S. et al. (2021). Enriched Environment Improves Post-Stroke Cognitive Impairment and Inhibits Neuroinflammation and Oxidative Stress by Activating Nrf2-ARE Pathway. *International Journal of Neuroscience*, 131 (7), 641–649. (Retrieved from <https://doi.org/doi:10.1080/00207454.2020.1797722>) (review date: 14.02.2023).

References

- Allott, N., Smith, N. (2021). Chomsky and Fodor on Modularity. A Companion to Chomsky. In N. Allott, T. Lohndal, G. Rey (Eds.), (pp. 529–543). NJ: Wiley-Blackwell.
- Ball, N.J., Mercado, E., Orduña, I. (2019). Enriched Environments as a Potential Treatment for Developmental Disorders: A Critical Assessment. *Frontiers in psychology*, 6 (10). (Retrieved from <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00466>) (review date: 14.02.2023).
- Berlucchi, G. (2011). Brain Plasticity and Cognitive Neurorehabilitation. *Neuropsychological Rehabilitation*, 5, 560–578. (<https://doi.org/10.1080/09602011.2011.573255>) (review date: 14.02.2023).
- Besson, M., Dittinger, E., Barbaroux, M. (2018). How Music Training Influences Language Processing: Evidence Against Informational Encapsulation. *L'Année psychologique*, 118, 273–288. (Retrieved from <https://doi.org/10.3917/anpsy1.183.0273>) (review date: 17.02.2023).
- Brown, J., Cooper-Kuhn, C.M., Kempermann, G. et al. (2003). Enriched Environment and Physical Activity Stimulate Hippocampal but Not Olfactory Bulb Neurogenesis. *The European Journal of Neuroscience*, 17 (10), 2042–2046. (Retrieved from <https://doi.org/10.1046/j.1460-9568.2003.02647.x>) (review date: 04.02.2023).
- Caramazza, A. (1986). On Drawing Inferences about the Structure of Normal Cognitive Systems from the Analysis of Patterns of Impaired Performance: The Case for Single-Patient Studies. *Brain and Cognition*, 5 (1), 41–66. (Retrieved from [https://doi.org/10.1016/0278-2626\(86\)90061-8](https://doi.org/10.1016/0278-2626(86)90061-8)) (review date: 14.02.2023).
- Cocquyt, E.M., De Ley, L., Santens, P. et al. (2017). The Role of the Right Hemisphere in the Recovery of Stroke-Related Aphasia: A Systematic Review. *Journal of neurolinguistics*, 44, 68–90. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.jneuroling.2017.03.004>) (review date: 04.02.2023).
- Coltheart, M. (2001). Assumptions and Methods in Cognitive Neuropsychology. *The Handbook of Cognitive Neuropsychology: What Deficits Reveal about the Human Mind*. In B. Rapp (Eds.), (pp. 3–21). Philadelphia: Psychology Press.
- Córneo, E., Michels, M., Abatti, M. et al. (2022). Enriched Environment Causes Epigenetic Changes in Hippocampus and Improves Long-Term Cognitive Function in Sepsis. *Scientific Reports*, 12 (1). (Retrieved from <https://doi.org/10.1038/s41598-022-14660-6>) (review date: 04.02.2023).
- Friston, K., Price, C. (2011). Modules and Brain Mapping. *Cognitive Neuropsychology*, 28 (3–4), 241–250. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02643294.2011.558835>) (review date: 04.02.2023).
- Edelman, G.M., Mountcastle, V.B. (1981). The Mindful Brain: Critical Organization and the Group-Selective Theory of Higher Brain Functions. Moscow: Mir. (In Russ.).
- Fodor, J.A. (2008). The Modularity of Mind.: an Essay on Faculty Psychology. Reasoning: Studies of Human Inference. In J.E. Adler, L.J. Rips (Eds.), (pp. 878–915). Cambridge: Cambridge University Press.

George, N., Sunny, M.M. (2019). Challenges to the Modularity Thesis Under the Bayesian Brain Models. *Frontiers in human neuroscience*, 10 (13). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00353>) (review date 17.02.2023).

Gottschling, V. (2019). The Spectrum of Modularist Positions. The Routledge Companion to Philosophy of Psychology. 2nd ed. In S. Robins, J. Symons, P. Calvo (Eds.), (pp. 296–322). London: Routledge.

Gusev, E.I., Bogolepova, A.N. (2012). Cognitive Disorders in Cerebrovascular Diseases. Moscow: Medpress-inform. (In Russ.).

Ivanov, M.V., Kutukova, K.A., Berezhnaya, L.A. (2017). Alterations in the Somato-dendritic Structure of Spiny Neurons in Human Putamen During Physiological Aging. *Annaly klinicheskoi i eksperimental'noi neurologii (Annals of Clinical and Experimental Neurology)*, 11 (2), 42–47. (In Russ.).

Kaczmarek, B.L.J. (2020). Current Views on Neuroplasticity: What Is New and What Is Old? *Acta Neuropsychologica*, 18 (1), 1–14. (Retrieved from <https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.8808>) (review date: 12.02.2023).

Keerativittayayut, R., Aoki, R., Sarabi, M.T. et al. (2018). Large-Scale Network Integration in the Human Brain Tracks Temporal Fluctuations in Memory Encoding Performance. *eLife*, 18 (7). (Retrieved from <https://doi.org/10.7554/eLife.32696>) (review date: 17.02.2023).

Kempermann, G. (2019). Environmental Enrichment, New Neurons and the Neurobiology of Individuality. *Nature Reviews Neuroscience*, 20 (4), 235–245. (Retrieved from <https://doi.org/10.1038/s41583-019-0120-x>) (review date: 11.02.2023).

Khrakovskaya, M.G. (2017). Rehabilitative Education or Speech Rehabilitation in Patients with Aphasia? *Spetsial'noe obrazovanie (Special Education)*, 3, 152–157. (Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-obuchenie-ili-vosstanovlenie-rechi-u-bolnyh-s-afaziey>) (review date: 13.02.2023) (In Russ.).

Koene, J., Zyto, S., van der Stel, J. et al. (2022). The Relations Between Executive Functions and Occupational Functioning in Individuals with Bipolar Disorder: A Scoping Review. *International Journal of Bipolar Disorders*, 10 (1). (Retrieved from <https://doi.org/10.1186/s40345-022-00255-7>) (review date: 11.02.2023).

Kolb, B., Whishaw, I.Q. (2003). Brain Injury and Plasticity. Fundamentals of Human Neuropsychology. 5th ed. In R.S. Akkinson, G. Lindzey, R.F. Thompson (Eds.), (pp. 626–639). New York: Worth Publishers.

Lazarov, O., Robinson, J., Tang, Y.P. et al. (2005). Environmental Enrichment Reduces Abeta Levels and Amyloid Deposition in Transgenic Mice. *Cell*, 120 (5), 701–713. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.cell.2005.01.015>) (review date: 17.01.2023).

Leontiev, A.N. (1975). Activity. Conscience. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Luria, A.R. (1969). Human Higher Cortical Functions and Their Violation in Local Brain Lesions. Moscow: MGU. (In Russ.).

Luria, A.R. (1973). Fundamentals of Neuropsychology. Moscow: MGU. (In Russ.).

Marner, L., Nyengaard, J.R., Tang, Y., Pakkenberg, B. (2003). Marked Loss of Myelinated Nerve Fibers in the Human Brain with Age. *Journal of Comparative Neu-*

ology, 462 (2), 144–152. (Retrieved from <https://doi.org/10.1002/cne.10714>) (review date: 04.02.2023).

Mateos-Aparicio, P., Rodríguez-Moreno, A. (2019). The Impact of Studying Brain Plasticity. *Frontiers in Cellular Neuroscience*, 27 (13). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fncel.2019.00066>.eCollection 2019) (review date: 14.02.2023).

Matthews, L.J. (2019). Isolability as the Unifying Feature of Modularity. *Biology and Philosophy*, 34 (20). (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s10539-019-9672-4>) (review date: 17.02.2023).

Mishra, A., Patni, P., Hegde, S. et al. (2021). Neuroplasticity and Environment: A Pharmacotherapeutic Approach Toward Preclinical and Clinical Understanding. *Current Opinion in Environmental Science and Health*, 19 (1). (Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.coesh.2020.09.004>) (review date: 16.01.2023).

Mora, F. (2013). Successful Brain Aging: Plasticity, Environmental Enrichment, and Lifestyle. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 15, 45–52. (Retrieved from <https://doi.org/10.31887/dcms.2013.15.1/fmora>) (review date: 07.02.2023).

Ortiz-Terán, L., Ortiz, T., Perez, D.L. et al. (2016). Brain Plasticity in Blind Subjects Centralized Beyond the Modal Cortices. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 10 (61). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fnsys.2016.00061>.eCollection 2016) (review date: 05.02.2023).

Salta, E., Lazarov, O., Fitzsimons, C.P. et al. (2023). Adult Hippocampal Neurogenesis in Alzheimer's Disease: A Roadmap to Clinical Relevance. *Cell Stem Cell*, 30 (2), 120–136. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.stem.2023.01.002>) (review date: 16.02.2023).

Scheibel, A.B. (2009). Aging of the Brain. *Encyclopedia of Neuroscience*. In L.R. Squire (Eds.), (pp. 181–185). Amsterdam: Elsevier.

Shipkova, K.M. (2019). Implementation of Musical Instrument's in the Rehabilitation of Speech Communication of Organic Genesis. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya (Social and Clinical Psychiatry)*, 29 (3), 84–88. (In Russ.).

Shipkova, K.M. (2020). The Use of Music Enriched Environment in Cognitive Impairment in Adults (A Theoretical Review) *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya (Clinical Psychology and Special Education)*, 9 (1), 64–77. (In Russ.).

Shipkova, K.M. (2021). Modern Foreign Neurocognitive Approaches to the Use of the Music-Enriched Environment in the Rehabilitation of Aphasic Disorders and Alzheimer's Type Dementia. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Journal of Modern Foreign Psychology)*, 10 (4), 126–137. (Retrieved from https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n4/Shipkova?ysclid=lky4zlxto654007441) (review date: 07.02.2023) (In Russ.).

Shipkova, K.M., Dovzhenko, T.V. (2022). Neurocognitive Correlates of Bipolar Affective Disorders. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal (Russian Journal of Psychiatry)*, 5, 30–38. (Retrieved from <http://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/973>) (review date: 17.02.2023) (In Russ.).

Smith, S.E. (2020). Is Evolutionary Psychology Possible? *Biological Theory*, 15, 39–49 (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s13752-019-00336-4>) (review date: 17.02.2023).

Stern, Y. (2009). Cognitive Reserve. *Neuropsychologia*, 47 (10), 2015–2028. (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004>) (review date: 06.02.2023).

Sternberg, S. (2011). Modular Processes in Mind and Brain. *Cognitive Neuropsychology*, 28 (3–4), 156–208. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02643294.2011.557231>) (review date: 05.02.2023).

Tsvetkova, L.S. (2011). Aphasiology: Current Problems and Their Solutions. 2nd ed. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEC. (In Russ.).

Vive, S., Af Geijerstam, J.L., Kuhn, H.G., Bunketorp-Käll, L. (2020). Enriched, Task-Specific Therapy in the Chronic Phase after Stroke: an Exploratory Study. *Journal of Neurologic Physical Therapy*, 44 (2), 145–155. (Retrieved from <https://doi.org/10.1097/NPT.0000000000000309>) (review date: 11.02.2023).

Voss, P., Thomas, M.E., Cisneros-Franco, J.M., de Villers-Sidani, É. (2017). Dynamic Brains and the Changing Rules of Neuroplasticity: Implications for Learning and Recovery. *Frontiers in Psychology*, 4 (8). (Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01657>) (review date: 15.02.2023).

Whitworth, F., Webster, J., Howard, D. (2006). Assessment and Intervention in Aphasia: a Clinician's Guide (1st ed.), (pp. 3–10, 107–114). London: Psychology Press.

Wilson, B.A. (2003). Treatment and Recovery from Brain Damage. Encyclopedia of Cognitive Sciences. In L. Nadel (Eds.), (pp. 410–416). London, New York and Tokyo: Nature Publishing Group.

Yuan, M., Guo, Y.S., Han, Y. et al. (2021). Effectiveness and Mechanisms of Enriched Environment in Post-stroke Cognitive Impairment. *Behavioural Brain Research*, 23 (410). (Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2021.113357>) (review date: 14.02.2023).

Zhang, X., Yuan, M., Yang, S. et al. (2021). Enriched Environment Improves Post-Stroke Cognitive Impairment and Inhibits Neuroinflammation and Oxidative Stress by Activating Nrf2-ARE Pathway. *International Journal of Neuroscience*, 131 (7), 641–649. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/00207454.2020.1797722>) (review date: 14.02.2023).

Поступила: 03.03.2022

Получена после доработки: 12.05.2023

Принята в печать: 05.08.2023

Received: 03.03.2022

Revised: 12.05.2023

Accepted: 05.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каринэ Маратовна Шипкова — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, доцент кафедры специального дефектологического образования факультета коррекционной педагогики и спе-

Shipkova, K.M., Bulygina, V.G.

Neuropsychological and neurobiological basis for the recovery of higher brain functions...

Lomonosov Psychology Journal. 2023. Vol. 46, No. 3

циальной психологии Московского института психоанализа, karina.shipkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>

Вера Геннадьевна Булыгина — доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психогигиены и психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, ver210@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5584-12516>

ABOUT THE AUTHORS

Karine M. Shipkova — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Senior Research Associate, the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Special Defectological Education, Faculty of Correctional Pedagogy and Special Psychology, karina.shipkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>

Vera G. Bulygina — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation, ver210@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9, 159.99

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-33>

Критика Выготским фашизма в немецкой психологии 1930-х: политические, социально-психологические и личностные контексты

В.С. Собкин, Г.Д. Емелин✉

Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Российская Федерация

✉gemelinpsy@gmail.com

Резюме

Актуальность. Настоящая статья содержит анализ одной из последних работ, написанных Л.С. Выготским перед кончиной — четвертой главы в брошюре «Фашизм в психоневрологии» (1934). Впервые анализируется мотивация автора к написанию этой работы в широком контексте социально-политических и личностных аспектов последних лет его жизни: общего роста социально-психологической напряженности в СССР, репрессий, затронувших членов его семьи в начале 1930-х, личностной значимости для Выготского «еврейского вопроса» и антисемитизма в нацистской Германии. Кроме того, в статье впервые публикуется ранее неизвестное совместное письмо Р.Н. Выгодской и Л.С. Выготского к поэту и переводчику Д.И. Выгодскому, где упоминается арест двоюродного брата Льва Семеновича.

Целью было реконструирование личностных смыслов и обстоятельств написания Л.С. Выготским главы в брошюре «Фашизм в психоневрологии».

Методы. Элементы источниковедческого анализа, поиск и анализ архивных документов, анализ литературы, посвященной биографии Л.С. Выготского.

Результаты. Анализ показал, что критика фашизма в психологии Л.С. Выготским и А.Р. Лурией строится вокруг нескольких сюжетов: критика основной антропологической идеи Третьего рейха о предопределенности развития человека в зависимости от его «расы и крови»; анализ процесса политизации и идеологизации науки, примером которых служит критикуемая Л.С. Выготским концепция «интеграционной типологии» Э.Р. Йенша; политическая самозащита советских ученых от возможной травли; вопрос национального самоопределения советских ученых-евреев.

Выводы. Авторы полагают, что помимо научно-критической позиции и отстаивания гуманистических ценностей в психологии, данный текст Л.С. Вы-

готского может быть рассмотрен, помимо прочего, в контексте политической самозащиты от санкций и травли; тех процессов, которым подверглась школа Л.С. Выготского во второй половине 1930-х годов.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, репрессии, фашизм, история психологии, культурно-историческая психология, архивные материалы.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в работе с архивом Д.И. Выгодского сотрудников Центра социокультурных проблем современного образования ПИ РАО Н.Л. Савченко и М.В. Сиян.

Для цитирования: Собкин В.С., Емелин Г.Д. Критика Выготским фашизма в немецкой психологии 1930-х: политические, социально-психологические и личностные контексты // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 189–215. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-33>

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-33>

Vygotsky's criticism of fascism in German psychology of the 1930s: political, socio-psychological and personal contexts

Vladimir S. Sobkin, Gleb D. Emelin ✉

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

✉ gemelinpsy@gmail.com

Abstract

Background. This study discusses one of the last L.S. Vygotsky's works — the fourth chapter in «Fascism in Psychoneurology» bulletin (1934). Motivation of the author to write this text is analyzed in the broad context of sociopolitical and personal aspects of his life: general growth of sociopsychological tension, repressions that touched L.S. Vygotsky's family in 1930s, personally significant Jewish question and antisemitism in nazi Germany. In addition, joint letter from R.N. Vygodskaya and L.S. Vygotsky to D.I. Vygodsky published for the first time. This letter mentioned the arrest of Vygotsky's cousin L.I. Vygodsky.

Objective. The aim of the study was to reconstruct personal meanings and circumstances of L.S. Vygotsky in writing a chapter for «Fascism in Psychoneurology» bulletin.

Methods. Elements of source analysis, search and analysis of archival documents, theoretical analysis of literature on L.S. Vygotsky's biography.

Results. The analysis showed that L.S. Vygotsky and A.R. Luria's criticism of Fascism in psychology is built around several topics: criticism of the basic anthropological idea of the Third Reich about the predestination of human development depending on «blood and race»; an analysis of the process of politicization and ideologization of science, exemplified by the concept of «Integrationstypologie» introduced by E.R. Jaensch, which L.S. Vygotsky criticizes; political self-defense of Soviet scientists against possible persecution; the issue of national self-determination of Soviet Jewish scientists.

Conclusion. Authors of this article suggested that this work may be seen not only as a scientific criticism and assertion of humanistic values in psychology but also as an act of political self-defense from sanctions and persecution that took place during the second half of the 1930s.

Keywords: L.S. Vygotsky, A.R. Luria, repressions, fascism, history of psychology, cultural-historical approach, archival documents.

Acknowledgements. The authors are grateful to researchers of Center for Socio-cultural Problems of Modern Education (PI RAE) N.L. Savchenko and M.V. Siyan for their assistance in archival work with D.I. Vygotsky's documents.

For citation: Sobkin, V.S., Emelin, G.D. (2023). Vygotsky's criticism of fascism in German psychology of the 1930s: political, socio-psychological and personal contexts. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 189–215. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-33>

Введение

Тезис о том, что Л.С. Выготский внес вклад в разные направления психологической науки, сегодня очевиден. Между тем при обращении к его наследию, помимо оригинальности высказанных идей, поражает и личностная значимость, включенность автора в исследуемую проблематику; драма разворачивающегося перед читателем процесса мышления. Поэтому при знакомстве с его работами особый интерес могут представлять сюжеты, касающиеся его взаимоотношений как с социальным и профессиональным окружением, так и вопросы, проясняющие его личностную позицию по широкому кругу тем.

Заметим, что при изучении интеллектуальной биографии Выготского в настоящее время работает своеобразный «эффект края». Здесь мы имеем в виду то обстоятельство, что понимание наследия

Выготского раскрывается в ситуациях, когда мы обращаемся к его ранним «допсихологическим» и самым поздним (опубликованным уже после смерти автора) работам. Подобное сопоставление позволяет выявить не только значимость («устойчивость») тех или иных тем, но и своеобразие, а порой и эволюцию личностной позиции Выготского относительно разных жизненно важных проблем. Именно это позволяет ухватить «живую драму» мышления ученого.

Рассмотрим в общих чертах лишь тематику его ранних работ. Выготский начинает свой путь как мыслитель с работы «Трагикомедия исканий», написанной им в возрасте 16 лет в 1912 году (Собкин, 2022). В ней он анализирует библейскую Книгу Екклесиаста, в том числе для поиска решений ряда социальных проблем современного ему российского общества. Позже он начинает активно заниматься театроведческой и критической деятельностью в области театра, публикует большое количество рецензий на различные театральные постановки (Собкин, 2015), занимается литературоведением, пишет свою знаменитую работу о «Гамлете» У. Шекспира. Параллельно Выготский обращается к лично значимой для него теме — еврейскому вопросу (Завершнева, 2012; Собкин, Климова, 2017а, 2017б, 2018). В этих работах он рассуждает о сущности еврейства, религии и религиозном сознании, национальном самоопределении евреев, прошлом, настоящем и будущем своего народа. В тот же период он публикует несколько журнальных заметок, затрагивающих сферу политической и общественной деятельности (Собкин, Климова, 2016). Иными словами, в годы юности Выготский раскрывается как активный, интересующийся историей и политикой представитель интеллектуальной молодежи, который по-своему пытается осмыслить события и сдвиги, происходящие в стране. При этом особое место в его размышлениях занимают вопросы, связанные с национальной идентичностью и проблемами социального положения евреев в России.

Ближе к середине 1920-х годов Выготский переключается на собственно научные психологические и педагогические проблемы. Переходной от периода свободных увлечений к периоду профессионализации как психолога служит работа «Психология искусства» — отголосок юношеских интересов ученого. Далее проявляется тот спектр интересов Выготского, который хорошо известен современным профессиональным психологам. Однако говоря об «эффekte края», мы не случайно упомянули и о периоде самых поздних его

работ. Среди них есть одна, которая и привлекла наше внимание: его глава в коллективной брошюре «Фашизм в психоневрологии».

Этот текст Выготский пишет в конце своей жизни в 1934 году, причем сама глава была опубликована уже после смерти автора. В тексте затрагивается в числе прочих один из его ранних интересов, касающихся политики, где особое значение имеет и еврейский вопрос. По своему жанру данная работа находится на стыке научной и политической критики. Подчеркнем, что несмотря на наличие работы в библиографии Выготского (Выгодская, Лифанова, 1996), она остается малоизвестной даже среди тех, кто специально занимается биографией ученого. Остановимся на ней подробнее.

Трансформация критической позиции: от научного диалога к политической конфронтации

В 1934 году издательство «Биомедгиз» выпускает коллективную брошюру «Фашизм в психоневрологии». Среди авторов указан Выготский. Его перу принадлежит последняя четвертая глава данной работы (Выготский и др., 1934).

В своей критике проявлений фашизма в немецкой психологии Выготский упоминает трех авторов: Н. Ах, Э. Шпрангер и Э.Р. Йенш. Перечисленные немецкие психологи являлись для него не просто «пособниками и апологетами фашистского режима», но и коллегами, в интеллектуальном диалоге с которыми, соглашаясь и полемизируя, он разрабатывал проблематику собственных исследований. Для подтверждения нашего тезиса о том, что перечисленные выше ученые были значимы для Выготского, приведем таблицу (табл. 1), где представлены результаты нашего подсчета количества упоминаний каждого из трех авторов в его работах разных лет.

Как видно из табл. 1, все три автора часто встречаются в работах Выготского. Причем для каждого из них можно выделить определенные «содержательные центры» цитирования. Так, ссылки на Аха в основном встречаются в «Мышлении и речи», что вполне понятно в связи с тем, что созданный Выготским совместно с Л.С. Сахаровым метод двойной стимуляции для исследования понятий (методика Выготского-Сахарова) является модификацией методических приемов по изучению формирования искусственных понятий Аха (Выготский, 1934). Вот два характерных примера цитирования: 1) «Опыты Аха показали, что процесс образования понятий носит всегда продуктивный, а не репродуктивный характер, что понятие возникает и образуется в процессе сложной операции, направленной на решение какой-

Таблица 1

Количество ссылок на Э.Р. Йенша, Н. Аха и Э. Шпрангера в работах
Л.С. Выготского

Название работы	Число упо- минаний Э.Р. Йенша	Число упо- минаний Н. Аха	Число упоминаний Э. Шпрангера	Источник
Исторический смысл психологического кризиса (1927)	1	2	–	(Выготский, 1982а)
Основные проблемы современной дефектологии (1929)	–	1	–	(Выготский, 1983б)
О психологических системах (1930)	1	–	–	(Выготский, 1982а)
Орудие и знак в развитии ребенка (1930)	3	1	–	(Выготский, 1984б)
Предисловие к русскому изданию книги В. Келера «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян» (1930)	1	–	–	(Выготский, 1982а)
Психика, сознание и бессознательное (1930)	–	–	6	(Выготский, 1982а)
Эйдетика (1930)	14	–	–	(Выготский, 1930)
Этюды по истории поведения (совместно с А.Р. Лурией) (1930)	7	3	–	(Выготский, Лурия, 1993)
Диагностика развития и педологическая клиника (1931)	1	–	–	(Выготский, 1983б)
История развития высших психических функций (1931)	10	9	4	(Выготский, 1983а)
Педология подростка (1931)	16	3	20	(Выготский, 1984а)
Лекции по психологии (1932)	–	5	–	(Выготский, 1982б)
Учение об эмоциях (1933)	–	–	4	(Выготский, 1984б)

Название работы	Число упоминаний Э.Р. Йенша	Число упоминаний Н. Аха	Число упоминаний Э. Шпрангера	Источник
Мышление и речь (1934)	3	10	–	(Выготский, 1934)
Общее число упоминаний ученого в работах Л.С. Выготского	57	34	34	

Table 1

The number of references to E.R. Jensch, N. Ach and E. Spranger in
L.S. Vygotsky's works

Title	Number of references to E.R. Jaensch	Number of references to N. Ach	Number of references to E. Spranger	Source
The Historical Meaning of the Crisis in Psychology (1927)	1	2	–	(Vygotsky, 1982a)
The Fundamental Problems of Defectology (1929)	–	1	–	(Vygotsky, 1983b)
On Psychological Systems (1930)	1	–	–	(Vygotsky, 1982a)
Tool and Symbol in Child Development (1930)	3	1	–	(Vygotsky, 1984b)
Preface to the Russian edition of W. Köhler's book «The Mentality of Apes» (1930)	1	–	–	(Vygotsky, 1982a)
Mind, Consciousness, the Unconscious (1930)	–	–	6	(Vygotsky, 1982a)
Eidetics (1930)	14	–	–	(Vygotsky, 1930)
Studies on the History of Behavior: Ape, Primitive, and Child (with A.R. Luria) (1930)	7	3	–	(Vygotsky, Luria 1993)
The Diagnostics of Development and the Pedological Clinic (1931)	1	–	–	(Vygotsky, 1983b)

Title	Number of references to E.R. Jaensch	Number of references to N. Ach	Number of references to E. Spranger	Source
History of the Development of the Higher Mental Functions (1931)	10	9	4	(Vygotsky, 1983a)
Pedology of the Adolescent (1931)	16	3	20	(Vygotsky, 1984a)
Lectures on Psychology (1932)	–	5	–	(Vygotsky, 1982b)
Studies of Emotions (1933)	–	–	4	(Vygotsky, 1984b)
Language and Thought (1934)	3	10	–	(Vygotsky, 1934)
The total number of references to the scientist in the works of L.S. Vygotsky	57	34	34	

либо задачи, и что одного наличия внешних условий и механического установления связи между словом и предметами недостаточно для его возникновения» (там же, с. 106); 2) «Главнейшим недостатком методики Аха является то обстоятельство, что с ее помощью мы выясняем не генетический процесс образования понятий, но только констатируем наличие или отсутствие этого процесса» (там же, с. 110). Таким образом, анализируя подход Аха к исследованию понятий, Выготский фиксирует крайне важные для его собственной концепции аспекты, связанные как с продуктивным характером образования понятий (с необходимостью выявления их функций в процессе решения конкретных задач), так и с исследованием понятий в логике их происхождения. Подчеркнем, что, полемизируя с Ахом, особое внимание Выготский уделяет вопросам изучения понятийного мышления в процессе возрастного развития ребенка и функционального употребления слова.

Представленные в табл. 1 материалы показывают, что другой автор, Шпрангер, наиболее часто цитируется в работе «Педология подростка», в которой Выготский подвергает последовательной критике его *идеалистическую концепцию юношеского возраста* (Выготский, 1984а). Вот две характерных цитаты: 1) «...глубоко симптоматично, что наиболее последовательная идеалистическая система психологии

подростка, данная в книге Шпрангера, обходит молчанием развитие мышления в переходном возрасте» (там же, с. 45); 2) «Врастание подростка в сферу права и политики, профессиональной жизни и нравственности, науки и мировоззрения — все это центральное ядро процессов созревания для Шпрангера, но сами интеллектуальные функции подростка, формы его мышления, состав, строение его интеллектуальных операций остаются неизменными, вечными» (там же, с. 45). Как мы видим, центральным моментом критики работ Шпрангера является отсутствие в его концепции представлений о развитии психических функций в процессе взросления и, что особенно важно для Выготского, анализа своеобразия мышления в подростковом возрасте. В частности, того перехода от житейских к научным понятиям, которому сам Выготский уделял особое внимание.

И наконец Йенш (см. табл. 1) цитируется весьма часто сразу в нескольких работах Выготского. Причем оценки трудов Йенша у него носят явно выраженный позитивный характер. Так, при описании современного состояния проблемы эйдетики памяти Выготский отмечает, что разработка теоретического значения субъективных наглядных образов и их основательное изучение были организованы «школой Эриха Йенша в Марбурге...» (Выготский, 1930). Рассматривая работы Йенша по эйдетики памяти и мышлению, Выготский в качестве позитивных оценок указывает на то, что: «...Йенш получил модель того, каким способом не только животные в опытах Келера, но и дети, не обладающие речью, мысленно решают задачу» (Выготский, 1983а, с. 269); «Э. Йенш, автор исследований по эйдетики, правильно указывает на то, что и в историческом развитии человечества при переходе от примитивного мышления к развитому речь сыграла решающую роль как средство освобождения от наглядных образов» (там же, с. 103); «...мы не можем не вспомнить интересных исследований Э. Йенша. Он экспериментально показал, что у эйдетиков мышление совершается с помощью наглядных образов, у которых динамические, практические и оптические элементы сочетаются воедино» (там же, с. 126). При чтении этих высказываний важно обратить внимание на то, что Выготский в своих позитивных оценках работ Йенша неявно опирается на те фундаментальные методологические принципы, которые важны и для культурно-исторического подхода. В первую очередь это касается рассмотрения психологических явлений в фило- и онтогенезе.

Но вернемся к основной теме нашей статьи — критике фашизма в психологии. Как мы видим, в своей главе Выготский осознанно

выбрал для рассмотрения именно тех немецких авторов, которые незадолго до прихода национал-социалистов к власти занимали важное место в его собственных текстах. Они были коллегами-собеседниками по многим ключевым для него темам: теоретические вопросы психологии, методы исследования, развитие мышления, психологические проблемы подросткового возраста. Однако теперь, в 1933 году, по отношению к ним Выготскому необходимо определиться, и в первую очередь относительно идеологических расхождений. Дело в том, что после прихода национал-социалистов и Гитлера к власти, цитируемые Выготским немецкие ученые-психологи (Ах, Шпрангер, Йенш) публикуют тексты в поддержку нового режима. И таким образом они переходят для Выготского в лагерь явных политических врагов.

Несмотря на то, что в начале своей главы Выготский упоминает трех авторов, далее в этом тексте он обращается к подробной критике лишь одного из них — Йенша. При этом основное внимание уделяется анализу книги Йенша, в самом названии которой (в переводе самого Выготского) уже явно просматривается ее политическая ангажированность: *«Состояние и задачи психологии. Ее миссия в немецком национальном движении и в перестройке культуры»*.

Вполне вероятно, что выбор Выготским Йенша как основного персонажа для антифашистской критики психологии в Германии связан с тем, что помимо непосредственно исследовательской работы, сам Йенш уделял большое внимание организации науки в стране, выступая как основатель Марбургской психологической школы и занимая посты директора Института психологии в Марбурге (Wyatt, Teuber, 1944). Причем и это, пожалуй, самое главное, Йенш активно участвовал в становлении нового режима в Германии: он был одним из тех 300 университетских преподавателей, которые подписали письмо в поддержку НСДАП и Гитлера в 1933 году. Подчеркнем, что в этот период в ряде своих текстов Йенш переходит от строгого научного понятийного аппарата, используемого им при изучении эйдетики, к наукообразной идеологизированной риторике, «научно» поддерживающей национал-социализм. В результате такого «специфического синтеза» и родился весьма своеобразный подход — «интеграционная типология (Integrationstypologie)» (там же).

Данная «химера» представляла собой комплекс взглядов на личность как на сложную систему взаимосвязанных уровней: от уровня функционирования физиологических процессов до уровня высших интеллектуальных функций (там же). По своей целевой установке

концепция Йенша была ориентирована на доказательство ключевой идеи: каждый человеческий тип (например, «нордический») обладает отличительными от всех остальных типов признаками, которые проявляются на всех уровнях — от физиологии до мышления. По сути, эта формула и выражает основную антропологическую идею Третьего рейха о том, что *раса и кровь* определяют не только физические, но и психологические, а также и духовные характеристики человека. Подобный «подход» вполне совпадал с основными представлениями о человеке гитлеровских идеологов и чиновников. Эту попытку Йенша завуалировать антигуманную национал-социалистическую идеологию под научный язык Выготский и подвергает жесткой критике. Добавим, что теория Йенша, претендующая на системность, весьма критично оценивалась в отечественной психологии и после Выготского (Теплов, 1941; Богданчиков, 2001).

Выготский характеризует книгу Йенша как «военный манифест» (Выготский, 1934, с. 19), сразу обозначая ее политическую ангажированность. По мнению Выготского, ключевая задача Йенша заключается в разработке концепции, противостоящей по своим философско-методологическим основаниям марксизму в объяснении глобальных социально-политических проблем и определяющей необходимость социального неравенства. Для этого, в оппозиции к марксистской антропологии, Йенш строит механистическую концепцию человека («интеграционную типологию») (там же). При этом Выготский в своей критике «интеграционной типологии» подчеркивает явную научную несостоятельность Йенша в его попытках не просто объединить биологический эссенциализм с фактом существования духовной сферы жизни человека, но и признать нацистский примат «расы и крови» над духовной жизнью. Данная позиция получает название «реалистического идеализма» (Выготский, 1930, 1934).

Причем это не просто концепция, носящая абстрактно-теоретический характер, а мировоззрение, обосновывающее конкретные политические действия, которые носят явно выраженный агрессивный характер, подчеркивая превосходство одних «типов» над другими. И здесь высшим, который поведет человечество вперед, признается «немецкий тип» человека. Таким образом, Йенш привязывает фундаментальную науку к политическим задачам Третьего рейха, и тогда «заключается союз штыка и идеи, научной психологии и штурмовых отрядов» (Выготский, 1934, с. 22).

Подчеркнем, что использование языка «объективной» науки в политических целях позволяет не просто отграничить свой народ

и своих граждан от других по биопсихосоциальным особенностям, но и идеологизировать агрессивную внутреннюю и внешнюю политику по отношению к «другим». Именно поэтому Выготский резко критикует Йенша.

Предметом его критики выступает именно идеология Йенша, которая вызывает у Выготского явное неприятие, что проявляется и в стилистических особенностях главы, которая пестрит клише, уже привычными для советских идеологических и пропагандистских текстов: «фельдфебельская антропология», «фельдфебельская политика», «буржуазная наука», «борьба за освобождение», «угнетенные народности» и т.д. Тем самым Выготский подчеркивает, что он идеологически находится с Йеншем по разные стороны баррикад: «Положительное значение книги Йенша заключается в том, что в ней сброшены все маски. Дипломатическое лицемерие может только помешать во время последнего и решительного боя, — самого великого и справедливого из всех, которые только знало человечество на протяжении своей истории» (там же, с. 28).

И все же несмотря на то, что стилистически глава Выготского напоминает скорее стандартную для того времени идеологическую антифашистскую критику, содержательно создатель культурно-исторической психологии придерживается реализуемого им в других своих работах метода теоретического анализа: выделяя ключевые противоречия и содержательные единицы, которые определяют подход Йенша, Выготский разворачивает исследование, суть которого состоит в описании трансформации научных принципов и теоретических положений под влиянием принятия соответствующей идеологии. В этом и состоит трагедия немецкого ученого.

Между тем в процессе чтения главы Выготского мысль — «что-то здесь не так...» — возникает неоднократно. Появляются вопросы: почему он взялся за эту тему? Сам ли Выготский захотел выступить с критикой фашизма в психологии, или было требование со стороны руководства? Или, может быть, имела место реакция самозащиты от возможной идеологической критики своих собственных работ? По-видимому, что-то может проясниться, если мы обратимся к анализу малоизвестных фактов личной биографии Выготского.

События личной биографии: об одной семейной трагедии

При чтении главы Выготского порой возникает ощущение, что автор пишет не только о немецкой психологии. Так, обращая внимание на политические аспекты работы Йенша (об «объединении

философии и штурм-отрядов», о решении социально-политических вопросов с помощью науки, о предопределенности судьбы различных народов), Выготский, возможно, предостерегает и читателя, живущего в Советской России. Ощущая нарастающее социальное напряжение и усиление государственного контроля, он наверняка уже чувствовал оскал «века-волкодава», о котором писал Мандельштам еще в 1931-м (Мандельштам, 2020, с. 135). Сам Выготский не дожил до массовых репрессий 1937, однако уже на момент 1934 года его семье пришлось столкнуться с действием репрессивной машины.

В этой связи приведем фрагмент письма, отправленного Выготским за месяц до своей смерти М.А. Вагнер, вдове известного зоопсихолога В.А. Вагнера: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Аполлоновна! Не знаю, захотите и сумеете ли Вы простить меня за то, что отвечаю на Ваше письмо с большим запозданием. *Мне самому пришлось пережить в эти месяцы большое несчастье, которое душевно парализовало меня и не давало взяться за перо...* (курсив наш — В.С., Г.Е.)» (Выгодская, Лифанова, с. 387). Что же имеется в виду под «большим несчастьем»? Так, Г.Л. Выгодская¹ и Т.М. Лифанова полагают, что здесь речь идет об аресте Льва Исааковича Выгодского, двоюродного брата Л.С. Выготского (рис. 1), с которым он был близок до конца жизни (там же).

Подтверждает эту версию дочери Выготского об аресте Л.И. Выгодского в 1934 году также и найденное нами письмо в личном архиве поэта и переводчика Давида Исааковича Выгодского. Оно было недавно обнаружено нами (июль 2022 года) в Отделе рукописей РНБ в Санкт-Петербурге (фонд Д.И. Выгодского) в ходе научной экспедиции для работы в архивах, которая была организована сотрудниками Центра социокультурных проблем современного образования ПИ РАО (Г.Е. Емелин, Н.Л. Савченко, М.В. Сиян) (Выгодская, Выготский, 1934).

Это совместное письмо было отправлено Давиду Выгодскому Розой Ноевной Выгодской (супругой Л.С. Выготского) и Львом Семеновичем. Ниже приведем его фрагмент (рис. 2).

Обратимся к небольшому отрывку из этого письма, который имеет непосредственное отношение к нашей теме о репрессиях в семье Выготского^{2,3}: «Бэба⁴ диктует тебе следующие слова:

¹ Дочь Л.С. Выготского

² ОР РНБ — Ф. 1169. — Ед.хр. 601. — Л. 6.

³ Орфография авторов сохранена.

⁴ Бэба — домашнее прозвище Л.С. Выготского.

Рис. 1. Слева направо: Лев Семенович Выготский, Лев Исаакович Выгодский, Давид Исаакович Выгодский. Оригинальное название: «В гимназические годы. Лев Семенович со своими двоюродными братьями *Львом* (курсив наш — В.С., Г.Е.) и Давидом Выгодскими». Источник: Г.Л. Выгодская, Т.М. Лифанова «Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету» (Выгодская, Лифанова, с. 31)

Fig. 1. Left to right: L.S. Vygotsky, L.I. Vygodsky, D.I. Vygodsky. Original title: «During the Gymnasium Years. Lev Semenovich with his cousins *Lev* (italics are ours — V.S., G.E) and David Vygodsky». Source: G.L. Vygodskaya, T.M. Lifanova «Lev Semenovich Vygotsky. Life. Activity. Touches to the Portrait » (Vygodskaya, Lifanova, p. 31)

«...» Вопрос о Любе⁵ снова откладывается. Ему, повидимому, придется подать новое заявление, непосредственно Акулову⁶. Сегодня же пишу ему об этом. По всем признакам я уверен, как и первый раз, что его ходатайство будет удовлетворено. Требуется только терпение и бесконечные хлопоты.

«...» Я приеду в начале сентября, а ты приезжай на съезд писателей⁷, с таким расчетом, чтоб отдохнуть здесь дней десять. Поживешь еще, может быть, на даче.»

---

⁵ Люба — домашнее прозвище Л.И. Выгодского.

⁶ Акулов — И.А. Акулов, генеральный прокурор СССР (1933–1935).

⁷ Д.И. Выгодский жил и работал в Санкт-Петербурге. Л.С. Выготский имеет в виду I Всесоюзный съезд советских писателей, который проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 года. Это указывает на то, что письмо было написано не раньше начала 1934 года.

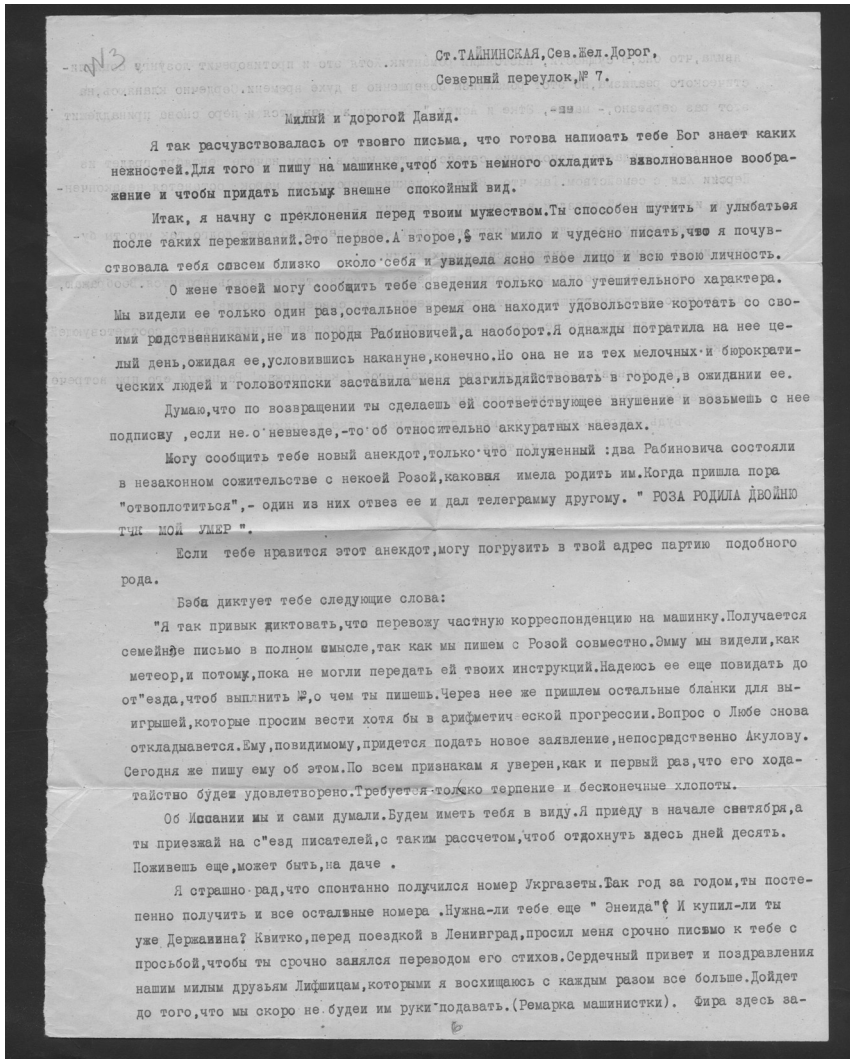

Рис. 2. Фрагмент совместного письма Р.Н. Выгодской и Л.С. Выготского Д.И. Выгодскому, предположительно 1934 год. Источник: ОР РНБ — Ф.1169. — Ед.хр. 601. — Л. 6

Fig. 2. A fragment of joint letter from Vygodskaya R.N. and Vygotzky L.S. to D.I. Vygodsky (no date, supposedly 1934). Source: MD RNL — F.1169. — D. 601 — L. 6

Основные пояснения, касающиеся имен и событий, даны в примечаниях. Нам же важно здесь обратить внимание на два момента. Во-первых, Выготский пишет о том, что его двоюродному брату Льву Исааковичу (Любе) необходимо подать заявление на имя И.А. Акулова, который с 1933 по 1935 год возглавлял прокуратуру СССР. Вероятно, речь идет о заявлении на помилование. Во-вторых, Выготский советует Давиду Исааковичу приехать на I Всесоюзный съезд советских писателей, который состоялся в конце лета — начале осени 1934 года. Это важная информация, которая подтверждает версию дочери Выготского о том, что двоюродный брат Выготского Лев Исаакович уже был арестован, когда Л.С. Выготский писал письмо вдове В.А. Вагнера (1 мая 1934 года).

Таким образом, зная, что близких родственников Выготского уже на момент 1934 года затронули репрессии, можно с уверенностью говорить о том, что он понимал риски, связанные со внутривнутриполитической ситуацией, и жесткость возможных санкций со стороны власти. Кроме того, и у самого Выготского в «недавнем прошлом» было несколько публикаций, которые теперь, в тридцатые, можно было оценивать с точки зрения политической неблагонадежности их автора.

«Темное прошлое» Л.С. Выготского: «...нельзя за флажки!»⁸

В 1925 году Л.С. Выготский и А.Р. Лурия пишут предисловие к русскому изданию работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (Выготский, Лурия, 1925). Добавим, что Лурия после переезда из Казани в Москву стал также и секретарем Русского психоаналитического общества (Лурия, 2003). Однако уже в 1930 году выходит правительственное постановление о ликвидации этого общества (Лейбин, 2012), что ознаменовало, соответственно, и прекращение официальной деятельности психоанализа в СССР. Стоит отметить, что на появление постановления, возможно, повлияла «политическая репутация» психоанализа — долгое время его «курировал» Л.Д. Троцкий (Эткинд, 1994). Таким образом, решение о закрытии Русского психоаналитического общества было обусловлено не только научными дискуссиями, но имело и явно политический характер.

Помимо этого, с Троцким были связаны и содержательные аспекты научного творчества Выготского. Так, исследователи отмечают минимум шесть имеющихся ссылок на Троцкого в его работах разных

---

⁸ Фраза из песни В.С. Высоцкого «Охота на волков» (Высоцкий, 2023)

лет (Завершнева, 2009; Собкин, 2015). Наиболее прямая и очевидная отсылка к трудам Троцкого содержится в работе Выготского «Социалистическая перделка человека» (Выготский, 2016). Здесь Выготский обращается к работе Троцкого «Литература и революция» (Троцкий, 1991), где сформулирована идея о социалистической революции как переплавке в нового человека путем внедрения революционного искусства в социокультурную практику общественной жизни. Эта мысль Троцкого, в различных ее вариациях, встречается и в других текстах Выготского: «Оправдываются слова Троцкого, что о мелочной лавке поэт может писать так, что в каждой строке будет биться пульс самой живой современности, и наоборот — самая революционная тема, как предмет искусства, может быть воспринята и разработана всецело в плане дореволюционной психики» (Собкин, 2015, с. 490).

Как известно, в 1929 году Троцкого выслали из страны в результате внутривнутрипартийной борьбы. С этого момента происходят постоянные политические акции по выявлению его сторонников, а в 1936 году «троцкисты» и вовсе объявляются пособниками фашизма (Вышинский, 1955).

Таким образом, уже сами ссылки Выготского на работы Троцкого и связь Выготского и Лурии с психоанализом вполне могли стать поводом для подозрений в их идеологической нелояльности. В этой связи написание главы в брошюре «Фашизм в психоневрологии» можно рассматривать и как попытку политической самозащиты Выготского.

Важно добавить, что и Лурия практически в это же время публикует антифашистскую статью «Психология рас и фашистская наука» (Лурия, 1933), что также можно рассматривать как акт политической самозащиты ученого.

Не останавливаясь подробно на анализе данной работы Лурии, отметим, что стилистически она похожа на работу Выготского. В частности, здесь также неоднократно встречаются оценочные политические клише: «загнивающий капитализм», «фашизирующий капитализм» и т.п. Причем автор подчеркивает самоочевидность своих критических суждений о «буржуазной науке»: «Впрочем, у нас нет и нужды в такой “экспериментальной критике”» (там же, с. 108).

Также Выготский и Лурия сходятся в оценке различий использования науки в политических целях в Германии и в СССР: «Если строящийся социализм опирается на передовые достижения науки, обосновывает ими каждый свой шаг, то фашизм создает небывалую систему фальсификации, пытается привлечь все, — начиная от про-

поведи и кончая имеющей видимость точности “науки”, — для обоснования системы угнетения, неравенства» (там же, с. 97).

Однако критика фашизма Выготским и Лурией заметно различается методологически. Так, если Выготский ориентирован на анализ трансформации теоретических положений психологической науки под влиянием фашистской идеологии, то Лурия основной акцент своей критики делает на методических аспектах тестирования интеллекта у представителей разных социальных и этнических групп. На основе подробного обзора литературы, Лурия критикует выраженную биологизаторскую тенденцию в исследованиях интеллекта у представителей «фашистской» психологии. Этому подходу он противопоставляет социально-средовой конструктивизм советской психологической науки, отстаивая позицию, что ведущей силой развития психики и интеллекта является именно среда и окружение человека. Данная критика, по сути, воспроизводит давний спор, который в современных учебниках и научных публикациях обозначается как *nature versus nurture* («природа» против «воспитания»; биогенетизм против социогенетизма и т.д.).

И наконец, сравнивая позиции Выготского и Лурии, по-видимому, стоит затронуть вопрос об их способности чувствовать социально-психологическое напряжение в непосредственно окружающей их действительности. Так, Выготский, вероятно, раньше Лурии начал улавливать дух времени, диктующий опасность выхода «за флажки». И здесь сошлемся на известный в отечественной психологии житейский случай, произошедший в общении между Выготским и Лурией. Во время экспедиции в Узбекистан Лурия послал Выготскому краткую телеграмму: «У узбеков нет иллюзий!», на что тот ответил: «А у Лурии нет мозгов!». Подобную реакцию Выготского обычно объясняют тем, что он опасался неправильного, «с политической точки зрения», прочтения телеграммы Лурии: у узбеков нет иллюзий по поводу их *социальных перспектив* в СССР, а не иллюзий в психологическом смысле, о чем и писал Лурия. Доподлинно неизвестно, таким ли был ответ Выготского, однако вот что вспоминает сам Лурия: «И тогда я обнаружил совершенно потрясающий факт, что все оптико-геометрические иллюзии разбиваются на две категории: одни уже существуют у всех наших испытуемых, а другие не существуют, включая, очевидно, категориальные компоненты. Я дал Выготскому телеграмму: “У узбеков нет иллюзий!”, на что получил такое очень интересное аффективное письмо от Выготского, которое у меня сохранилось (курсив наш. — В.С., Г.Е.)» (Лурия, 2003, с. 274). Таким

образом, мы можем предположить, учитывая «аффективный» ответ Выготского на телеграмму Лурии, что тот уже в 1931 году отчетливо понимал те новые негласные правила («флажки»), согласно которым надо было действовать. Был ли конкретный ответ Выготского таким, каким мы его привели выше, нам неизвестно. Возможно, это анекдот, психологическая байка. Но то, что он до сих пор сохранился в профессиональном психологическом сообществе и передается из поколения в поколение, на наш взгляд, не случайно и весьма показательно не только как пример «социальной памяти», но и как «образец поведения» ученого в сложной социально-политической ситуации.

В целом приведенные материалы свидетельствуют о том, что и Лурия, и Выготский, выступая с критикой фашизма в немецкой психологии, не только стремились реализовать научно-критическую позицию, но и отстаивали гуманистические ценности в психологической науке. Но в то же время в их текстах отчетливо видна и тенденция, связанная с попыткой защитить себя от машины репрессий. Если Выготский скончался до начала периодических волн масштабных арестов, то Лурия смог сберечь себя от репрессий, возможно, благодаря уходу в клиническую работу. Вот что пишет по этому поводу его дочь, Е.А. Лурия: «Окончив медицинский институт, Александр Романович решает, что он будет заниматься только клинической психологией. Работа в клинике — это относительно безопасная ниша, она далека от “горячих точек”: от генетики, и от общей психологии» (Лурия, 1994, с. 76). Однако травля все же его коснулась.

Критика школы Выготского: «...идет охота!»⁹

В апреле 1934 года, буквально за месяц с небольшим до смерти Выготского, выходит статья П.И. Размыслова «О “культурно-исторической теории” Выготского и Лурия», в которой автор обвиняет указанных в названии статьи ученых в буржуазном влиянии на пролетариат, незнании и извращении марксизма¹⁰ (Razmyslov, 2000). Затем, два года спустя, выходит известное постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», после которого педология ликвидируется в СССР.

⁹ Фраза из песни В.С. Высоцкого «Охота на волков» (Высоцкий, 2023).

¹⁰ Есть версия, что именно в статье П.И. Размыслова впервые появилось название «культурно-историческая психология», которое закрепилось за школой Выготского. Таким образом, несмотря на ее критический пафос придать забвению работы Лурии и Выготского, она, как это не парадоксально, сыграла позитивную роль (см. подробнее Зинченко и др., 2005).

В критических публикациях создается образ Выготского как аполгета данного направления. Не так давно были найдены архивные данные, подтверждающие существование официального запрета на педологические труды (Кароли, 2014). В списках литературы, которую необходимо было изъять, числились также и три работы Выготского: «Педагогическая психология», «Педология подростка», «Основы педологии» (Ахутина, 2019). В том же 1936 году нарком просвещения А.С. Бубнов публикует статью, в которой обвиняет Выготского и еще одного знаменитого психолога П.П. Блонского в несоответствии марксизму: «Профессора Блонский и Выготский являются примером полного банкротства перед лицом той задачи, которую они взяли на себя... Они оказались людьми “с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией” (Ленин)» (Бубнов, 1936, с. 60). Год спустя, в 1937 году, выходит брошюра Е.И. Рудневой «Педологические извращения Выготского», где работы Выготского называются «антимарксистскими» и «антиленинскими» (Руднева, 1937). Помимо резко негативной оценки работ Выготского, в конце своего текста автор брошюры критикует его ближайших соратников и учеников: «Критика работ Выготского является делом актуальным и нетерпящим отлагательства, тем более, что часть его последователей до сих пор не разоружилась (Лурия, Леонтьев, Шиф и др.) (курсив наш — В.С., Г.Е.)» (там же, с. 32).

Приведенные публикации, партийные и правительственные постановления, списки книг для изъятия и другие моменты указывают на оправданность опасений Выготского и Лурии по поводу возможного применения к ним репрессивных санкций уже в начале 1930-х годов.

Отношение к фашизму и национальное самоопределение Выготского: «...и только взор корит и требует: за что?»¹¹

Несмотря на наличие весьма серьезных внешних обстоятельств к написанию антифашистской работы, мы усматриваем тут также и важную роль особой внутренней мотивации. Содержательно она (мотивация) связана со значимостью для Выготского национального вопроса, который, учитывая ранние его работы о еврействе (Завершнева, 2012; Собкин, Климова, 2017а, 2017б, 2018), наверняка побудил его взяться за написание критической главы в брошюре «Фашизм в психоневрологии».

¹¹ Строка из поэмы Х.Н. Бялика «Сказание о погроме» (Бялик, 1922).

Мы уверены, что проявления антисемитизма в Германии были достаточно хорошо известны Выготскому и затрагивали его лично. Можно предположить, что Выготский хотя бы отчасти был знаком с печально известной книгой Гитлера, поскольку в своей статье Лурия ссылается на нее в рамках антифашистской критики немецкой психологии (Лурия, 1933). Кроме того, и Выготский, и Лурия общались непосредственно с психологами-евреями, которые жили в Германии как незадолго до, так и в период прихода национал-социалистов к власти: с Б.В. Зейгарник, приехавшей в Советский Союз из Германии в 1931 году, и с К. Левиным, который во время прихода национал-социалистов к власти в 1933 году, несколько недель находился в Москве и много общался с Выготским. В подтверждение приведем отрывок из стенограммы беседы М.Г. Ярошевского с Б.В. Зейгарник: «В 1933 г. проездом из Японии К. Левин остановился в Москве, где пробыл несколько недель. <...> К. Левин много общался с Л.С. Выготским, бывал у него дома. Настроение у К. Левина было очень тревожное. Фашисты пришли к власти. Он рвался в Берлин, чтобы забрать семью и эмигрировать. Он звонил из Москвы В. Келеру, который ему сказал: “Приезжайте, и мы уедем”» (Ярошевский, 1988, с. 178). Левин, как и Выготский, и Лурия, был евреем, поэтому его стремление забрать семью и эмигрировать в другую страну более чем понятно. Близкое общение Левина с Выготским (и, вероятно, с Лурией) дало возможность советским психологам-евреям получить из первых рук представление о происходящих процессах в Германии: о «фашизации» науки, о социальной ситуации в целом и об антисемитизме в частности. Общение с Левиным видится нам не единственной, но очень важной причиной появления антифашистских работ Выготского и Лурии, поскольку они могли писать о «фашизации» немецкой психологии, имея свидетельства «изнутри».

Следует подчеркнуть, что несмотря на явную личностную важность для себя еврейского вопроса, Выготский не заостряет внимание на этом аспекте как в своей антифашистской работе, так и вообще в своих работах, опубликованных в послереволюционный период. Возможно, это связано с тем, что еврейские сюжеты были глубоко проанализированы им в юношеский возраст в период своей работы в журнале «Новый путь». Именно в это время он уделяет специальное внимание проблемам еврейской религиозной и национально-культурной идентичности, проявлениям антисемитизма. И его позиция по этому вопросу окончательно сформировалась.

Выводы

Завершая, отметим пять основных сюжетов, касающихся критики фашизма в психологии Выготским и Лурией:

1. Их критика строится вокруг основной антропологической идеи Третьего рейха о предопределенности развития человека в зависимости от его «расы и крови». В целом, несмотря на определенные различия, и Выготский, и Лурия отстаивают фундаментальную идею о первичности среды и социального окружения в развитии человека в противовес «биологизму» «фашистских» ученых.

2. Процесс политизации и идеологизации науки деформирует и собственно научные представления ученых, побуждая к созданию наукообразных «химер», примером которых служит критикуемая Выготским концепция «интеграционной типологии» Йенша.

3. Учитывая конкретную социально-политическую ситуацию в СССР 1930-х годов, как для Выготского, так и для Лурии, критика фашизма в немецкой психологической науке, в том числе, могла быть связана с процессами политической самозащиты. Как видно из представленных в статье публикаций, постановлений и списков книг для изъятия, возможные опасения Выготского по поводу репрессивных санкций и травли еще в начале 1930-х были обоснованы.

4. Критика фашизма Выготским также связана со значимостью для него вопроса национального самоопределения, что проявляется в целом ряде его ранних работ. Помимо этого, на его понимание позиции Третьего рейха по отношению к евреям повлияло общение с Б.В. Зейгарник и К. Левиным, которые «изнутри» могли охарактеризовать жизненную и профессиональную ситуацию еврейского ученого-психолога в этот период в Германии.

5. Затронутая нами тема идеологической борьбы советских психологов против фашизма, безусловно, не ограничивается именами Выготского и Лурии. Отдельного систематического анализа и осмысления достойны и работы, которые были опубликованы примерно в то же время И.Н. Шпильрейном, Д.И. Рейтынбаргом, П.П. Блонским и другими. Внимания также заслуживают работы, которые были опубликованы уже во время Великой Отечественной войны Б.М. Тепловым, С.Л. Рубинштейном, Ф.Н. Шемякиным и другими. Полагаем, что данные тексты крайне важны не только для реконструкции социокультурного исторического контекста жизни советской психологии в предвоенные и военные годы, но и для понимания особенностей влияния идеологии на отечественную психологию в послевоенное время.

Литература

Ахутина Т.В. О «ревизионизме в выготсковедении». Комментарий к статье А. Ясницкого и Э. Ламдана «В августе 1941-го» (2017) // Российский журнал когнитивной науки. 2019. Т. 6, № 1. С. 70–79.

Богданчиков С.А. Судьба эйдетики в советской психологии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 110–118.

Бубнов А.С. Восстановить полностью в правах педагогика и педагогов // Под знаменем марксизма. 1936. № 10. С. 28–63.

Бялик Х.Н. Песни и поэмы. Берлин: Изд-во С.Д. Зальцмана, 1922.

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.

Выгодская Р.Н., Выготский Л.С. Совместное письмо Д.И. Выгодскому (без даты, предположительно 1934 год) // Отдел рукописей РНБ. Ф. 1169. (Д.И. Выготский). Д. 601. (Неустановленное лицо (Роза). Письма (3) Давиду Исааковичу Выгодскому. Даты: 1926, 1933 и б.д.). Л. 6.

Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

Выготский Л.С. Социалистическая переделка человека // Человек. 2016. № 4. С. 122–131.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982а.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982б.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983а.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984а.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т.А. Власовой. М.: Педагогика, 1983б.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследие / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984б.

Выготский Л.С. Эйдетика // Основные течения современной психологии: сб. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 178–205.

Выготский Л.С., Гиляровский В.А., Гуревич М.О., Кроль М.Б., Шмарьян А.С. Фашизм в психоневрологии. М.; Л.: Биомедгиз, 1934.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Предисловие к книге Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Современные проблемы, 1925. С. 3–16.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Высоцкий В.С. Охота на волков // Гуманитарный просветительский проект «Культура.РФ». 2023. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/roems/19157/okhota-na-volkov> (Дата обращения: 02.02.2023).

Вышинский А.Я. Судебные речи (1923–1938). М.: Госюриздат, 1955.

Завершнева Е.Ю. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 79–99.

Завершнева Е.Ю. Исследование рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 119–137.

Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Рубцов В.В., Марголис А.А. К авторам и читателям журнала // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1, № 1. С. 4–12.

Кароли Д. Концепция С.С. Моложавого: между историческим монизмом и репрессиями педологии (1924–1937) // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: история педагогики как педагогическая и историческая наука: сб. мат. Десятой международной конф. Москва, 13 ноября 2014 г. / Под ред. Б.Г. Корнетова. М.: АСОУ, 2014. С. 82–103.

Лейбин В.М. Психоаналитическая традиция и современность. М.: «Когито-Центр», 2012.

Лурия А.Р. Психологическое наследие. Избранные труды по общей психологии. М.: Смысл. 2003.

Лурия А.Р. Психология рас и фашистская наука // Фронт науки и техники. 1933. № 12. С. 97–108.

Лурия Е.А. Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем О. Мандельштама. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. СПб.: Интернет-издание, 2020.

Руднева Е.И. Педологические извращения Выготского. М.: Учпедгиз. 1937.

Собкин В.С. Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского. М.: Фед. гос. науч. учреждение «Институт социологии образования» Российской академии образования, 2015.

Собкин В.С. Трагикомедия искания Льва Выготского: опыт реконструкции авторских смыслов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022.

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский: кто мы, откуда и куда? (К вопросу о национально-религиозной идентичности) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140113>

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 23, №. 3. С. 20–31.

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский о радости и скорби (комментарии к статье «Мысли и настроения») // Культурно-историческая психология. 2017б. Т. 13, № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130309>

Собкин В.С., Климова Т.А. «Траурные строки»: к вопросу о национально-культурном самоопределении Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2017а. Т. 13, № 2. С. 4–12. <https://doi.org/10.17759/chp.2017.130201>

Теплов Б.М. Бунт звериного инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Йенша) // Советская педагогика. 1941. № 11–12. С. 66–70.

Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М.: Политиздат. 1991.

Эткинд А.М. Эрос невозможно: История психоанализа в России. М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994.

Ярошевский М.Г. В школе Курта Левина (из бесед с Б.В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 172–179.

Razmyslov, P. (2000). On Vygotsky's and Luria's "Cultural-Historical Theory of Psychology". *Journal of Russian & East European Psychology*, 38 (6), 45–58.

Wyatt, F., Teuber, H.L. (1944). German psychology under the Nazi system: 1933-1940. *Psychological Review*, 51 (4), 229–247. <https://doi.org/10.1037/h0056107>

References

Akhutina, T.V. (2019). On Revisionism in Vygotskian Science. Commentary on «In August of 1941» by Yasnitsky and Lamdan (2017). *Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki (The Russian Journal of Cognitive Science)*, 6 (1), 70–79. (In Russ.).

Bogdanchikov, S.A. (2001). The Fate of Eidetics in Soviet psychology. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 2, 110–118. (In Russ.).

Bubnov, A.S. (1936). Restoring Teachers to Their Rights. *Pod znamenem marksizma (Under the Banner of Marxism)*, 10, 28–63. (In Russ.).

Byalik, Kh.N. (1922). Songs and Poems. Berlin: Publ. S.D. Załtsmana. (In Russ.).

Vygodskaya, G.L., Lifanova, T.M. (1996) Lev Semenovich Vygotsky. Life. Activity. Touches to the Portrait. M.: Smysl. (In Russ.).

Vygodskaya, R.N., Vygotskii, L.S. Sovmestnoe pis'mo D.I. Vygodskomu (bez daty, predpolozhitel'no 1934 god) (Joint letter from Vygodskaya R.N. and Vygotsky L.S. to D.I. Vygotsky (no date, supposedly 1934)). Otdel Rukopisei RNB — F.1169. (D.I. Vygotskii) — D.601. (Neustanovlennoe litso (Roza). Pis'ma (3) Davidu Isaakovichu Vygodskomu. Daty: 1926, 1933 i b.d.) — L. 6. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1934). Thinking and Speech: Psychological research. M., L.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (In Russ.).

Vygotskii, L.S. (2016) The Socialist Alteration of Man. *Human*, 4, 122–131. (In Russ.).

Vygotsky, L.S., Luriya, A. R. (1993). Studies on the History of Behavior: Ape, Primitive, and Child. M.: Pedagogika-Press. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1982a). Collected Works: in 6 volumes. (3th ed.). Edited by A.R. Luria and M.G. Yaroshevsky. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1982b). Collected Works: in 6 volumes. (2th ed.). Edited by V.V. Davydov. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1983a). Collected Works: in 6 volumes. (3th ed.). Edited by A.M. Matyushkina. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1984a). Collected Works: in 6 volumes. (4th ed.). Edited by D.B. Elkonin. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1983b). Collected Works: in 6 volumes. (5th ed.). Edited by T.A. Vlasova. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1984b). Collected Works: in 6 volumes. (6th ed.). Edited by M.G. Yaroshevsky. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Vygotskii, L.S. (1930). Eidetics. In Major Approaches of Modern Psychology. (p. 178–205). Moscow; Leningrad: GIZ. (In Russ.).

Vygotsky, L.S., Gilyarovskiy, V.A., Gurevich, M.O., Krol, M.B., Shmaryan, A.S. (1934). Fascism in Psychoneurology. M.; L.: Biomedgiz. (In Russ.).

Vygotsky, L.S., Luria, A.R (1925). Foreword. Freud, Z. Beyond the Pleasure Principle. M.: Sovremennye problem. (In Russ.).

Vysotskii, V.S. (2023). Wolf Hunt (1968). *Humanitarian Education Project «Kultura.RF»*. (Retrieved from <https://www.culture.ru/poems/19157/okhota-na-volkov>) (review date: 02.02.2023) (In Russ.).

Vyshinsky, A.Y. (1955). Judicial Speeches (1923-1938). M.: Gosyurizdat. (In Russ.).

Zavershneva, E.Yu. (2009). Investigating L.S. Vygotsky's manuscript «The historical meaning of the crisis in psychology». *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 6, 119–137. (In Russ.).

Zavershneva, E.Yu. (2012). The Jewish issue in L.S. Vygotsky's unpublished manuscripts. *Questions of Psychology*, 2, 79–99. (In Russ.).

Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G., Rubtsov, V.V., Margolis, A.A. (2005). To the authors and readers of the journal. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 1 (1), 4–12. (In Russ.).

Karoli, D. (2014). S.S. Molozhavy's conceptual framework: Between historical monism and suppression of pedagogy (1924–1937). In B.G. Kornetov (Eds.), Knowledge in history of education at the beginning of the Third millennium: History of education as both historical and educational sciences discipline. Proceedings of the Tenth International conference. Moscow, November 13, 2014. (pp. 82–103). Moscow: ASOU. (In Russ.).

Leibin, V.M. (2012). Psychoanalysis. Tradition and Modernity. M.: Kogito-Tsentr. (In Russ.).

Luriya, A. R. (1933). «Race psychology» and Fascist science. *Front nauki i tekhniki (Front of Science and Technologies)*, 12, 97–108. (In Russ.).

Luria, A.R. (2003). Psychological Legacy. Selected works on general psychology. M.: Smysl. (In Russ.).

Luria, E.A. (1994). My father A.R. Luria. M: Gnozis. (In Russ.).

Mandelstam, O.E. (2020). Collected works in 3 volumes (1th ed.), SPb.: Internet-izdanie. (In Russ.).

Rudneva, E.I. (1937). Vygotsky's Pedological Distortions. M.: Uchpedgiz. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2016). Lev Vygotsky between two revolutions: on the political self-determination of the scientist. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 23 (3), 20–31. (In Russ.).

Sobkin, V.S. (2022). Tragicomedy of Search: Experience of Meaning Reconstruction. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta (In Russ.).

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2017a). «Lines of Mourning»: On the Issue of National and Cultural Self-Determination of L.S. Vygotsky. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 13 (2), 4–12. <https://doi.org/10.17759/chp.2017.130201>. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., (2017b). Lev Vygotsky on Joy and Sorrow (Comments on the Article «Thoughts and Moods»). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 13 (3), 71–82. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130309>. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2018). Lev Vygotsky: Who Are We? Where Do We Come From and Where Are We Heading For? (On the Question of National and Reli-

gious Identity). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 14 (1), 116–125. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140113>. (In Russ.).

Sobkin, V.S. (2015). Comments on Lev Vygotsky's Theatrical Review. Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe nauchnoe uchrezhdenie «Institut sotsiologii obrazovaniya» Rossiiskoi akademii obrazovaniya, (In Russ.).

Teplov, B.M. (1941). The Riot of Beastly Instinct against the Human Mind (Jaensch's Fascist Psychology of Jaensch). *Sovetskaya pedagogika (Soviet Pedagogy)*, 1941, 11–12, 66–70. (In Russ.).

Trotsky, L.D. (1991). Literature and Revolution. Reprint from edition of 1923. M.: Politizdat. (In Russ.).

Etkind, A.M. (1994). Eros of the Impossible. The History of Psychoanalysis in Russia. M.: Gnozis; Progress-Kompleks. (In Russ.).

Yaroshevskii, M.G. (1988). In Kurt Lewin's School (From the conversations with B.V. Zeigarnik). *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 172–179. (In Russ.).

Razmyslov, P. (2000). On Vygotsky's and Luria's "Cultural-Historical Theory of Psychology". *Journal of Russian & East European Psychology*, 38 (6), 45–58.

Wyatt, F., Teuber, H.L. (1944). German psychology under the Nazi system: 1933–1940. *Psychological Review*, 51 (4), 229–247. <https://doi.org/10.1037/h0056107>

Поступила: 07.04.2023

Получена после доработки: 14.07.2023

Принята в печать: 20.07.2023

Received: 07.04.2023

Revised: 14.07.2023

Accepted: 20.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Самуилович Собкин — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий Центром социокультурных проблем современного образования Психологического института Российской академии образования, sobkin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Глеб Дмитриевич Емелин — младший научный сотрудник Центра социокультурных проблем современного образования Психологического института Российской академии образования, gemelinspy@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0034-8467>

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir S. Sobkin — Dr.Sci.(Psychology), Professor, Academician of Russian Academy of Education, Head of the Center for Sociocultural Problems of Modern Education (PI RAE), sobkin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Gleb D. Emelin — Junior Researcher, Center for Sociocultural Problems of Modern Education (PI RAE), gemelinspy@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0034-8467>

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34>

УДК 316.614, 316.477

Сравнительный анализ ценностей у предпринимателей традиционного бизнеса и основателей стартапов

А.В. Журавлев✉, М.А. Череменская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉allo-o@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время растет количество предпринимателей, которые открывают традиционный бизнес или создают стартап. Стартап является особым видом предпринимательской деятельности, который повышает и создает специфические риски ведения бизнеса. В связи с этим возникает вопрос о наличии или отсутствии особенностей личности предпринимателя, создающего традиционный бизнес или стартап.

Цель. Выявление отличительных профессиональных ценностей предпринимателей, строящих традиционный бизнес (в дальнейшем — ТБ) и стартап.

Методы. Гипотезы проверялись методом опроса с использованием двух тестовых методик: методика ценностей Рокича, модифицированная методика из исследования Бушковой-Шиклиной. В работе сравнивался набор профессиональных ценностей у предпринимателей ТБ и основателей стартапов. Различия в ценностях проверялись критерием хи-квадрат Пирсона (χ^2 — критерий согласия Пирсона).

Выборка. Выборка состояла из 90 человек. Из них — 46 предпринимателей ТБ (25 мужчин и 21 женщина) и 44 основателя стартапа (27 мужчин и 17 женщин). Респонденты проживают в Москве и Санкт-Петербурге. Возраст респондентов — от 20 до 40 лет.

Результаты. Набор часто встречающихся ценностей предпринимателей ТБ и стартап-основателей схож: интерес в работе, материально обеспеченная жизнь, свобода, развитие. Однако каждая группа предпринимателей обладает своими специфическими ценностями. Предприниматели ТБ выделяют профессионализм, стартап-основатели — успех.

Выводы. Несмотря на то, что деятельности по созданию традиционного бизнеса и строительству стартапа имеют свои принципиальные отличия,

предприниматели ТБ и стартап-основатели обладают содержательно схожими ценностями. Соответственно, можно говорить, что создание традиционного бизнеса и стартапа регулируется схожим набором ценностей. Вместе с тем были выявлены ценности, специфичные для каждой группы предпринимателей, однако их роль в регулировании предпринимательской деятельности требует дальнейшего исследования.

Практическое применение результатов. Результаты исследования полезны для групповой и индивидуальной работы с предпринимателями, а также служат отправной точкой для более детального исследования социально-психологических аспектов личности предпринимателя.

Ключевые слова: ценности, профессиональные ценности, предприниматель, стартап.

Для цитирования: Журавлев А.В., Череменская М.А. Сравнительный анализ ценностей у предпринимателей традиционного бизнеса и основателей стартапов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 216–238. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34>

PSYCHOLOGY TO PRACTICE

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34>

Comparative analysis of the values of traditional business entrepreneurs and startup founders

Alexey V. Zhuravlev✉, Maria A. Cheremenskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉allo-o@yandex.ru

Abstract

Background. Currently, the number of entrepreneurs who run traditional business or create a startup is growing. A startup is a special type of entrepreneurial activity that increases the risks of doing business. In this regard, the question of the personality traits of the entrepreneur who has a traditional business and the founder of the startup arises.

Objective. The aim is to identify distinctive professional values of entrepreneurs who prefer traditional business (hereinafter referred to as TB entrepreneurs) and startup entrepreneurs.

Methods. The hypotheses were tested by a survey including two test methods: the Rokich values method, a modified method from the Bushkova-Shiklina study. The

paper compared the set of professional values of traditional business entrepreneurs (TB) and startup founders. Differences in values were checked through Pearson's chi-square calculation (χ^2 — Pearson consent criterion).

Sample. The sample consisted of 90 people. Of these, 46 participants (25 men and 21 women) are entrepreneurs, and 44 (27 men and 17 women) participants are startup founders living in Moscow and St. Petersburg. The age of respondents is from 20 to 40 years.

Results. Statistically significant differences in the values of TB entrepreneurs and startup founders could not be found. The set of common values of TB entrepreneurs and startup founders is the same: interest in work, financially secure life, development. However, each group of entrepreneurs has its own specific values. TB entrepreneurs emphasise professionalism while startup founders emphasise success.

Conclusions. TB entrepreneurs and startup founders have similar values. The personalities of TB entrepreneurs and startup founders have many similarities, similar values and directions in life, despite the fact that the activities of these two groups are not identical and have their own characteristics. A startup should be considered as a subtype of entrepreneurship. TB entrepreneurs demonstrate professionalism as a specific professional value. Startup founders have another specific professional value which is freedom.

Practical application of the results. The results of the study are useful for group and individual work with entrepreneurs, and also serve as a starting point for a more detailed study of the socio-psychological aspects of entrepreneur's personality.

Keywords: values, professional values, entrepreneurship, startup.

For citation: Zhuravlev, A.V., Cheremenskaia, M.A. (2023). Comparative analysis of the values of traditional business entrepreneurs and startup founders. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 216–238. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34>

Введение

Личность предпринимателя в контексте смены содержания предпринимательской деятельности

Предпринимательство как вид деятельности существует очень давно. Принято считать, что первая научная рефлексия этой практики была предпринята Ричардом Кантильоном в работе «Очерк о природе торговли» в 1730 г. В ней автор определяет сущность предпринимательства как рисковую деятельность, где риск связан с назначением цены — предприниматель покупает товар по известной

цене, а продает по неизвестной (Cantillion, 2010). С тех пор содержание предпринимательской деятельности непрерывно расширялось, формы ее осуществления менялись. Сегодня под предпринимательской деятельностью также понимают быстрое создание, проверку и внедрение инновационных решений, которые меняют ландшафт рынка и повышают эффективность деятельности их потребителей. Такие формы организации деятельности, производящие инновации, которые меняют структуру рынка, называют стартапами (Джаппарова, 2019; Динец, 2014; Литая, 2013).

Согласно исследованиям Wildberries, к 2021 г. доля молодых предпринимателей (до 25 лет) в России увеличилась с 6 до 16 %, что свидетельствует об актуальности исследований особенностей данной социальной группы (Wildberries: как изменился портрет предпринимателя, 2022). Большинство же (50 %) представителей бизнеса находятся в возрасте 26–35 лет. Наименьшая (1 %) доля предпринимателей — в возрасте от 55 лет и старше (Wildberries: как изменился портрет предпринимателя, 2022). Прежние формы предпринимательской деятельности не отмирают, а продолжают сосуществовать с новыми формами предпринимательства, такими как стартап. Существуют и продолжают создаваться стартап-сообщества, школы стартапов, центры поддержки молодых стартаперов, потому что количество желающих стать стартап-основателями растет.

В этой связи возникает правомерный вопрос о схожести или различии ценностей предпринимателей, реализующих современные (такие как стартап) и традиционные (прежние) формы предпринимательства, где в ядре этой деятельности лежит, в том числе, «риск назначения цены в торговле» (Cantillion, 2010). Если ценности людей, которые создают традиционный бизнес, отличны от ценностей стартап-основателей, то это следует учитывать в решении многих практических задач (поддержка профориентации начинающих предпринимателей, комплектование предпринимательских команд, коммуникации, переговоры и т.п.).

Объектом исследования будут служить ценности (как психологические конструкции).

Предмет исследования — терминальные, инструментальные и профессиональные ценности основателей стартапа и предпринимателей ТБ.

Целью исследования является выявление отличительных терминальных, инструментальных и профессиональных ценностей предпринимателей ТБ и стартап-основателей. Результат выполне-

ния поставленной цели дополнит представление о развивающейся деловой культуре в России и поможет составить ее более полный и детальный образ.

Гипотезы

В соответствии с целями исследования мы предположили, что у предпринимателей ТБ и стартап-основателей набор ценностей содержательно различен. Обратной гипотезой являлось предположение об отсутствии содержательных различий. Дополнительная гипотеза: у групп предпринимателей ТБ и основателей стартапов существуют отдельные специфические ценности, свойственные только определенной группе.

Изучались две социальные группы: предприниматели ТБ и основатели стартапов. Для исследования данных групп необходимо разобраться, каким образом их различать, какие элементы включены в данные понятия.

Социально-психологические проблемы исследования личности предпринимателя

Можно выделить целый класс исследований, которые определяют предпринимателя через специфический набор личностных черт. *Склонность к риску* является одной из определяющих черт, характеризующих личности, способные к предпринимательской деятельности (Литау, 2013; Espiritu-Olmos, Sastre-Castillo, 2015). Выделяется инициативность как системное качество личности предпринимателя (Егошкина, 2020), гибкость, открытость новому опыту, ориентация на достижение и рост (Бубновская, 2021). В некоторых исследованиях также отмечается влияние таких черт, как доброта и скромность (Espiritu-Olmos, Sastre-Castillo, 2015).

Следующий класс исследований посвящен изучению ценностей предпринимателей. Были выявлены особенности ценностных иерархий представителей групп менеджеров и предпринимателей, причем как в целом по выборкам, так и в зависимости от уровня управления, размера бизнеса, пола респондентов (Бушкова-Шиклина, 2009). Результаты исследования показывают отсутствие статистически значимых различий в личных и профессиональных ценностях предпринимателей и менеджеров. Тем не менее ценность «развитие» стоит у предпринимателей выше по иерархии, чем остальные. По данным исследования 2009 г. ценность «профессионализм» является наиболее значимой для всех групп испытуемых. В серии работ В.П. По-

зняка подтверждается правомерность рассмотрения смысложизненных и ценностных ориентаций личности в качестве факторов самоопределения предпринимателей (Позняков, 2021а). Высокую значимость для предпринимателей имели ценности «открытость изменениям» (самостоятельность и стимуляция), «самовозвышение» (власть и достижения), «гедонизм», а также ценность «стимуляция», которая показывает стремление к новизне, острым ощущениям и сильным переживаниям (Позняков, 2021б). В рамках группы IT-предпринимателей были выявлены неконформность, независимость от семейных ценностей, высокая вовлеченность в работу, стремление к реализации своих целей в бизнесе, низкий интерес к культурным символам и событиям, нематериальная мотивация развития бизнеса (Абрамова, 2021).

Отдельный класс исследований посвящен изучению предпринимательских намерений молодежи (студентов), а также факторов «разрыва» между намерениями создать бизнес и фактом его создания (Широкова, Беляева, 2015; Богатырева, Широкова, 2017).

Вместе с тем исследования личности предпринимателя часто проводились без ответа на вопрос о том, какую именно деятельность имеет смысл считать предпринимательской, какие существуют подвиды предпринимательства. Мало внимания уделялось операционализации понятия «предприниматель», проведенной на основе рефлексии сущности предпринимательской деятельности. Одна из линий рефлексии сущности предпринимательской деятельности рассматривает предпринимателя как капиталиста, имеющего «риск назначения цены в торговле» (Cantillion, 2010), «ориентированного на получение максимальной прибыли» (Гаджиева, Ханова, 2011). Другая линия утверждает, что миссия предпринимателя — создание новых конфигураций факторов производства, новых комбинаций и инноваций, где предприниматель имеет дело с неопределенностью (Schumpeter, 1951). В данном случае речь идет о деятельности, направленной на создание инноваций, осуществляющих вклад в основы национальной экономики.

Традиционный бизнес и стартап как разные объекты предпринимательской деятельности

Термины «предприниматель» и «предпринимательство» созвучно английскому термину «entrepreneur» (предприниматель) и «enterprise» (предприятие). Если обратится к Толковому словарю русского языка В.И. Даля, то *предпринимать* — это затевать, решаться

исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного (Даль, 1994, с. 388). Предприниматель — это организатор, строитель дела, которое должно существовать в рыночных условиях.

Стартап представляет собой новую, недавно созданную компанию, которая строит свой бизнес на основе инноваций или инновационных технологий, обладающая минимальным количеством стартовых ресурсов (как человеческих, так и финансовых) и планирующая выходить на рынок (Джаппарова, 2019). Вместе с тем создание инноваций, работа с новым для рынка продуктом (услугой) повышает риски такой предпринимательской деятельности (Динец, 2014). Осуществляя предпринимательскую деятельность, стартап-основатель производит новацию (в широком смысле) и поэтому не может заранее предсказать, когда и чем закончится ее реализация — провалом или успехом. Стартап-основатель вместе со своей командой движется в условиях отсутствия проверенного знания, в ситуации высокой неопределенности. Увеличение скорости разработки и распространения инноваций повышают ориентацию на будущее, но снижают его определенность и усложняют разработку долгосрочных планов (Нестик, 2014). Единственный способ управлять рисками неопределенности и упущенного времени — это постоянно реализовывать циклы «предпринимательского эксперимента», о котором пишет Э. Рис: «Если тот или иной эксперимент окажется успешным, это позволит менеджеру начать кампанию в поддержку нового проекта: привлекать ранних последователей, приглашать новых сотрудников в каждый следующий эксперимент — и в итоге начать разработку продукта» (Рис, 2015, с. 44).

Традиционный бизнес, в свою очередь, отличается от стартапа не только минимальным взаимодействием с инновациями, наличием потолка в развитии и масштабировании. Помимо прочего, традиционный бизнес в меньшей степени взаимодействует с рисками (Динец, 2014). Знания, которые уже имеются об особенностях ведения бизнеса подобного рода, делают деятельность менее рискованной. В отличие от стартапа, традиционный бизнес имеет «подушку безопасности» и «точку опоры» в виде опыта ведения подобных бизнесов и защищает себя от неизвестности, необходимости идти на риск.

Зримая разница в содержании предпринимательской деятельности, сфокусированной на строительство стартапа или традиционного бизнеса, позволяет поставить вопрос о разнице в содержании ценностей, которыми руководствуются предприниматели. Ведь со-

гласно А.Н. Леонтьеву, именно деятельность формирует личность: «Личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1975, с. 173).

Операционализация понятий

Предприниматель — человек, занятый строительством (организацией) целостной, регулярной продуктивной деятельности, которая воспроизводится (и развивается) за счет самостоятельно получаемого рыночного дохода. В этом смысле деятельность, которая воспроизводится за счет чьих-то (в том числе государственных) дотаций, субсидий, и т.п. не может быть отнесена к предпринимательской.

Предприниматель традиционного бизнеса принимает и осуществляет автономные решения по поиску и использованию возможностей существующих рынков для последующего получения нормы прибыли свойственной для этого рынка. Предприниматель ТБ строит бизнес, повторяющий другие бизнесы по набору продуктов (услуг), бизнес-модели, производственным и управленческим технологиям. Традиционный бизнес не связан с разработкой новых для рынка продуктов и услуг, созданием новых бизнес-моделей, производственных и управленческих технологий.

Стартап-основатель создает инновацию (в широком смысле), собирая производственные и бизнес-факторы в новую конфигурацию, позволяющую производить новый продукт/услугу с новыми потребительскими свойствами, который формирует новый рынок или кардинально меняет систему разделения труда на имеющимся рынке. При этом стартап — это компания, созданная за короткий срок, которая экспериментирует с внедрением инновации на рынок в условиях отсутствия прямых аналогов/образцов.

Критерии (по Динецу, 2014; Раевой, 2021), по которым мы операционализируем понятия традиционного бизнеса и стартапа, представлены в табл. 1.

Участники исследования и процедура отбора респондентов

Выборка состояла из 90 человек. Из них — 46 предпринимателей ТБ (25 мужчин и 21 женщина) и 44 (27 мужчин и 17 женщин) стартап-основателей. До участия в исследовании предприниматели проходили короткое интервью, в котором отвечали на вопросы о сфере и масштабах их бизнеса, наличии инноваций, активах, степени риска, темпах роста, приоритетах и бизнес-модели. Это было необходимо,

Таблица 1

Операционализация понятий традиционного бизнеса и стартапа

	Традиционный бизнес	Стартап
Масштабы развития	наличие «потолка» в развитии, строгие рамки развития	постоянное развитие, отсутствие «потолка» в развитии
Инновации	работа с уже существующими на рынке продуктами и услугами, необязательное присутствие инноваций в работе	работа с инновациями, разработка инноваций и инновационных технологий
Активы бизнеса	помещение, оборудование, инструмент, оборот, штатные сотрудники (в т.ч. их интеллектуальная собственность и компетенции) подвергаются оценке и являются активами бизнеса	собственная интеллектуальная собственность членов стартапа как главный актив стартапа
Принятие рисковых решений	деятельность связана с принятием как рисковых, так и плановых решений	повышенные риски вследствие работы с новым для рынка продуктом (услугой)
Прогнозирование рисков	возможно посчитать риски развития, основываясь на опыте похожих и конкурирующих организаций	невозможность просчитать риски развития организации, опираясь на опыт похожих и конкурирующих организаций
Темпы роста	темпы роста могут быть как умеренными, так и высокими (не ставятся в приоритет)	приоритетно высокие темпы роста
Приоритеты бизнеса	получение прибыли	приоритетно создание инновационного продукта, а не получение прибыли
Бизнес-план	наличие бизнес-плана с определенными рамками развития	отсутствие строгих рамок развития в бизнес-плане
Фокусировка системы управления	система управления сфокусирована на выполнении плана, достижении показателей эффективности	система управления сфокусирована на управлении циклом предпринимательского эксперимента — экономичностью, результативностью, скоростью постановки и проверки предпринимательских гипотез

Table 1

Operationalization of the traditional business and startup terms

	Traditional business	Startup
The scale of development	the presence of a «ceiling» in development, strict development framework	stable development, no «ceiling» in development
Innovations	work with products and services already existing on the market, optional presence of innovations in the work	work with innovations, development of innovations and innovative technologies
Business assets	place, equipment, tools, turnover, staff members (including their intellectual property and competencies) are evaluated and are assets of the business	own intellectual property of startup members as the main asset of a startup;
Risky decisions	activity is associated with the adoption of both risky and planned decisions	increased risks as a result of working with a product (service) new for the market;
Risk forecasting	it is possible to calculate the development risks based on the experience of similar and competing organizations	the inability to calculate the risks of the development of the organization, based on the experience of similar and competing organizations
Growth rates	the growth rates can be both moderate and high (not prioritized)	The priority is in high growth rates;
Business priorities	making profit	creating an innovative product is a priority, not making profit
Business plan	having a business plan with a certain development framework	lack of strict development framework in the business plan.
Focusing the management system	the management system is focused on the implementation of the plan, the achievement of performance indicators	the management system is focused on managing the cycle of entrepreneurial experiment — efficiency, effectiveness, speed of formulation and verification of entrepreneurial hypotheses

чтобы распределить участников в группу предпринимателей ТБ или стартап-основателей.

Обе группы участников исследования составили люди среднего возраста (от 20 до 40 лет), проживающие и ведущие свой бизнес в Москве и Санкт-Петербурге.

Рассмотрим группу предпринимателей ТБ. Многие (54 %) относят себя к высокому социально-экономическому классу, зарабатывая от 150 000 рублей в месяц. В соотношении 17 к 13 встречаются владельцы организаций, продающих услуги (фитнес, психологические услуги, иностранные языки, консалтинг) и продукцию (выпечка, спортивные товары, техника). Большинство участников данной группы являются владельцами и активными участниками ведения бизнеса (56 %), в меньшей степени в исследовании участвовали партнеры бизнеса (15 %), в еще меньшей — владельцы бизнеса, которые делегировали все свои обязанности (10 %).

Рассмотрим группу основателей стартапов. Идеи стартапов разнообразны (женское сообщество, изделия из кожи, медицинский центр), но подавляющее большинство все же связано со сферой IT (разработка приложений, сайтов, программных обеспечений). В данном исследовании мы будем говорить о стартап-основателях с уже запущенными проектами, которые работают более 1 года (таких оказалось 52 %), лишь 18 % участников находятся на стадии запуска и пробы первого продукта. Оставшиеся 30 % выборки уже имеют первоначальный продукт и ищут под него инвесторов (19 %) или же находятся на стадии подбора необходимой команды (11 %). Интересно, что, в отличие от предпринимателей ТБ, группа основателей стартапов причисляет себя скорее к среднему социально-экономическому классу (53 % получают от 50 000 до 150 000 рублей личной прибыли), хотя 35 % все же относит себя к высокому классу. При этом большинство респондентов-стартаперов являются основателями и активными участниками ведения стартапа (77 %), в меньшей степени в исследовании участвовали люди, работающие в стартап-команде (18 %). Работающих в стартап-команде людей нельзя отнести к работающим по найму, так как они также имели нефиксированную прибыль, зависимую от многих факторов, в точности так же, как и формальные основатели стартапа.

Этапы исследования

1. Респонденты делились на группы предпринимателей ТБ и стартап-основателей с помощью предварительного интервью и зна-

комства с респондентом, основываясь на критерии отличия ТБ от стартапа.

2. Респонденту, в зависимости от группы членства, высылался электронный вариант опросника (google forms), содержащего вопросы про профессиональную деятельность респондента (должностные обязанности, количество сотрудников в организации, доля участия в бизнесе). На основе ответов можно было убедиться, верно ли исследователь распределил участников по группам (предприниматели ТБ и стартап-основатели).

3. Респонденты заполняли два опросника: «Ценностные ориентации» Рокича в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1992) и модифицированную методику «Базовые ценности и антиценности» Бушковой-Шиклиной (Бушкова-Шиклина, 2007).

Методы

В нашем исследовании были использованы две методики:

1. *Методика «Ценностные ориентации» Рокича*, направленная на выявление иерархии ценностных ориентаций у индивида и определение ценностно-смысловой системы личности. Опросник состоит из 36 ценностей и разделяется на два блока: блок А, в котором представлены терминальные ценности, и блок Б, состоящий из ценностей инструментальных.

2. *Модифицированная методика «Базовые ценности и антиценности» Бушковой-Шиклиной*. Респондентам предлагалось выбрать из списка три наиболее предпочитаемые ими профессиональные ценности (в классическом варианте методики предоставлялся список личных и профессиональных ценностей, но в данном случае мы убрали часть с личными ценностями, чтобы сосредоточиться на профессиональных). Тем самым в ходе исследования были получены данные об иерархиях профессиональных ценностей предпринимателей ТБ и стартап-основателей. Список ценностей составлен на основе ряда терминальных ценностей методики Рокича, а также списка профессиональных ценностей методики Бушковой-Шиклиной.

Заметим, что одна из заявленных методик определяет ценностные ориентации, а другая — ценности. В данном исследовании мы придерживаемся представления о том, что ценности являются объектом, на который равняется личность, так называемый эталон должного (Петровский, 1990, с. 15), а ценностные ориентации, как правило, вытекающие из ценностей, представляют собой набор принципов жизнедеятельности. Несмотря на то, что М. Рокич заявляет о выяв-

лении ценностных ориентаций, в его опроснике сформулированы скорее сами ценности личности, что и представляет для данного исследования основной интерес.

Данные методики направлены на выявление ценностей, что является основной целью нашего эмпирического исследования. Такое небольшое количество методик для исследования оправдывается тем, что исследуется всего один компонент личности выделенных социальных групп — профессиональные ценности. При более детальном, расширенном рассмотрении особенностей личности требовалось бы увеличение количества методик.

Результаты

В процессе обработки данных были проанализированы статистически значимые различия в терминальных, инструментальных, профессиональных ценностях предпринимателей ТБ и стартап-основателей. Обработка результатов осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics. Так как мы получили данные в процентном соотношении (сколько % участников исследования отметили ту или иную ценность), а также ранги по методике Рокича, критерий хи-квадрат Пирсона (χ^2) являлся самым оптимальным.

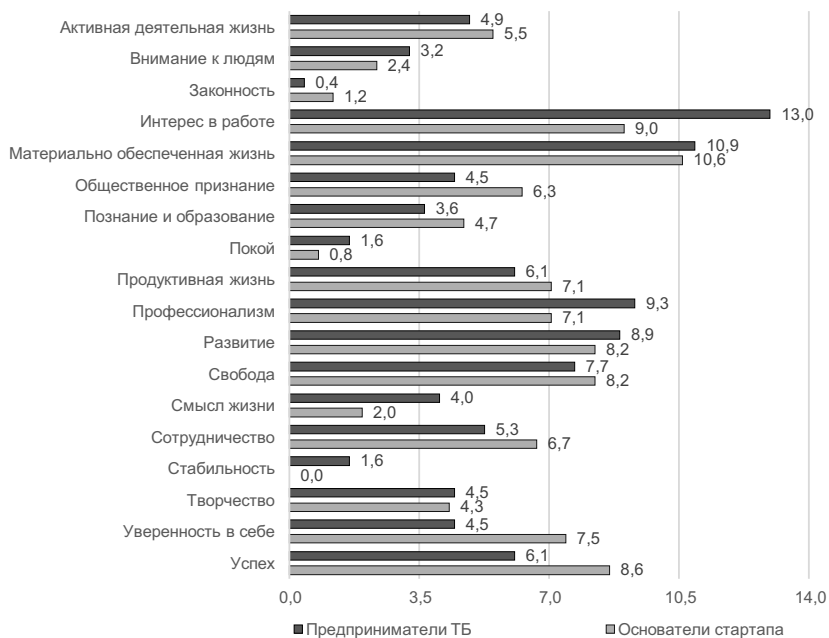
В результате анализа данных выявлено, что предприниматели ТБ ставили на первое место следующие *терминальные* ценности: активная деятельная жизнь; любовь; здоровье; счастливая семейная жизнь; материальная обеспеченность. Стартап-основатели ставили на первое место следующие терминальные ценности: активная деятельная жизнь, развитие, продуктивная жизнь, здоровье. Различие между группами выявлено по ценности «любовь», которая занимает первые места в иерархии ценности предпринимателей ($\chi^2 = 3,873$, $p = 0,050$), однако это различие нельзя назвать значимым.

Предприниматели ТБ ставили на первое место следующие *инструментальные* ценности: жизнерадостность; независимость; ответственность; твердая воля; честность, широта взглядов. Стартап-основатели ставили на первое место следующие инструментальные ценности: независимость; жизнерадостность; твердая воля; честность. Не было выявлено значимых различий между инструментальными ценностями предпринимателей ТБ и стартап-основателей, которые они ставили на первые места.

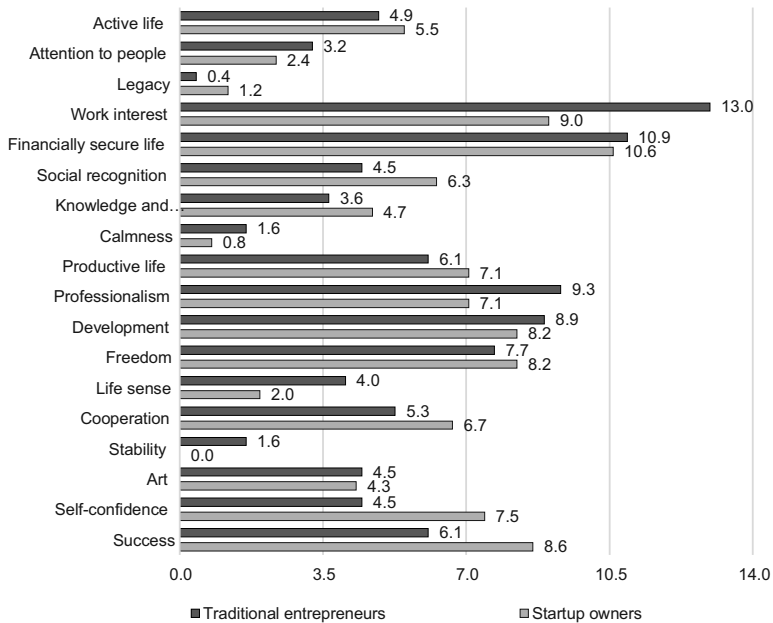
Далее предприниматели ТБ и основатели стартапов сравнивались по набору их *профессиональных* ценностей с помощью модифицированной методики, предложенной в исследовании Буш-

ковой-Шиклиной. Инструкции методики практически идентичны с инструкциями методики Рокича, при этом после выбора предпочитаемых ценностей респонденты должны были выбрать три самых значимых профессиональных ценности для них. Анализировался именно этот материал (рис. 1).

Значимых различий между предпринимателями ТБ и основателями стартапов в количестве упоминаний конкретных профессиональных ценностей как значимых выявлено не было ($\chi^2 = 13,905$; $p > 0,05$). Тем не менее стартап-основатели реже предпринимателей ТБ выбирают ценности материально обеспеченной жизни, они ориентируются скорее на продуктивную жизнь (созидание), успех, развитие. Они создают стартап не для того, чтобы заработать, в приоритете у них создание нового инновационного для рынка продукта. Некоторые ценности практически не представляют интереса для обеих групп: покой, стабильность и законность не кажется респондентам важными ценностями для трудовой деятельности.

Рис. 1. Частота упоминания профессиональных ценностей как значимых в группах предпринимателей ТБ и основателей стартапов, %

Fig. 1. Frequency of mentioning professional values as significant in groups of TB entrepreneurs and startup founders, %

Дополнительно был проведён сравнительный анализ между группами мужчин и женщин — предпринимателей и основателей стартапов. Значимые различия не были обнаружены.

Таким образом, иерархия самых часто встречающихся профессиональных ценностей предпринимателей ТБ выглядит так: интерес в работе (13%); материально обеспеченная жизнь (11%); развитие (9%); профессионализм (9%). Самые часто встречающиеся профессиональные ценности основателей стартапов: материально обеспеченная жизнь (11%); интерес в работе (9%); успех (9%); развитие (8%); свобода (8%).

Стоит внести ремарку о полученных результатах. Исследование было проведено в 2 этапа, результаты подсчитывались дважды: на выборке в 61 человек со значительным перевесом мужчин (30 предпринимателей ТБ, 23 мужчины и 7 женщин; 31 стартап-основателя, 26 мужчин и 5 женщин) и далее на полной выборке в 90 человек (при донаборе респондентов). В обоих случаях значимые различия не были найдены, что говорит о том, что даже при таком количестве

респондентов удалось выделить основные тенденции и убедиться в адекватности сделанных выводов.

Обсуждение результатов

1. В данном эмпирическом исследовании подтвердилась гипотеза о том, что у предпринимателей ТБ и основателей стартапов наборы терминальных, инструментальных и профессиональных ценностей содержательно не различаются, за исключением отдельных моментов, которые будут рассмотрены ниже. Эти социальные группы имеют схожие ценности. Такой эмпирический факт может иметь как минимум два разных объяснения.

С одной стороны, несмотря на зримую разницу в содержании деятельности предпринимателей традиционного бизнеса и стартап-основателей — в обоих случаях реализуется все-таки предпринимательская деятельность, а именно построение (организация) целостной, регулярной продуктивной деятельности, которая воспроизводится и развивается на рыночных условиях. Соответственно, деятельность по строительству традиционного бизнеса или стартапа регулируются одними и теми же ценностями предпринимателя, поэтому статистически значимых различий в содержании ценностей двух групп предпринимателей не наблюдается.

С другой стороны, использованные методики могут не подходить для того, чтобы зафиксировать разницу в ценностях предпринимателей ТБ и стартап-основателей. Возможность такой трактовки подтверждается результатами исследования ценностей представителей двух социальных групп: менеджеров и предпринимателей, в ходе которого была использована та же методика «Базовые ценности и антиценности» (Бушкова-Шиклина, 2009). Статистически значимых различий в этом исследовании между менеджерами и предпринимателями выявлено также не было. В таком случае результаты необходимо подтвердить на основе иного методического инструментария.

2. Рассмотрим выявленные особенности инструментальных и терминальных ценностей предпринимателей.

Специфичная инструментальная ценность предпринимателей ТБ, поставленная на первое место — «широта взглядов». Вероятно, что предприниматели ТБ должны вести дела эффективней, гибче и многогранней, чем их конкуренты, у которых схожий традиционный бизнес, а стартаперы вынуждены быть честными перед клиентами, но прежде всего перед самими собой.

В терминальных ценностях также присутствуют свои особенности. Основатели стартапов на первое место ставят ценность «продуктивная жизнь» (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей). Деятельность стартапа — это деятельность на пределе своих возможностей без гарантированного результата. По всей видимости, стартап — это лучшая форма реализации терминальной ценности «продуктивная жизнь». Также вероятно, что стартап-основатели, которые не руководствуются ценностью «продуктивная жизнь» (сознательно или неосознанно), быстро отказываются от создания стартапа при первых неудачах, когда ответы на вопрос о доходах и прибыльности каждый раз откладываются, потому что те или иные предпринимательские гипотезы не подтверждаются.

3. Стоит обратить внимание на различия ответов стартап-основателей по методике Рокича и модифицированной методике Бушковой-Шиклиной. При заполнении опросника Рокича основатели стартапов не ставили на первые места такую терминальную ценность, как «материально обеспеченная жизнь». При этом в следующей методике материальная сторона бизнеса проявилась в высокой степени. Возможно, повлияла сама формулировка в методике Бушковой-Шиклиной, и ценность «материально обеспеченная жизнь» во втором случае была проинтерпретирована респондентами как инструментальная, профессиональная ценность, имеющая отношение к деятельности их стартапа, а не к их личности. Стартап должен быть материально благополучным, иначе у него не будет шанса на существование (инвестиции закончатся, а благополучие не наступит).

Вместе с тем вопрос о роли материальных ценностей в регуляции деятельности предпринимателя остается открытым. С одной стороны, в исследованиях последних лет не приводятся данные, подтверждающие, что материальные ценности занимают важное место в жизни предпринимателей (Абрамова, 2021; Позняков, 2021а; Бушкова-Шиклина, 2009). С другой стороны, отсутствие материальных ценностей в наборе ведущих ценностей предпринимателей выглядит парадоксальным, ведь прибыльность — это условие существования любого бизнеса, в том числе и стартапа. Можно предположить, что ценности материального, финансового благополучия находятся на разных уровнях иерархии в условиях, когда они регулируют личную жизнь и дело. Эта интерпретация находится в статусе предположения, которое еще требуется проверить.

4. Важно обратить внимание на различие в иерархии профессиональных ценностей. У предпринимателей традиционного бизнеса

в качестве специфической ценности появляется «профессионализм» — свойство людей систематически, эффективно, качественно и надежно выполнять свою деятельность. Успешный традиционный бизнес — это профессионально организованная деятельность, выполняемая не менее эффективно, качественно и надежно, чем у конкурентов.

У стартап-основателей появляется такая специфичная ценность, как «успех». Многие теоретики и практики стартап-предпринимательства (Раева, 2021; Рис, 2015) указывают на то, что стартап-основатель не должен вкладывать излишнее количество временных и финансовых ресурсов в «шлифовку» продукта, полезность или востребованность которого еще не доказана. Стартап-основатели — это первопроходцы, экспериментаторы, которым нужно быстро находить, проверять новые идеи, отказываться от нерабочих, заходить в ранее неведомые области практики. В этом случае «профессионализм» здесь уходит скорее на дальний план. Напротив, для стартап-основателей важен «успех» как достижение поставленных целей в задуманном деле, видимый положительный результат, реализованный продукт, который заслужил внимание клиентов и пользуется спросом. Именно «успех» есть факт подтверждения предпринимательских гипотез, которые формирует и проверяет на практике основатель стартапа.

Таким образом, дополнительную гипотезу исследования о том, что у групп предпринимателей ТБ и основателей стартапов существуют специфические ценности, свойственные определенной группе, можно считать подтвержденной.

5. Не было выявлено значимых различий по профессиональным ценностям между группами мужчин и женщин. Соответственно, мы можем предположить отсутствие серьезной гендерной специфики в предпринимательской деятельности. Как от женщины, так и от мужчины бизнес требует равного, мужчина и женщина имеют равные возможности в этой сфере, ими двигают схожие ценности. Таким образом, мы считаем выборку полностью репрезентативной, несмотря на то, что участвующих женщин в исследовании было в процентном соотношении меньше. Не важно, кто занимается предпринимательством — женщина или мужчина — сама специфика предпринимательства как деятельности и как жизненного выбора личности от этого не изменяется.

Выводы

1. Анализ концепций, моделей и теорий предпринимательства показал, что целесообразно различать как минимум два типа предпринимательской деятельности: строительство традиционного бизнеса и строительство стартапа. Традиционное предпринимательство более эффективно в условиях стабильной среды и направлено на упрощение деятельности, тогда как инновационное предпринимательство, напротив, увеличивает сложность системы и тем самым создает новые возможности для ее развития. Кроме того, при исследовании личностных особенностей предпринимателей целесообразно подвергать анализу и саму предпринимательскую деятельность, которую ведет предприниматель, как минимум отделяя деятельность по строительству традиционного бизнеса от строительства стартапа.

2. Подтвердилась обратная гипотеза о том, что у предпринимателей ТБ и основателей стартапов набор профессиональных ценностей существенно не отличается. Так, профессиональными ценностями предпринимателей ТБ стали: интерес в работе; материально обеспеченная жизнь; развитие; профессионализм; свобода. У стартап-основателей был выявлен схожий набор профессиональных ценностей: материально обеспеченная жизнь; интерес в работе; успех; развитие; свобода. Однако вопрос о причинах сходства ценностей стартап-основателей и предпринимателей традиционного бизнеса при зримом отличии содержания их деятельности остается открытым.

3. У предпринимателей ТБ есть специфическая профессиональная ценность — профессионализм. У стартап основателей есть специфическая профессиональная ценность — успех. Таким образом, подтвердилась дополнительная гипотеза исследования о наличии специфических ценностей, свойственных только определенной группе.

4. Не было выявлено значимых различий по выбору профессиональных ценностей между группами женщин и мужчин. Вопрос о наличии гендерной специфики в деятельности предпринимателей может быть изучен более детально в дальнейшем, а также подкреплен исследованиями в области гендерной психологии.

Нам представляется важной дальнейшая проверка выдвинутых в настоящем исследовании гипотез с учетом корректировок нынешней программы, в том числе в части расширения портфеля методик исследования ценностной структуры, увеличения выборки

респондентов, включения дополнительных параметров, таких как стадия развития традиционного бизнеса и стартапа, их размер и т.п.

В перспективе результаты исследования структуры и содержания ценностей предпринимателей, занятых созданием традиционного бизнеса и стартапов, могут быть использованы для создания прогностических диагностических методик. Такой инструментарий важен для подготовки прогнозов «устойчивости» начинающих стартап-лидеров (основателей) к рискам работы в условиях с непредсказуемой результативностью, постоянных экспериментов, регулярных неудач в долгой временной перспективе (до нескольких лет). Сопряженная линия, которая может быть развернута на базе полученных результатов исследования — это изучение факторов предпринимательского самоопределения и разработка социально-психологических инструментов его поддержки.

Литература

Абрамова О.А. Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 188–204. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120312>

Богатырева К., Широкова Г. От предпринимательских намерений — к созданию бизнеса: опыт российских студентов // Форсайт. 2017. Т. 11, № 3. С. 25–36.

Бубновская О.В. Предприниматель: профиль личности и карьерные предпочтения / О.В. Бубновская, В.В. Леонидова // Известия Дальневосточного фед. ун-та. Экономика и управление. 2021. Т. 100, № 4. С. 5–18. <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2021-4/5-18>

Бушкова-Шиклина Э.В. Ценностные ориентации менеджеров и процесс принятия управленческих решений: корреляционные связи: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2007.

Бушкова-Шиклина Э.В. Ценности менеджмента и предпринимательства: социологический анализ // Вестник Вятского гос. ун-та. 2009. Т. 1, № 2. С. 12–14.

Гаджиева С.Н., Ханова З.Г. Личность и деятельность предпринимателя в предметном поле психологических исследований // Гуманизация образования. 2011. № 3.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.

Джаппарова Н.Л. Стартап как форма инновационного предпринимательства // Скиф. 2019. № 11 (39). С. 585–588.

Динец И. Малый бизнес — это сложная простота. Beit Nelly Media, 2014.

Егошкина С.А. Инициативность как свойство личности предпринимателя / С.А. Егошкина // Единое образовательное пространство как фактор формирования и воспитания личности: материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Рязань,

23–24 апреля 2020 г. / Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина. Рязань: Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2020. С. 48–51.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентации. М.: Смысл, 1992.

Литау Е.Я. Функциональная дифференциация предпринимателя и менеджера и ее значение для процесса становления системы управления малыми развивающимися предприятиями // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2013. № 34. С. 42–50.

Нестик Т.А. Социально-психологические барьеры при прогнозировании будущего в российских компаниях // *Прикладная юридическая психология*. 2014. №. 2. С. 124–135.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат. 1990.

Позняков П. Взаимосвязь смысловых и ценностных ориентаций личности предпринимателей и характеристик их экономического самоопределения / В.П. Позняков // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2021а. Т. 6, № 1 (21). С. 150–170. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006>

Позняков П. Личностные детерминанты экономического самоопределения российских предпринимателей / В.П. Позняков, С.Е. Поддубный, П.В. Позняков // *Ярославский пед. вестник*. 2021б. № 5 (122). С. 159–165. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-159-165>.

Раева И. В. Экономическое понятие стартапа, отличия стартапа от Инвест — проекта / И.В. Раева, Н.А. Клыпин // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 31. С. 1274–1285.

Рис Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Широкова Г.В., Беляева Т.В. Предпринимательские намерения студентов: концепция и основные подходы к исследованию // *Современная конкуренция*. 2015. Т. 9, №. 2 (50). С. 5–31.

Cantillon, R. (2010). *Essay on Economic Theory*. An. Ludwig von Mises Institute.

Espiritu-Olmos, R., Sastre-Castillo, M.A. (2015). Personality traits versus work values: Comparing psychological theories on entrepreneurial intention. *Journal of Business Research*, 68, 7, 1595–1598.

Schumpeter, J.A., Clemence, R.V. (1951). *Essays of JA Schumpeter. (No Title)*.

Wildberries: как изменился портрет предпринимателя в 2021 г. Retail.ru. URL: <https://www.retail.ru/news/wildberries-kak-izmenilsya-portret-predprinimatelya-v-2021-g-13-yanvary-2022-212713/> (дата обращения: 10.01.2023).

References

Abramova, O.A. (2021). Socio-Psychological Portrait of Russian IT Entrepreneur. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 12 (3), 188–204. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120312>. (In Russ.).

Bogatyreva, K., Shirokova, G. (2017). From Entrepreneurial Aspirations to Founding a Business: The Case of Russian Students. *Forsait (Foresight and STI Governance)*, 11 (3), 25–36. <https://doi.org/10.17323/25002597.2017.3.25.36>. (In Russ.).

Bubnovskaya, O.V. (2021). Entrepreneur: Personality Profile and Career Preferences. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie (The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management)*, 100 (4), 5–18. (In Russ.).

Bushkova-Shiklina, E.V. (2007). Cennostnye orientacii menedzherov i process prinyatiya upravlencheskih reshenij: korrelyacionnye svyazi: Dis. ... kand. sociol. nauk. (Value orientations of managers and the process of managerial decision-making: correlations). Cand.Sci. (Sociology). Nizhny Novgorod. (In Russ.).

Bushkova-Shiklina, E.V. (2009). Values of management and business undertakings: sociological analysis. *Vestnik Vyatskogo gos. un-ta (Herald of Vyatka State University)*, 2 (1), 12–14. (In Russ.).

Cantillon, R. (2010). *Essay on Economic Theory*, An. Ludwig von Mises Institute.

Dal', V.I. (1994). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. M. (In Russ.).

Dzhapparova, N.L. (2019). Startup as a form of innovative entrepreneurship. *Skif*, 39 (11), 585–588. (In Russ.).

Dinets, I. (2014). Malyy biznes — eto slozhnaya prostota. *Beit Nelly Media*. (In Russ.).

Egoshkina, S.A. (2020). Initiative as a property of the entrepreneur's personality. A single educational space as a factor in the formation and upbringing of personality: XIV International Student Conference proceedings, April 23–24, 2020, Ryazan State University named for S. Yesenin, 48–51. (In Russ.).

Espiritu-Olmos, R., Sastre-Castillo, M.A. (2015). Personality traits versus work values: Comparing psychological theories on entrepreneurial intention. *Journal of Business Research*, 68 (7), 1595–1598.

Gadzhieva, S.N., Khanova, Z.G. (2011). Personality and activity of entrepreneur in subject field of psychological research. *Gumanizatsiya obrazovaniya (Humanization of Education)*, 3, 39–46. (In Russ.).

Leont'ev, A.N. (1975). *Activity, Consciousness, and Personality*. M.: Politizdat. (In Russ.).

Leont'ev, D.A. (1992). *Methods of studying value orientations*. M.: Smisl.

Litau, E.Ia. (2013). Functional differentiation of entrepreneur and manager and its significance for the process of formation of the management system of small developing enterprises. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk (Current Issues of Economic Sciences)*, 34, 42–50. (In Russ.).

Nestik, T.A. (2014). Socio-psychological barriers at forecasting future in Russian companies. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya (Applied Legal Psychology)*, 2, 124–135. (In Russ.).

Petrovskij, A.V., Yaroshevskij, M.G. (1990). *Psychology. Dictionary*. M.: Politizdat. (In Russ.).

Poznyakov, V.P. (A) (2021a) The relationship of life and value orientations of entrepreneurs and the characteristics of their economic self-determination. Institute

of psychology Russian Academy of Sciences. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk (Social and Economic Psychology)*, 21 (1), 150–170. (In Russ.).

Poznyakov, V.P. (B) (2021b). Personal determinants of economic self-determination of russian entrepreneurs. *Yaroslavskii ped. vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 5, 159–165. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-159-165>. (In Russ.).

Raeva, I.V. (2021) Ekonomicheskoe ponyatie startapa, otlichiya startapa ot Invest — proekta / I.V. Raeva, N.A. Klypin. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie (Innovation. The science. Education)*, 31, 1274–1285. (In Russ.).

Ries, E. (2015). *The Lean Startup*. M.: Alpina-Publisher. (In Russ.).

Shirokova, G.V., Belyaeva, T.V. (2015). Students entrepreneurial intentions: concept and main research approaches. *Sovremennaya konkurentsia (Journal of Modern Competition)*, 9, 2 (50), 5–31. (In Russ.).

Schumpeter, J.A., Clemence, R.V. (1951). *Essays of JA Schumpeter. (No Title)*.

Wildberries: kak izmenilsya portret predprinimatel'ya v 2021 g. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/news/wildberries-kak-izmenilsya-portret-predprinimatel'ya-v-2021-g-13-yanvarya-2022-212713/> (data obrashcheniya: 10.01.2023).

Поступила: 03.02.2023

Получена после доработки: 02.06.2023

Принята в печать: 19.07.2023

Received: 03.02.2023

Revised: 02.06.2023

Accepted: 19.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Вячеславович Журавлев — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета имени имени М.В. Ломоносова, allo-o@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1367-9781>

Мария Андреевна Череменская — аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, egiazarovama@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-1350>

ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Zhuravlev — Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, allo-o@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1367-9781>

Maria A. Cheremenskaia — Postgraduate student in Psychology at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, egiazarovama@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-1350>

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

УДК 159.9, 159.99

Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте

Е.П. Белинская✉, З.Д. Шаехов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ elena_belinskaya@list.ru

Резюме

Актуальность. Психологическое благополучие современного человека во многом связано с его адаптацией к рискам цифрового мира. Обзор современных исследований психологических следствий повседневной цифровизации позволяет утверждать, что последние затрагивают все сферы личности — мотивационную, когнитивную, аффективную, а также особенности самосознания.

Цель. Определение возможных взаимосвязей уровня психологического благополучия и содержательно связанных с ним личностных диспозиций (жизнестойкости и диспозиционного оптимизма) с особенностями адаптации к цифровой повседневности.

Выборка. Исследование проведено на молодежной выборке из 131 человека, средний возраст которых составлял 22,8 лет (медиана возраста = 21), 118 респондентов женского пола, 13 — мужского пола).

Методы. В работе использованы стандартизированные шкалы психологического благополучия, жизнестойкости, диспозиционного оптимизма и специально разработанный для целей исследования опросник, направленный на выявление уровня психологической адаптации к цифровизации, включавший в себя шкалы цифровой тревожности, поведенческой, коммуникативной и нормативной адаптации.

Результаты. Проверка надежности шкал опросника психологической адаптации к цифровизации дала приемлемые результаты. Показатели цифровой тревожности отрицательно связаны с показателями психологического благополучия, жизнестойкости и диспозиционного оптимизма. Поведенческая и нормативная адаптация к рискам цифрового мира не связаны с психоло-

гическим благополучием и диспозиционным оптимизмом, но положительно коррелируют с жизнестойкостью. Показатели коммуникативной адаптации оказались не связаны ни с одной из использованных методик.

Выводы. Современная молодежь обладает развернутым репертуаром навыков для обеспечения собственной цифровой безопасности и организации осознанного информационного поиска, но при этом следует определенным нормам виртуального взаимодействия, созвучным социальным нормативам. Однако это не повышает уверенности молодых людей в способности защитить себя и влиять на собственную цифровую повседневность, что и объясняет в целом слабую связанность показателей адаптации с психологическим благополучием, общей жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом.

Ключевые слова: глобальные риски, адаптация к цифровизации, молодежный возраст, психологическое благополучие, диспозиционный оптимизм, жизнестойкость.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенческий и гендерный анализ».

Для цитирования: Белинская Е.П., Шаехов З.Д. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

PSYCHOLOGY TO PRACTICE

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at a young age

Elena P. Belinskaya ✉, Zahir D. Shaekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉elena_belinskaya@list.ru

Abstract

Background. Psychological well-being of a modern person is largely connected with his adaptation to the risks of the digital world. A review of modern studies into psychological consequences of everyday digitalization suggests that the latter

affects all areas of the personality: motivational, cognitive, and affective ones, as well as the features of self-awareness.

Objective. The task of the pilot study was to determine the possible relationships between the level of psychological well-being and the content of personal dispositions related to it (hardiness and dispositional optimism) with the features of adaptation to digital everyday life.

Sample. The study was conducted on a youth sample of 131 people. The average age of respondents was 22.8 years (median age = 21), 118 females, 13 male respondents).

Methods. The paper uses standardized scales of psychological well-being, resilience, dispositional optimism and a questionnaire specially designed for the purposes of the study aimed at identifying the level of psychological adaptation to digitalization, which included the scales of digital anxiety, behavioral, communicative and normative adaptation.

Results. The check of reliability of the scales in the questionnaire of psychological adaptation to digitalization gave acceptable results. Indicators of digital anxiety are negatively associated with indicators of psychological well-being, resilience and dispositional optimism. Behavioral and normative adaptation to the risks of digital world are not associated with psychological well-being and dispositional optimism, though they do positively correlate with resilience. Indicators of communicative adaptation were not associated with any of the methods used.

Conclusion. Modern youth have a developed repertoire of skills to ensure their own digital security and to organize a conscious information search, though at the same time they follow certain norms of virtual interaction that are consonant with social norms. However, this does not increase confidence in the ability to protect oneself and influence one's own digital everyday life, which explains the generally weak correlation of indicators of digital adaptation with psychological well-being, general resilience and dispositional optimism.

Keywords: global risks, adaptation to digitalization, youth age, psychological well-being, dispositional optimism, resilience

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22-18-00230 «Predictors of psychological adaptation of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analysis».

For citation: Belinskaya, E.P., Shaekhov, Z.D. (2023). Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at a young age. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

Введение

Начавшись как эпоха быстрых социальных изменений, сегодняшняя динамика социального пространства теряет однозначность потенциальных векторов своего развития, а потому квалифицируется как неопределенная. Более того, сейчас все чаще в социологическом, социально-экономическом и социально-психологическом анализе современности представлены ее определения как эпохи глобальных рисков (Емельянова, Нестик, 2018; Нестик, Журавлев, 2021; *The Global Risks Report 2016*; Rönnlund et al., 2019; Clayton et al., 2017). Тем самым особенности самого бытия нашего современника мыслятся как постоянная и комплексная угроза его жизнедеятельности и благополучию, в том числе — психологическому. Очевидно, что это предъявляет к социальным субъектам повышенные требования в ситуациях любого активного действия, а потому становится сильным вызовом их адаптационным возможностям.

Среди выделяемых исследователями параметров объективной ситуации нарастающих глобальных рисков максимально представлены следующие: новизна, сложность и противоречивость многих социальных процессов; объективная множественность потенциальных выборов и решений в сочетании со слабой предсказуемостью их успешности для всех социальных субъектов; а также сниженные возможности контроля с их стороны за динамикой социального пространства. Подобная объективная ситуация не может не иметь выраженных психологических следствий, отражаясь в динамике мотивационной, когнитивной, аффективной сфер (Марцинковская, 2019).

Неудивительно поэтому, что в большинстве психологических исследований преимущественно рассматриваются не сами глобальные угрозы, а особенности их восприятия, переживания и антиципации различными социальными субъектами. Так, в частности, сегодня фокус исследовательского внимания сосредоточен на таких психологических характеристиках следствий глобальных рисков, как их разрушительность для веры человека в свою способность влиять на будущее, амбивалентность оценки возможных способов их предотвращения, включенность социальных представлений о глобальных рисках в процесс восприятия межгрупповых отношений (*Attitudes to global risk and governance survey 2018*; Avin, et al., 2018; Нестик, Журавлев, 2018; Нестик, Задорин, 2020). Все это позволяет говорить о кумулятивном стрессовом характере современных глобальных

рисков, что закономерно затрудняет для человека возможности психологической адаптации к ним в силу многих и разноуровневых следствий: необходимости поиска новых ресурсов совладания (Yu et al., 2020), возникновения и распространения сильных аффективных реакций — чувства неопределенности, тревоги и страха (Ениколопов и др., 2019; Jacobson et al., 2020; Montemurro, 2020), снижения возможности планирования личной и профессиональной жизни (Асмолов и др., 2020) и т.п. Подобные психологические следствия закономерно снижают качество жизни нашего современника, отражаясь на общем уровне его психологического благополучия.

Отмеченные проблемы сегодня усугубляются еще и тем, что на эти процессы в значительной степени влияет общий процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека: грань между реальностью и виртуальностью становится в той или иной степени все более «размытой» для представителей разных поколений, в силу чего индивидуальное психологическое благополучие все в большей степени оказывается связано с особенностями виртуального общения и взаимодействия. Особое значение подобная феноменология имеет для молодежного возраста в силу, как минимум, двух обстоятельств.

Во-первых, по времени своего рождения и особенностям ранней социализации эта возрастная когорта может быть причислена к так называемым «digital natives», то есть к тем, кто «родился с гаджетом в руках», для кого реальность и виртуальность мира оказываются все более и более пересекающимися (Твенге, 2019; Радаев, 2020; Tkhostov, Rikel, Vialkova, 2022), а потому риски цифровизации повседневности для них, возможно, являются менее «выпуклыми». Во-вторых, на данном возрастном этапе перед взрослеющим человеком стоит целый ряд традиционных задач социализации, связанных с различными социальными выборами, которые в современных условиях социальной неопределенности не так просто решить. И потому вопрос достаточного уровня психологического благополучия в этом возрасте имеет не только актуальное, но и более пролонгированное значение с точки зрения решения задач развития.

Сегодня исследователи обращают внимание на постоянно возрастающую роль информационных потоков в социализационных процессах. При этом, как отмечается, сами отношения индивида и информации могут быть разными с точки зрения уровня выраженности его субъектности: от активного конструирования до пассивного потребления (Панов, Патраков, 2020). Однако степень активности человека по отношению к потребляемой информации,

будучи своеобразной «подушкой безопасности», еще не гарантирует всеобъемлющей защиты. Дело в том, что современные информационные потоки характеризует не только постоянное нарастание объема информационного воздействия, но и упрощенная система поиска информации, алгоритмизация ее выбора, возможность массового воспроизводства и ретрансляции, а это уже предъявляет более конкретные вызовы к когнитивно-аффективной сфере человека.

Так, с точки зрения психологических рисков для развития когнитивной сферы субъекта в ситуации цифровизации выделяют: снижение требований к активности в процессе познания, затруднения в формировании произвольного внимания и смысловой памяти (Карпов, Воронова, 2021); снижение уровня критического мышления, способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта (Храпов, Баева, 2021); изменение самого содержания высших психических функций, прежде всего — произвольного запоминания (Sparrow, Liu, Wegner, 2011); изменение образа мира в силу все большего смешения онлайн и оффлайн существования (Floridi, 2014; Солдатов, Рассказова, 2020) и возникновения так называемой «гиперподключенности» (Brubaker, 2020; Otrell-Cass, 2019).

Наряду с этим выделяют и группу рисков, связанных с аффективной сферой, которые, в свою очередь, во многом связаны с динамикой коммуникативных процессов в условиях цифровизации. Так, например: трансформации обратной связи приводят к сокращению высказываний и обеднению возможностей выражения эмпатии (Панов, Патраков, 2020); возникновение новых норм и в определенной степени нового языка коммуникации (*net-language*), свойственных общению в виртуальных средах, ставит вопрос о возможности полноценного вербального выражения своих чувств (Przybylski, Weinstein, 2013; Белинская, 2015); особенности когнитивных искажений при протекании конфликтного взаимодействия в пространстве социальных сетей приводят к быстрой эскалации вербальной агрессии (Белинская, Илюхина, 2018). Отметим, что в отличие от исследований рисков цифровизации для когнитивной сферы субъекта, изучение ее следствий для аффективных проявлений представлено более фрагментарно, что связано прежде всего с трудностями методического характера: необходимостью фиксации текущих аффективных состояний в ситуации «смешанной» реальности.

Отметим, что одним из способов как теоретико-методологического обобщения множественной и разноуровневой эмпирики, отражающей следствия цифровизации для когнитивно-аффективной

сферы взрослеющего человека, так и преодоления избыточной оценочности в ее трактовке является позиция «новой нормальности», для которой характерно утверждение в качестве стандарта настоящего момента. С этой точки зрения указанные особенности есть не столько риски, сколько новые характеристики сознания человека цифровой эпохи (Файола, Войскунский, Богачева, 2016).

Представляется необходимым также выделить и те психологические риски цифровизации, которые затрагивают личность человека цифрового мира. Стоит отметить, что следствия новых информационных технологий для личности пользователя являются, пожалуй, наиболее традиционным сюжетом психологических исследований в области киберпсихологии, которые, заметим, также реализуются преимущественно на юношеских и молодежных выборках. И именно в этом пространстве исследовательских практик возникает, на наш взгляд, с одной стороны — наибольшая радикализация оценок этих следствий, а с другой — максимально расширительное толкование полученных эмпирических данных. Так, сегодня существуют исследования, посвященные различным аспектам цифровой трансформации личности, среди которых: изучение «цифрового гражданства» (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007), анализ закономерностей создания «виртуальных двойников», включающихся в процессы конструирования идентичности (Belk, 2016), определение взаимосвязей и «взаимопереходов» характеристик реальной и виртуальной идентичности (Rui, Stefanone, 2013; Herring, Kapidzic, 2015; Голубева, 2020; Соболева, 2021) и т.п. В качестве основных рисков «цифровизации личности» при этом выделяют: возможные проблемы идентификации («спутанная» и/или «диффузная» идентичности); деперсонализацию и ее влияние на процессы социального и личностного выбора; искусственное поддержание компенсаторных аспектов «Я», затрудняющее его развитие и т.д.

Подчеркнем, что есть позиции, пытающиеся рассмотреть обозначенные проблемы комплексно, а именно — с точки зрения неизбежных (и потому не подлежащих оценке по шкале «риск — новая возможность») следствий цифровизации. Так, в рамках социально-когнитивной концепции цифровой социализации (Войскунский, Солдатова, 2021) обозначенные личностные риски рассматриваются в рамках идеи «человека достроенного» в силу его определенного цифрового «расширения» (Belk, 2016), при котором существование в смешанной реальности уже просто не позволяет говорить о традиционных вариантах построения «Я» как центральной образующей

личности. Заметим здесь же, что особенностью исследований рисков цифровизации с этой точки зрения является их обращенность преимущественно к юношескому возрасту, что неудивительно: особенности социопсихического развития «цифровых аборигенов» позволяют не только наглядно представить как позитивные, так и негативные следствия цифровой эпохи, но и спрогнозировать динамику «цифрового разрыва» между отдельными поколениями.

В связи со всем вышесказанным необходимым, на наш взгляд, является продолжение накопления конкретной эмпирики, отражающей различные грани цифровой социализации во взаимосвязи с общим уровнем текущей социально-психологической адаптации и, как следствие, психологическим благополучием, особенно в молодежных когортах. Имеющийся на сегодняшний день достаточно объемный массив эмпирических данных, накопленный как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, довольно разнороден, в том числе в силу недостаточной разработанности методического инструментария, позволяющего изучать особенности психологической адаптации и благополучия человека именно в условиях цифровизации повседневности.

В проведенном эмпирическом исследовании мы ставили перед собой задачу определить возможные взаимосвязи уровня психологического благополучия и содержательно связанных с ним личностных диспозиций с особенностями адаптации к цифровой повседневности. Исследование проводилось в октябре-ноябре 2022 года с помощью Google-форм и носило пилотажный характер.

Методы

1) Для определения уровня психологического благополучия личности использовалась «Шкала психологического благополучия Варвик — Эдинбург» (Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale — WEMWBS) в русскоязычной адаптации (Шилко, Долгих, Алмазова, 2018). В основе ее лежит понимание психологического благополучия как позитивного мировосприятия, способности к положительным переживаниям и эффективному функционированию. Выбор данной методики для реализации задач работы был обусловлен прежде всего ее достаточной распространенностью в современных исследованиях потенциала личностного развития на юношеских выборах (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, 2022).

2) В качестве содержательно связанных с уровнем психологического благополучия были выбраны показатели оптимизма и жиз-

нестойкости личности. Их выбор был основан на данных ряда зарубежных и отечественных исследований, в которых отмечается устойчивая взаимосвязь уровня диспозиционного оптимизма и показателей жизнестойкости человека с психологическим благополучием на разных возрастных этапах и в различных социокультурных ситуациях развития (Леонтьев, Рассказова, 2006; Carver, Scheier, 2014). Использовалась «Шкала диспозиционного оптимизма» (Life Orientation Test — LOT-R) в последней версии и недавней русскоязычной адаптации (Гордеева, Сычев, Осин, 2021) и краткая версия теста жизнестойкости, включающего в себя три субшкалы — вовлеченности, контроля и принятия риска (Осин, Рассказова, 2013).

Для определения уровня психологической адаптации к цифровой повседневности был создан специальный опросник, который включал в себя 5 шкал: 1) шкалу поведенческой адаптации, понимаемой как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; 2) шкалу поведенческой адаптации, понимаемой как грамотность информационного поиска; 3) шкалу коммуникативной адаптации к цифровому миру как повседневной включенности в виртуальную коммуникацию и адекватности взаимопонимания; 4) шкалу нормативной адаптации к цифровизации как отсутствие склонности к обману, мошенничеству в виртуальной коммуникации; 5) шкалу цифровой тревожности, понимаемой как ощущение потери человеком своей субъектности, переживание невозможности на что-либо повлиять в силу цифровизации (всего 40 утверждений, согласие с которыми оценивалось по шкале Лайкерта от 1 до 5; шкалы включали в себя прямые и обратные утверждения). Мы предполагали, что высокий уровень психологической адаптации к цифровой повседневности будет складываться из высоких показателей по первым четырем шкалам и низким — по пятой.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью стандартного пакета SPSS–21 для Windows.

Гипотезы в силу пилотажного характера исследования не детализировались и состояли в общем предположении о том, что существует взаимосвязь между показателями психологического благополучия и связанными с ними личностными диспозициями и уровнем психологической адаптации к повседневным рискам цифрового мира.

Выборка

Выборка исследования состояла из 131 человека — студентов московских вузов, средний возраст которых составлял 22,8 лет (ме-

диана возраста = 21). В силу объективных ограничений (большинство опрошенных были студентами гуманитарных факультетов) выборка не сбалансирована по полу (118 девушек, 13 юношей).

Результаты

Так как одной из задач исследования был пилотаж методики, созданной для оценки степени адаптации к рискам цифрового мира, то прежде всего была проведена оценка надежности (внутренней согласованности) теоретически разработанных шкал психологической адаптации к цифровым рискам, а именно — рассчитывались показатели коэффициента альфа Кронбаха по каждой шкале (табл. 1). Можно видеть, что наиболее внутренне согласованной и надежной выглядит шкала цифровой тревожности, наименее — шкала поведенческой адаптации как грамотности информационного поиска, хотя и эти значения представляются приемлемыми для пилотажного этапа.

Таблица 1

Показатели альфа Кронбаха по опроснику «Психологическая адаптация к цифровизации»

Шкалы	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3	Шкала 4	Шкала 5
Показатели альфа-Кронбаха	0,595	0,380	0,487	0,385	0,705

Примечание: шкала 1 — поведенческая адаптация, как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; шкала 2 — поведенческая адаптация, как грамотность информационного поиска; шкала 3 — коммуникационная адаптация к цифровому миру; шкала 4 — нормативная адаптация к цифровизации; шкала 5 — цифровая тревожность.

Table 1

Alpha Cronbach indicators according to the questionnaire “Psychological adaptation to digitalization”

Scales	Scale 1	Scale 2	Scale 3	Scale 4	Scale 5
Alpha Cronbach exponents	0.595	0.380	0.487	0.385	0.705

Note: scale 1 — behavioral adaptation, as the ability to ensure one’s own security in the digital world; scale 2 — behavioral adaptation, as information retrieval literacy; scale 3 — communicational adaptation to the digital world; scale 4 — normative adaptation to digitalization; scale 5 — digital anxiety.

В силу того, что не все показатели по шкалам использованных в исследовании методик имели нормальное распределение, при

дальнейшем определении корреляционных связей использовались непараметрические критерии. Корреляционный анализ данных по критерию Спирмена, полученных по шкале психологического благополучия, с данными по тесту жизнестойкости и шкалой диспозиционного оптимизма (табл. 2) дал вполне ожидаемые результаты высокой взаимосвязанности, неоднократно уже отмечавшиеся во многих других исследованиях, посвященных изучению личностных предикторов психологического благополучия (Леонтьев, Рассказова, 2006; Гордеева, Сычев, Осин, 2010; Личностный потенциал..., 2011; Carver, Scheier, 2014 и др.).

Таблица 2

Взаимосвязь психологического благополучия с жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом

Шкалы	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость	Оптимизм	Пессимизм	Диспозиционный оптимизм
Психологическое благополучие	0,716***	0,702***	0,712***	0,774***	0,617***	-0,595***	0,677***

Примечание. Уровень значимости *** $p \leq 0,001$.

Table 2

Relationship of psychological well-being with resilience and dispositional optimism

Scales	Involve-ment	Control	Risk acceptance	Vitality	Optimism	Pessimism	Dispo-sitional optimism
Psychological well-being	0.716***	0.702***	0.712***	0.774***	0.617***	-0.595***	0.677***

Note. Significance level *** $p \leq 0,001$.

Переходя к основной задаче исследования, а именно — к определению взаимосвязей между различными показателями психологической адаптации к цифровизации с личностными диспозициями, мы провели корреляционный анализ по критерию Спирмена. Полученные корреляции представлены в табл. 3.

Таблица 3

Взаимосвязь шкал психологической адаптации к цифровизации
с личностными диспозициями

Шкалы	1 шкала	2 шкала	3 шкала	4 шкала	5 шкала
Психологическое благополучие	-0,116	0,029	0,001	0,13	-0,339***
Вовлеченность	0,02	0,088	-0,03	0,284***	-0,360***
Контроль	0,016	0,235**	-0,111	0,274**	-0,340***
Принятие риска	-0,055	0,156	-0,102	0,250**	-0,296***
Жизнестойкость	0,006	0,175*	-0,084	0,291***	-0,368***
Оптимизм	-0,077	0,009	-0,058	0,204*	-0,189*
Пессимизм	0,091	0,02	-0,075	-0,081	0,242**
Диспозиционный оптимизм	-0,096	-0,007	-0,002	0,16	-0,240**

Примечание: шкала 1 — поведенческая адаптация, как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; шкала 2 — поведенческая адаптация, как грамотность информационного поиска; шкала 3 — коммуникационная адаптация к цифровому миру; шкала 4 — нормативная адаптация к цифровизации; шкала 5 — цифровая тревожность.

Уровень значимости. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Table 3

Interrelation of scales of psychological adaptation to digitalization with personal
dispositions

Scales	Scale 1	Scale 2	Scale 3	Scale 4	Scale 5
Psychological well-being	-0.116	0.029	0.001	0.13	-0.339***
Involvement	0.02	0.088	-0.03	0.284***	-0.360***
Control	0.016	0.235**	-0.111	0.274**	-0.340***
Risk acceptance	-0.055	0.156	-0.102	0.250**	-0.296***
Vitality	0.006	0.175*	-0.084	0.291***	-0.368***
Optimism	-0.077	0.009	-0.058	0.204*	-0.189*
Pessimism	0.091	0.02	-0.075	-0.081	0.242**
Dispositional optimism	-0.096	-0.007	-0.002	0.16	-0.240**

Note. Scale 1 — behavioral adaptation, as the ability to ensure one's own security in the digital world; scale 2 — behavioral adaptation, as information retrieval literacy; scale 3 — communicational adaptation to the digital world; scale 4 — normative adaptation to digitalization; scale 5 — digital anxiety.

Significance level. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Можно видеть, что вполне ожидаемо цифровая тревожность оказалась отрицательно связана с психологическим благополучием, всеми субшкалами жизнестойкости и диспозиционным оптимизмом.

Нормативная адаптивность к рискам цифровизации (как отсутствие склонности к обману и мошенничеству в виртуальной коммуникации) оказалась в наибольшей степени связана с жизнестойкостью, причем как с общим ее уровнем, так и по отдельным субшкалам, и не связана ни с уровнем психологического благополучия, ни с диспозиционным оптимизмом.

Поведенческая адаптивность как грамотность информационного поиска оказалась не связана с психологическим благополучием и диспозиционным оптимизмом, но давала высоко-значимые корреляции с субшкалой контроля из теста жизнестойкости.

Коммуникативная адаптивность к рискам цифровизации, понимаемая как повседневная включенность в виртуальную коммуникацию, не имела значимых корреляций ни с одной из стандартизированных методик.

Обсуждение результатов

Полученные результаты достаточно противоречивы: оказалось, что часть показателей цифровой адаптации не имеет взаимосвязей ни с уровнем психологического благополучия, ни с традиционно связанными с ним личностными диспозициями. Только такой параметр адаптации, как цифровая тревожность ожидаемо дал искомые корреляции. Уточним, что высокие показатели по цифровой тревожности соответствовали согласию респондентов с утверждениями, что они не могут практически ничего контролировать в виртуальной коммуникации в силу уверенности в «неизменности цифрового следа» и «слежки со стороны Большого брата», то есть фактически были свидетельством малой субъектности респондентов и их чувства незащищенности в цифровой среде. Подобный результат может быть отражением общей социальной тревожности наших респондентов — как в силу их возраста, требующего множественных социальных выборов и решений, так и в силу актуальной социальной ситуации в целом. Иными словами, он представляется вполне логичным с точки зрения существующих вызовов к социально-психологической адаптации в целом.

Однако все другие показатели адаптации, рассмотренные через призму совладания с рисками цифровизации, свидетельствуют, что в цифровой среде традиционные связи психологического благопо-

лучия и адаптированности меняются. Так, например, отсутствие склонности к мошенничеству и обману в цифровой среде (нормативная адаптация), будучи, с одной стороны, основанием для высокого уровня жизнестойкости и, как представляется, отражением общей приверженности человека к следованию социальным нормам, в то же время не становится для молодежи основанием для психологического благополучия и не приводит к оптимистичной картине мира. Еще более противоречивыми являются результаты, касающиеся поведенческой адаптации к рискам цифровизации. С одной стороны, взаимосвязь грамотности информационного поиска и контроля за своей жизнью как одного из показателей жизнестойкости представляется вполне логичной. Активные действия по поиску необходимой информации с опорой на понимание принципов безопасного поведения в цифровой среде вполне согласовываются с убежденностью в том, что собственная деятельность позволяет влиять на результат происходящего. С другой — отсутствие связей между умением обеспечить свою цифровую безопасность и психологическим благополучием, а также оптимизмом, очевидно свидетельствует о внутренних сомнениях респондентов в эффективности подобного влияния. Что же касается отсутствия связей коммуникативной адаптации к рискам цифровизации с психологическим благополучием, параметрами жизнестойкости и диспозиционным оптимизмом, то, с нашей точки зрения, это может объясняться фактом высокой включенности наших респондентов в виртуальную коммуникацию, которая для наших респондентов уже неотделима от реального общения.

Выводы

Обобщая, можно сказать, что традиционно отмечаемая в исследованиях взаимосвязь уровня психологической адаптации человека и его психологического благополучия претерпевает, судя по всему, существенные трансформации в цифровом мире, особенно если речь идет о молодежи. Будучи глубоко коммуникативно включенными в реалии повседневной цифровизации, современные юноши и девушки, с одной стороны, обладают развернутым репертуаром навыков для обеспечения собственной цифровой безопасности и организации осознанного информационного поиска, а также, как правило, следуют определенным нормам виртуального взаимодействия, созвучными с социальными нормативами. Однако — что было для нас достаточно неожиданным результатом — это не повышает их уверенности в способности защитить себя и хоть как-то влиять на собственную

цифровую повседневность, что и объясняет, на наш взгляд, в целом слабую связанность показателей адаптации с психологическим благополучием, общей жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом.

В заключение отметим, что дальнейшая работа по доработке методического инструментария, позволяющего оценить уровень адаптированности нашего современника к реалиям цифрового мира, должна включать в себя более детализированную психометрическую проверку (в частности, разные варианты факторного анализа получаемых с ее помощью данных) в сочетании с обращением к другим выборкам — как с точки зрения представленности в них более старших возрастов, так и увеличения числа респондентов.

Литература

Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Малева Т.М., Алдошина Т.Л., Сорокина С.С. Кросскультурный мониторинг образов пандемии и инфодемии. Антропологические последствия // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. Т. 114, № 12. С. 40–49.

Белинская Е.П. Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 91–108.

Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 17–29.

Войсункинский А.Е., Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.

Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма: валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 34–55.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструкторов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 4. С. 756–765.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.

Емельянова Т.П., Нестик Т.А. Проблема глобальных рисков в социально-психологических исследованиях // Психология человека как субъекта познания,

общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018.

Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И., Бойко О.М. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования 2020. Т. 12, № 2. С. 108–126. URL: <https://psy.su/feed/8182/> (дата обращения: 12.01.2023).

Карпов А.В., Воронова Т.А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал. 2021. № 8 (152). С. 22–28.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3 (105). С. 77–96.

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Особенности психологического благополучия молодежи с различным опытом и мотивацией волонтерской деятельности // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 6 (46). С. 181–192.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 127–138.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2021.

Нестик Т.А., Задорин И.В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4–28.

Осин Е.Н. Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3, № 3. С. 42–60.

Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: «Психологический институт РАО», 2020.

Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Соболева М.О. Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 14–23.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. № 1 (4). С. 87–97.

Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М.: Рипол-Классик, 2019.

Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.

Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26

Шилко Р.С., Долгих А.Г., Алмазова О.В., Измерение психического здоровья в образовательном пространстве: шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург. // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. В 2 ч. Часть 1. / под общ. ред. Л.А. Цветковой, Е.Н. Волковой, А.В. Микляевой. СПб: РГПУ. 2018.

Attitudes to global risk and governance survey. (2018). Stockholm: Global Challenges Foundation. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf> (review date: 17.01.2023).

Avin, S., Wintle, B. C., Weitzdörfer, J., ÓhÉigeartaigh, S.S., Sutherland, W.J., Rees, M.J. (2018). Classifying global catastrophic risks. *Futures*. September (review date: 17.01.2023).

Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54.

Brubaker, R. (2020). Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 49, 5–6, 771–801.

Carver, C.S., Scheier, M.F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (6), 293–299.

Clayton, S., Manning, C.M., Krygsman, K., Speiser, M. (2017). Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance. Washington, DC: American Psychological Association/Climate for Health/ecoAmerica. (Retrieved from <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf>) (review date: 01.02.2023).

Floridi, L. (2014). The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality. Oxford University Press.

Herring, S.C., Kapidzic, S. (2015). Teens, gender, and self-presentation in social media. International encyclopedia of social and behavioral sciences (Eds.), In J.D. Wright. 2nd edition. Oxford: Elsevier.

Jacobson, N.C., Lekkas, D., Price, G., Heinz, M.V., Song, M., O'Malley, A.J., Barr, P.J. (2020). Flattening the Mental Health Curve: COVID-19 Stay-at-Home Orders Are Associated With Alterations in Mental Health Search Behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, June 1, 7 (6).

Mossberger, K., Tolbert, C.J., McNeal, R.S. (2007). Digital citizenship: The Internet, society, and participation. Cambridge, MA: MIT Press.

Montemurro, N. (2020). The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain Behavior Immunity*, 87, 23–24

Otrel-Cass, K. (Ed.). (2019). Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human. Cham, Switherland: Springer.

Przybylski, A.K., Weinstein N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30 (3), 237–246.

Rönnlund, M., Del Missier, F., Mäntylä, T., Carelli, M.G. (2019). The fatalistic decision maker: Time perspective, working memory, and older adults' decision-making competence. *Frontiers in Psychology*, 10, 2038.

Rui, J., Stefanone, M. (2013). Strategic self-presentation online: A cross-cultural study. *Computers in Human Behavior*, 29, 110–118.

Sparrow, B., Liu, J., Wegner, D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333 (6043), 776–778.

The Global Risks Report. (2016). 11th ed. Geneva: World Economic Forum. (Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>).

Tkhostov, A.Sh., Rikel, A.M., Vialkova, M.Ye. (2022). Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (1), 83–102.

Yu, H., Li, M., Li, Z., Xiang, W., Yuan, Y., Liu, Y., Xiong, Z. (2020). Coping Style, Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic. Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic.

References

Asmolov, A.G., Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Maleva, T.M., Aldoshina, T.L., Sorokina, S.S. (2020). Cross-cultural monitoring of pandemic and infodemic images. Anthropological consequences. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development)*, 114, 12, 40–49. (In Russ.).

Attitudes to global risk and governance survey. (2018). Stockholm: Global Challenges Foundation, 2018. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf> (review date: 17.01.2023).

Avin, S., Wintle, B. C., Weitzdörfer, J., ÓhÉigeartaigh, S.S., Sutherland, W.J., Rees, M.J. (2018). Classifying global catastrophic risks. *Futures*. September (review date: 17.01.2023).

Belinskaya, E.P. (2015). The accuracy of interpersonal perception in conditions of mediated acquaintance in social networks. *Social'naya psihologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 6, 4, 91–108. (In Russ.).

Belinskaya, E.P., Ilyukhina, S.N. (2018). Space of social networks as a factor of conflict radicalization in virtual interaction. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Obrazovanie. Pedagogika» (Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Psychology. Pedagogy. Education")*, 4 (14), 17–29. (In Russ.).

Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54.

Brubaker, R. (2020). Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 49, 5–6, 771–801

Carver, C.S., Scheier, M.F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (6), 293–299.

Clayton S., Manning C. M., Krygsman K., Speiser M. (2017). Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance. Washington, DC: American Psychological Association/Climate for Health/ecoAmerica. (Retrieved from <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf>) (review date:01.02.2023).

Emelyanova, T.P., Nestik, T.A. (2018). The problem of global risks in socio-psychological research. In V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev (Eds.), *Psychology of man as a subject of knowledge, communication and activity* (pp. 696--705). M.: IP RAN. (In Russ.).

Enikolopov, S.N., Kazmina, O.Yu., Vorontsova, O.Yu., Medvedeva, T.I., Boyko, O.M. (2020). Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya (Psychological and pedagogical research)*, 12, 2. (Retrieved from <https://psy.su/feed/8182/>) (review date: 01.12.2023). (In Russ.).

Fayola, E., Voiskunsky, A.E., Bogacheva, N.V. (2016). Augmented Man: Formation of Cyber Consciousness. *Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 3, 147–162. (In Russ.).

Floridi, L. (2014). *The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford University Press.

Golubeva, N.A. (2020). Features of the digital identity of adolescents and youth in the modern technological society. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*. (*Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*), 1, 130–150. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev O.A., Osin E.N. (2017). Optimistic attributive style and dispositional optimism: an empirical test of the similarity and difference between two constructs. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 14, 4, 756–765. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2010). Development of the Russian version of the Dispositional Optimism Test (DOT). *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological Diagnostics)*, 2, 36–64. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2021). Diagnostics of dispositional optimism: validity and reliability of the TDO-P questionnaire. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 1 (18), 34–55. (In Russ.).

Herring, S.C., Kapidzic, S. (2015). Teens, gender, and self-presentation in social media. *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. In J.D. Wright. 2nd edition. (Eds.). Oxford: Elsevier.

Jacobson, N.C., Lekkas, D., Price, G., Heinz, M.V., Song, M., O'Malley, A.J., Barr, P.J. (2020). Flattening the Mental Health Curve: COVID-19 Stay-at-Home Orders Are Associated With Alterations in Mental Health Search Behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, June 1, 7 (6).

Karpov, A.V., Voronova, T.A. (2021). Digitalization and development of the child's psyche: challenges of the new time. *Human Capital*, 8 (152), 22–28. (In Russ.).

Khrapov, S.A., Baeva, L.V. (2021). Philosophy of the risks of digitalization of education: cognitive risks and ways to create a safe educational environment. *Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 4, 17–26. (In Russ.).

Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Vitality test. M.: Meaning. (In Russ.).

Martsinkovskaya, T.D. (2019). Information space of a transitive society: problems and development prospects. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya (Consultative psychology and psychotherapy)*, 27, 3 (105), 77–96. (In Russ.).

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N. (2022). Peculiarities of psychological well-being of young people with different experience and motivation for volunteering. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie (Scientific and Pedagogical Review)*, 6 (46), 181–192. (In Russ.).

Montemurro, N. (2020). The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain Behavior Immunity*, 87, 23–24.

Mossberger, K., Tolbert, C.J., McNeal, R.S. (2007). Digital citizenship: The Internet, society, and participation. Cambridge, MA: MIT Press.

Nestik, T.A., Zadorin, I.V. (2020). Attitude of Russians to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny (Monitoring of public opinion: economic and social changes)*, 5, 4–28. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Attitude to global risks: socio-psychological analysis. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 39, 1, 127–138. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2021). Attitude to global risks: socio-psychological analysis and research perspectives. In E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev (Eds.), *Development of concepts of modern psychology* (pp. 127–138). Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Osin, E.N. (2013). Factor structure of the short version of the hardiness test. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational Psychology)*, 3, 3, 42–60. (In Russ.).

Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). A short version of the hardiness test: psychometric characteristics and application in an organizational context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Bulletin of the Moscow University "Psychology". Series 14. Psychology)*, 2, 147–165. (In Russ.).

Orel-Cass, K. (Ed.). (2019). Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human. Cham, Switzerland: Springer.

Panov, V.I., Patravok, E.V. (2020). Digitalization of the information environment: risks, perceptions, interactions. M.: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. (In Russ.).

Personal potential: structure and diagnostics / Ed. D.A. Leontiev (2011). M.: Meaning.

Przybylski, A.K., Weinstein N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30 (3), 237–246.

Radaev, V.V. (2020). Millennials. How Russian society is changing: a monograph. M Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Rönnlund, M., Del Missier, F., Mäntylä, T., Carelli, M.G. (2019). The fatalistic decision maker: Time perspective, working memory, and older adults' decision-making competence. *Frontiers in Psychology*, 10, 2038.

Rui, J., Stefanone, M. (2013) Strategic self-presentation online: A cross-cultural study. *Computers in Human Behavior*, 29, 110–118.

Shilko, R.S., Dolgikh, A.G., Almazova, O.V. (2018). Measurement of mental health in the educational space: the Warwick-Edinburgh scale of psychological well-being. In L.A. Tsvetkova, E.N. Volkova, A.V. Miklyaeva (Eds.), *Herzen Readings: Psychological Research in Education*. In 2 parts. Part 1. (pp. 278–283). St. Petersburg: RGPU. (In Russ.).

Soboleva, M.O. (2021). Features of constructing research on the virtual identity of users of social networks. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”)*, 4, 14–23. (In Russ.).

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2020). Results of digital transformation: from online reality to mixed reality. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-historical Psychology)*, 1 (4), 87–97. (In Russ.).

Sparrow, B., Liu, J., Wegner, D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333 (6043), 776–778.

The Global Risks Report (2016). 11th ed. — Geneva: World Economic Forum., 2016 (Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>).

Tkhostov, A.Sh., Rikel, A.M., Vialkova, M.Ye. (2022) Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (1), 83–102.

Twenge, Gene (2019). Generation I. Why the Internet generation lost its rebellious spirit and became more tolerant. MoscowM: Ripol-Classic. (In Russ.).

Voiskunsky, A.E., Soldatova, G.U. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 18, 3, 431–450. (In Russ.).

Yu, H., Li, M., Li, Z., Xiang, W., Yuan, Y., Liu, Y., Xiong, Z. (2020). Coping Style, Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic. Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic.

Поступила: 13.04.2023

Получена после доработки: 12.05.2023

Принята в печать: 06.08.2023

Received: 13.04.2023

Revised: 12.05.2023

Accepted: 06.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Павловна Белинская — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Забир Дамирович Шаехов — психолог кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, shaehovzd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9121-6082>

ABOUT THE AUTHORS

Elena P. Belinskaya — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Zabir D. Shaekhov — psychologist of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, shaehovzd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9121-6082>

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-36>

УДК 159.95, 159.922.7

Особенности развития связной речи у детей 6–8 лет в зависимости от уровня развития регуляторных функций

Е.С. Ощепкова^{✉1,2}, А.Н. Шатская²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Психологический институт Российской Академии образования, Москва, Российская Федерация

✉ oshchepkova_es@iling-ran.ru

Резюме

Актуальность. Развитие связной речи является важнейшей задачей школьного обучения и требует изучения влияющих на этот процесс факторов. Взаимосвязь развития речи и регуляторных функций в последнее время активно исследуется, однако данные, взятые в лонгитюдной перспективе в возрасте от 6 до 8 лет, отсутствуют. Необходимо обобщение взаимосвязи различных аспектов развития речи и регуляторных функций при переходе ребенка из дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) в начальную школу.

Цель. Исследование динамики развития связной речи у детей от дошкольного детства до середины начальной школы, а также ее связи с уровнем развития регуляторных функций.

Методы. Регуляторные функции (зрительная и слухоречевая рабочая память, когнитивная гибкость и сдерживающий контроль) оценивались с помощью диагностического инструментария NEPSY-II и методики DCCS. Связная речь оценивалась с помощью методики составления рассказов по серии картинок.

Выборка. Материал получен в ходе 3-летнего лонгитюдного исследования. Данные собраны в двух срезах — в подготовительной группе ДОУ ($n = 288$, $M = 6,59$ лет, $SD = 4,11$ месяца) и во втором классе ($n = 210$, $M = 8,75$ лет, $SD = 3,84$ месяца).

Результаты. 1. Обнаружен статистически значимый рост показателей микро- и макроструктуры нарративов с возрастом. 2. В подготовительной

группе девочки демонстрируют более высокие показатели, чем мальчики, однако ко 2-му классу значимых различий не наблюдается. 3. Обнаружена сильная положительная взаимосвязь между слухоречевой рабочей памятью и показателями нарратива в подготовительной группе, однако ко 2-му классу она перестает быть значимой. 4. Дети, демонстрировавшие в дошкольном возрасте более высокие показатели по всем регуляторным функциям, имеют более высокие результаты по макро- и микроструктуре рассказов в восемь лет.

Выводы. Впервые на лонгитюдной выборке выявлены особенности развития связной устной речи и ее связь с развитием регуляторных функций, а также с полом ребенка. Показана важная роль развития регуляторных функций в дошкольный период для развития связной речи в школьном возрасте.

Ключевые слова: развитие речи, связная речь, нарративы, регуляторные функции, детская речь, половые различия.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00581 «Факторы и эффекты развития устной и письменной речи детей 6–8 лет в моно- и билингвальной среде: лонгитюдное исследование».

Для цитирования: Ощепкова Е.С., Шатская А.Н. Особенности развития связной речи у детей 6–8 лет в зависимости от уровня развития регуляторных функций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 261–284. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-36>

PSYCHOLOGY TO PRACTICE

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-36>

Development of narratives in children aged 6–8 years depending on the level of executive functions

Ekaterina S. Oshchepkova^{1,2}✉, Arina N. Shatskaya²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

✉ oshchepkova_es@iling-ran.ru

Abstract

Background. Language development is one of the most important tasks of education. Therefore, the study of those factors that affect it remains in demand. Though the relationship between language development and executive functions has been broadly studied recently, there is no data on their relationship in a longitudinal perspective in children aged 6 to 8 years. A comprehensive analysis of the relationship between language development and executive functions is of great importance for transition from kindergarten to primary school.

Objective. The study focuses on how narrative ability develops in children from preschool to the middle of elementary school and how it is associated with the level of executive functions.

Sample. The material was obtained during a three-year longitudinal study. The study sample data was collected in two sections: a) in kindergarten ($n = 288$, $M = 6.59$ years, $SD = 4.11$ months) and b) in the second grade of primary school ($n = 210$, $M = 8.75$ years, $SD = 3.84$ months).

Methods. The children's executive functions were assessed with the NEPSY-II diagnostic toolkit, as well as with the DCCS method. The children's narratives were assessed with the method of creating stories based on a series of pictures.

Results. 1) A statistically significant increase in micro- and macrostructure of narratives was found. 2) In kindergarten, girls demonstrate higher indicators in both macro- and microstructure of narrative than boys. However, by the 2nd grade, these significant differences are no longer observed. 3) Analysis of the relationship between narrative indicators and components of executive functions revealed that the strongest positive relationship is observed between auditory working memory and macro-microstructure in the preparatory group, however, by the 2nd grade, this relationship ceases to be significant. 4) It was shown that children who demonstrated higher rates in all executive functions at preschool age have higher results in narratives at school.

Conclusions. The important role of the development of executive functions during the preschool period of childhood in the development of narrative ability at school age is shown.

Keywords: language development, coherent speech, narratives, executive functions, child speech, gender differences.

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation in the framework of the scientific project № 21-18-00581 "The factors and effects of oral and written speech development in 6-8-year-old children in mono- and bilingual environment: a longitudinal study".

For citation: Oshchepkova, E.S., Shatskaya, A.N. (2023). Development of narratives in children aged 6-8 years depending on the level of executive functions. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 261–284. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>

Введение

Речь является важнейшим психическим образованием человека. Будучи высшей психической функцией, она как знаковая система служит средством формирования других высших психических функций (Выготский, 1960). Старший дошкольный и младший школьный возраст являются наиболее сензитивными для развития именно связной монологической речи (Ушакова, Волкова, 2020), а ее уровень предопределяет будущие академические успехи ребенка (Paul et al., 1996), а также связан с формированием успешных коммуникативных навыков (Безруких и др., 2021). Поэтому для оптимизации программ психолого-педагогического воздействия необходимо выделить факторы, которые максимально способствуют развитию связной речи.

Связная монологическая речь у детей чаще всего изучается на материале нарративов — историй, созданных ребенком по серии картинок, изображающих последовательность действий (Gagarina et al., 2012). В нарративах, как правило, выделяют макроструктуру — особенности построения целого рассказа, его соответствие нарративной структуре, смысловое единство и т.п., и микроструктуру — лексико-грамматические особенности, зависящие от конкретного языка (Gagarina et al., 2012). Результаты изучения развития нарративов у детей в возрасте от 6 до 9 лет весьма противоречивы. Если в дошкольном возрасте развитие макроструктуры нарратива не подлежит сомнению (Berman, Slobin, 2013; Schneider, Hayward, Dubé, 2006; Trabasso, Nickels, 1992), то уже в начальной школе это развитие замедляется (Blom, Voerma, 2016; Lindgren, 2019). В исследовании Н. Гагариной, проведенном на немецко-русских детях-билингвах (Gagarina, 2016), обнаружилось, что в отличие от нарративов на немецком языке, в рассказах на русском языке у детей и в школьном возрасте макроструктура продолжает развиваться. В исследовании П.М. Эйсмонт (Эйсмонт, 2017) было показано, что как количество описываемых событий в тексте, так и детальность их описания значимо увеличиваются в возрасте между 5 и 6 годами и незначимо — между 6 и 7 годами. Похожие данные мы видим и в исследованиях, которые оценивали развитие микроструктуры рассказов у детей:

в дошкольном возрасте показатели значимо улучшались, однако в школьном возрасте происходило замедление развития (Lindgren, 2022). Кроме того, любое развитие зависит от различных факторов. Одним из факторов, влияние которых на развитие речи активно обсуждается, является фактор регуляторных функций (Veraksa, Bukhalenkova, Kovvazina, 2018).

Проблема произвольной саморегуляции в отечественной психологии была поставлена еще Л.С. Выготским, а в современных работах она раскрывается в тематике исследования регуляторных функций (Веракса, 2014). Точное определение и содержательное наполнение данного концепта различаются в разных подходах, однако можно сказать, что регуляторные функции — «это обобщающий термин для различных когнитивных навыков, позволяющих вести себя адаптивно и пластично в новых ситуациях» (Веракса, 2014, с. 92). Мы придерживаемся трехчленной концепции Мияке (Miyake, Friedman, Emerson, 2000), согласно которой к регуляторным функциям относятся рабочая память (зрительная и слухоречевая), когнитивная гибкость и сдерживающий контроль (Веракса, Алмазова, Бухаленкова, 2020).

Доказано, что регуляторные функции оказывают влияние на математические способности и грамотность (Cortés Pascual, Moyano Muñoz, Quílez Robres, 2019; Veraksa et al., 2022), способности к решению проблем (Utendale et al., 2011), учебную мотивацию (Veraksa, Gavrilova, Lepola, 2022), воображение (Veraksa, Gavrilova, Veraksa, 2022), связаны с метапознанием (Веракса А., Веракса Н., 2021), а также являются важным предиктором дальнейших академических показателей ребенка (Willoughby, Kupersmidt, Voegler-Lee, 2012).

Взаимосвязь регуляторных функций и различных аспектов речевого развития детей неоднократно становилась объектом исследования (Моросанова и др., 2021; Ахутина, Ощепкова, 2022), однако данные остаются довольно противоречивыми: в некоторых исследованиях связь между развитием речи и регуляторных функций хорошо прослеживается (Slot, Von Suchodoletz, 2018), в других — практически не отмечается (Pazeto, Seabra, Dias, 2014). Как показывают предыдущие исследования, отдельные аспекты регуляторных функций по-разному взаимосвязаны с развитием речи у детей, причем на разных этапах эта взаимосвязь будет отличаться. Так, для возраста 5–6 лет рабочая память, прежде всего вербальная, имеет значимые взаимосвязи как с параметрами макроструктуры нарратива, так и с грамматической и лексической точностью и правильностью рассказов (Veraksa

et al., 2020). В то же время когнитивная гибкость имеет значимые корреляции только с макроструктурой рассказов (Oshchepkova, Bukhalenkova, Veraksa, 2020). Что же касается тормозного контроля, то мы не обнаружили его связи с показателями нарративов (Картушина и др., 2022), однако, возможно, это обусловлено использованием не совсем подходящих для этой цели параметров оценки рассказов. Уточним, что мы не анализировали связь нарративов и пауз гезитации (волнения), самоисправлений и других показателей, которые иногда анализируются в устном дискурсе (Кибрик, Подлеская, 2022).

Что касается влияния развития регуляторных функций на устную монологическую речь в лонгитюдной перспективе, то оно практически не исследовалось. В данной статье впервые предпринимается попытка оценить развитие связной речи в лонгитюде начиная с 6 лет (подготовительная группа детского сада) и заканчивая 8 годами (2 класс начальной школы), и выявить взаимодействие развития микро- и макроструктуры рассказов детей в школе с уровнем развития у них регуляторных функций в ДОУ.

Дополнительным фактором, влияние которого на развитие макро- и микроструктуры связного текста мы изучали в данном исследовании, стал пол ребенка. Полоролевые, или гендерные, особенности порождения речи неоднократно становились объектом изучения с самых разных сторон (Eriksson et al., 2012), однако данные по-прежнему противоречивы.

Целью исследования стало изучение того, как происходит развитие связной речи у детей от подготовительной группы детского сада до второго класса общеобразовательной школы, а также изучение взаимосвязи развития связной монологической речи ко второму классу с уровнем развития компонентов регуляторных функций ребенка в детском саду.

Методы

Регуляторные функции оценивались с помощью инструмента NEPSY-II. Данный инструмент был апробирован на выборке русскоязычных детей и доказал свою эффективность (Veraksa et al., 2020). Регуляторные функции, в соответствии с концепцией Мияке и его коллег, оценивались по уровню развития зрительной и слухоречевой рабочей памяти, сдерживающего контроля и когнитивной гибкости.

Кроме того, у участников исследования в подготовительной группе был продиагностирован уровень развития невербального

интеллекта при помощи методики цветных прогрессивных матриц Равена (Raven, Raven, Court, 1998).

Оценка *навыков связной речи* проводилась при помощи методики вызванных нарративов. Детям предлагалось составить рассказ по серии картинок «Кошка и собака» (Глозман, Соболева, 2022). Детям показывались картинки и давалась инструкция: «Посмотри на эти картинки и расскажи, что за история тут произошла». Если ребенок задавал уточняющие вопросы, экспериментатор говорил: «Рассказывай, как считаешь нужным». Если ребенок забывал слово или спрашивал, что это изображено, ему отвечали: «А как ты сам думаешь?». Полученный рассказ записывался на диктофон, а затем транскрибировался. Далее все полученные тексты оценивались по параметрам макро- и микроструктуры. Итоговый показатель макроструктуры складывался из баллов, выраженных в процентном соотношении, отражавших следующие параметры: а) смысловую полноту, б) программирование рассказа, в) семантическую адекватность (Ахутина, 2020), г) тип нарратива (Ovchinnikova, 2005); и д) структуру нарратива (Gagarina et al., 2012). Итоговый показатель микроструктуры складывался из выраженных в процентах баллов за лексическую и грамматическую точность (Картушина и др., 2022). Кроме того, мы проанализировали использование выраженного начала рассказа (Ахутина, Ощепкова, 2022) и частоту слов, обозначающих внутренние состояния (Gagarina et al., 2012).

Выборка

Конечную выборку исследования составили дети, посещающие подготовительную группу детского сада ($n = 288$, $M = 6,59$ года, $SD = 4,11$ месяца, 142 мальчика, 146 девочек), которые были нами повторно продиагностированы во 2-м классе общеобразовательной школы ($n = 210$, $M = 8,75$ года, $SD = 3,84$ месяца, 105 мальчиков, 105 девочек). У всех участников исследования и в первом срезе (в подготовительной группе), и во втором срезе (во 2-м классе) были продиагностированы компоненты регуляторных функций — зрительная и слухоречевая рабочая память, сдерживающий контроль и когнитивная гибкость, а также параметры макро- и микроструктуры связной монологической речи. Помимо указанных параметров у всех участников нами также были зафиксированы данные по уровню развития невербального интеллекта в первом срезе в подготовительной группе с целью исключить из анализа ненормативно развивающихся детей.

В обоих срезах диагностика проходила в индивидуальном порядке с каждым участником в течение 25–30 минут в тихом помещении.

По результатам диагностики в обоих срезах были получены данные по уровню развития регуляторных функций и связной монологической речи. Также были проанализированы различия в указанных параметрах между мальчиками и девочками в обоих срезах. Далее в ходе статистического анализа были выявлены изменения в уровне развития связной монологической речи (макро- и микроструктуры, наличие начала рассказа, употребление терминов внутренних состояний) от первого среза ко второму.

Для проверки гипотезы о связи между уровнем развития связной монологической речи (параметров макро- и микроструктуры рассказа) и уровнем развития компонентов регуляторных функций использовался корреляционный анализ.

Помимо этого, данные по развитию компонентов регуляторных функций в подготовительной группе были подвергнуты кластеризации при помощи метода *k*-средних. В результате выборка в подготовительной группе была разделена на две подгруппы (относительно высокого и низкого уровня) по каждому компоненту регуляторных функций. Далее был произведен анализ различий средних значений по макро- и микроструктуре связной монологической речи, зафиксированных во втором классе, между высокой и низкой группой по каждому компоненту регуляторных функций, зафиксированных в подготовительной группе.

От всех родителей детей было получено информированное согласие на проведение исследования. Исследование одобрено этическим комитетом факультета психологии МГУ (№ 2021/98).

Результаты

Развитие макро- и микроструктуры

На первом этапе анализа нами были произведен расчет описательных статистик для всех компонентов регуляторных функций и показателей макро- и микроструктуры нарративов в обоих возрастных срезах (табл. 1).

Описательные статистики развития регуляторных функций у детей соответствуют ранее собранным нормам для возраста 6 лет (Веракса и др., 2020) (нормы для возраста 8 лет еще не опубликованы).

В результате применения критериев Шапиро — Уилка и Колмогорова — Смирнова было показано, что по отдельным параметрам

Таблица 1

Описательная статистика для компонентов регуляторных функций
 и показателей макро- и микроструктуры*

Возраст (1 и 2 срезы)	Зрительная рабочая память	Слухоречевая рабочая память	Сдерживающий контроль	Когнитивная гибкость	Макро структура	Микро структура
6,5 года	56,4 (15,6)	62,94 (13,8)	56,5 (15,3)	34,4 (18,9)	24,8 (16,1)	25,45 (18)
8,5 года	76 (17,0)	71,47 (13,2)	56,3 (16,6)	62,63 (18,94)	51,25 (8,9)	54,9 (8,7)

* Здесь и далее в таблицах 2, 4: средние значения указаны в процентах, рассчитанных от максимально возможного балла методик, в скобках приведены значения стандартных отклонений

Table 1

Descriptive statistics for executive functions and macro- and microstructure

Age (1 and 2 waves)	Visual working memory	Verbal working memory	Inhibitory control	Cognitive flexibility	Macro structure	Micro structure
6.5 y.o.	56.4 (15.6)	62.94 (13.8)	56.5 (15.3)	34.4 (18.9)	24.8 (16.1)	25.45 (18)
8.5 y.o.	76 (17.0)	71.47 (13.2)	56.3 (16.6)	62.63 (18.94)	51.25 (8.9)	54.9 (8.7)

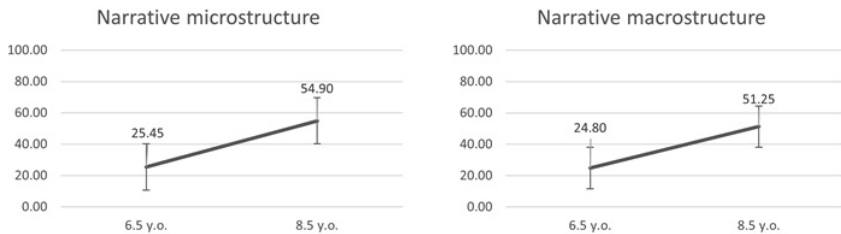
* Hereinafter, mean values are reported as percentages calculated from the maximum possible score. SD are reported in parentheses.

данные распределены согласно нормальному распределению, но в то же время по оставшимся параметрам — нет. В результате для сравнения средних значений между группами было решено использовать t-критерий Стьюдента в случае нормально-распределенных данных, а для данных, не соответствующих нормальному распределению — критерий Манна — Уитни.

В результате было показано, что параметры связной монологической речи демонстрируют скачок от подготовительной группы ко 2-му классу школы (рис. 1): макроструктура вырастает на 26,45 % ($t = 12,66$; $p < 0,001$; d -Cohen's = 1,381), а микроструктура на 29,45 % ($t = 19,06$; $p < 0,001$; d -Cohen's = 2,067). Как видно, приращение микроструктуры является более значимым, по сравнению с макроструктурой, исходя из анализа коэффициента размера эффекта d Коэна.

Рис. 1. Развитие интегральных показателей микро- и макроструктуры нарратива у детей в возрасте 6,5–8,5 года

Fig. 1. The development of integral indicators of the micro- and macrostructure of the narrative in children aged 6.5–8.5 years.

Кроме того, были проанализированы половые различия по всем компонентам регуляторных функций и параметрам макро- и микроструктуры в обоих срезах. В подготовительной группе девочки демонстрируют более высокие показатели по макроструктуре ($U = 4515$; $p < 0,001$) и микроструктуре ($U = 5085$; $p = 0,017$) связной монологической речи. Во 2-м классе подобных различий не обнаружено ($t = -0,70$; $p = 0,484$ для макроструктуры и $U = 4803$; $p = 0,814$ для микроструктуры речи).

Относительно компонентов регуляторных функций было показано следующее. В подготовительной группе девочки демонстрировали более высокие показатели по слухоречевой рабочей памяти ($t = -3,41$; $p < 0,001$), сдерживающему контролю ($U = 5029$; $p = 0,038$) и когнитивной гибкости ($U = 4938$; $p = 0,007$); по зрительной рабочей памяти различий обнаружено не было ($t = 1,15$; $p = 0,253$). Во 2-м классе не было обнаружено различий по зрительной и слухоречевой рабочей памяти ($t = 0,855$; $p = 0,393$ и $t = -0,41$; $p = 0,682$), сдерживающему контролю ($t = -0,047$; $p = 0,296$); по когнитивной гибкости у девочек наблюдались более высокие баллы ($U = 3610$; $p = 0,041$), однако размер эффекта

находился в пределах низких значений: ранговая бисериальная корреляция = 0,17, что говорит о незначительных различиях.

Таким образом, говоря об особенностях развития связной монологической речи, можно заключить, что в подготовительной группе девочки находятся на более высоком уровне развития связной монологической речи, однако ко 2-му классу различий между мальчиками и девочками уже не наблюдается.

Параметры связной монологической речи

На втором этапе анализа нами были отдельно выведены параметры, составляющие макро- и микроструктуру нарратива (табл. 2).

Таблица 2

Описательная статистика для параметров нарратива

Возраст (1 и 2 срезы)	Семантическая полнота	Семантическая адекватность	Программирование рассказа	Структура нарратива	Тип нарратива	Грамматика	Лексика
6,5 года	34,44 (17,3)	32,08 (24,7)	24,82 (20,2)	18,47 (33,3)	14,4 (27,2)	29,93 (22,5)	20,96 (32,6)
8,5 года	65,92 (12,7)	62,88 (20,1)	49,75 (23,2)	44,28 (24)	33,67 (18,1)	53,33 (10,8)	56,46 (13,1)

Table 2

Descriptive statistics for narratives

Age (1 and 2 waves)	Semantic completeness	Semantic adequacy	Programming of the story	Narrative structure	Narrative type	Grammar	Lexicon
6.5 y.o.	34.44 (17.3)	32.08 (24.7)	24.82 (20.2)	18.47 (33.3)	14.4 (27.2)	29.93 (22.5)	20.96 (32.6)
8.5 y.o.	65.92 (12.7)	62.88 (20.1)	49.75 (23.2)	44.28 (24)	33.67 (18.1)	53.33 (10.8)	56.46 (13.1)

Для того чтобы более детально отразить особенности развития связной монологической речи от 6 до 8 лет, были проанализированы все компоненты макро- и микроструктуры нарратива. В результате наибольший прирост баллов среди компонентов макроструктуры от первого замера к последнему был зафиксирован по семантической полноте нарратива (+31,48 %), меньший — по семантической адекват-

ности (+30,8 %), структуре нарратива (+25,81 %), программированию (+24,93 %) и типу нарратива (+19,27 %).

Прирост по параметрам микроструктуры оказался следующим: по грамматике было зафиксировано приращение на 23,4 %, а по лексике больше — на 35,5 %.

Кроме того, нами было проанализировано изменение таких часто используемых показателей рассказов детей, как употребление лексики внутренних состояний (Gagarina et al., 2012) и показателей сеттинга (Ахутина, Ощепкова, 2022). Для этого использовался критерий Вилкоксона для сравнения средних в связанных выборках. Однако на данном материале они обнаружили только тенденцию к увеличению, не достигнувшую уровня статистической значимости (для лексики внутренних состояний $W = 1,329$; $p = 0,18$; для показателей начала и конца рассказа $W = 1,26$; $p = 0,21$).

Связь нарративных способностей с регуляторными функциями

Для анализа связи между уровнем развития регуляторных функций и нарративными способностями в каждом из изучаемых возрастных периодов были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между баллами по макро- и микроструктуре нарратива и баллами, отражающими уровни развития каждой функции (табл. 3).

Обнаружены значимые взаимосвязи параметров связной монологической речи (макро- и микроструктуры) с характеристиками слухоречевой рабочей памяти у дошкольников, исчезающие в школьном возрасте. Выявлена также значимая взаимосвязь макроструктуры со зрительной рабочей памятью у младших школьников.

Связь нарративных способностей в школе с уровнем развития регуляторных функций в детском саду

На последнем этапе анализа проверялась гипотеза о различиях по уровню развития макро- и микроструктуры нарратива в школе у детей, демонстрировавших разный уровень развития компонентов регуляторных функций в ДОУ. Для того чтобы разделить выборку дошкольного периода по уровням развития регуляции, нами был проведен кластерный анализ методом k -средних, в результате которого дошкольники были разделены на две группы по каждому компоненту регуляторных функций — низкой и высокой зрительной и слухоречевой рабочей памяти, сдерживающего контроля и когнитивной гибкости. Далее для каждой из этих групп были рассчитаны

Таблица 3

Связь между компонентами регуляторных функций и макро- и микроструктурой нарратива в различные возрастные периоды

	Возраст в годах	Зрительная рабочая память	Слухоречевая рабочая память	Сдерживающий контроль	Когнитивная гибкость
Макро-структура	6,5	-0,013	0,337***	0,01	0,082
	8,5	0,175*	0,097	0,058	-0,01
Микро-структура	6,5	-0,079	0,216**	0,077	0,059
	8,5	-0,073	0,106	0,078	0,012

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Table 3

Relationship between the components of executive functions with macro- and microstructure in different age periods

	Age, y.o.	Visual working memory	Verbal working memory	Inhibitory control	Cognitive flexibility
Macrostructure	6.5	-0.013	0.337***	0.01	0.082
	8.5	0.175*	0.097	0.058	-0.01
Microstructure	6.5	-0.079	0.216**	0.077	0.059
	8.5	-0.073	0.106	0.078	0.012

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

средние значения и стандартные отклонения по уровню развития у них макро- и микроструктуры нарратива (табл. 4).

Далее были проведены сравнения средних значений показателей макро- и микроструктуры между высокой и низкой группами по каждому компоненту регуляторных функций в отдельности. Полученные результаты отражены ниже в отдельности для каждого компонента регуляторных функций.

Зрительная рабочая память

Анализ при помощи t-критерия Стьюдента не выявил различий ни в показателях макро- ($t = 0,288$; $p = 0,821$), ни в показателях микроструктуры ($t = 1,69$, $p = 0,098$) нарратива, полученного во 2-м классе, между детьми, демонстрировавшими в ДОО разный уровень развития зрительной рабочей памяти. Однако на уровне тенденции

Таблица 4

Макро- и микроструктура нарратива во втором классе в зависимости от уровня развития регуляторных функций в подготовительной группе

	Уровень развития компонента регуляторных функций в I срезе	По зрительной рабочей памяти	По слухоречевой рабочей памяти	По сдерживающему контролю	По когнитивной гибкости
Макро-структура	Высокий	51,0 (6,86)	52,9 (7,40)	52,6 (8,09)	51,9 (8,8)
	Низкий	50,2 (12,3)	45,3 (12,5)	50,1 (10,31)	48,2 (10,59)
Микро-структура	Высокий	56,5 (8,75)	56,7 (7,34)	57,2 (8,26)	55,2 (8,72)
	Низкий	51,8 (8,09)	49,1 (9,44)	51,2 (6,97)	53,1 (8,55)

Примечание: в скобках указаны значения стандартного отклонения.

Table 4

Macro- and microstructure of narrative during the 2nd wave depending on the level of executive functions during the 1st wave

	Level of executive functions at the 1 st wave	Visual working memory	Auditory working memory	Inhibitory control	Cognitive flexibility
Macro-structure	High	51.0 (6.86)	52.9 (7.40)	52.6 (8.09)	51.9 (8.8)
	Low	50.2 (12.3)	45.3 (12.5)	50.1 (10.31)	48.2 (10.59)
Micro-structure	High	56.5 (8.75)	56.7 (7.34)	57.2 (8.26)	55.2 (8.72)
	Low	51.8 (8.09)	49.1 (9.44)	51.2 (6.97)	53.1 (8.55)

Note: in parentheses there are the values of the standard deviation.

в средних значениях, как видно из табл. 4, дети с высоким уровнем зрительной рабочей памяти в ДОУ, демонстрируют несколько более высокие баллы по макро- и микроструктуре в школе.

Слухоречевая рабочая память

Аналогичное сравнение групп, различавшихся в ДОУ по уровню развития слухоречевой рабочей памяти, показало, что и по макро- ($t = 2,37$; $p = 0,023$; d -Cohen's = 0,846), и по микроструктуре ($t = 2,65$; $p = 0,012$; d -Cohen's = 0,950) есть значимые различия. То есть слухоречевая рабочая память не только лучше всего коррелирует с языковым развитием детей, но и обеспечивает лучшее развитие связной речи в начальной школе.

Сдерживающий контроль

Анализ различий в зависимости от уровня развития сдерживающего контроля в ДООУ показал, что по макроструктуре различий нет ($t = 0,829$; $p = 0,413$). А вот по микроструктуре значимые различия были обнаружены ($t = 2,33$; $p = 0,026$; $d\text{-Cohen's} = 0,789$). Таким образом, дети, которые в детском саду обладали высоким уровнем развития сдерживающего контроля, в школе имеют значимо более высокие показатели развития микроструктуры и на уровне тенденции макроструктуры нарратива. Данные нуждаются в дополнительной интерпретации.

Когнитивная гибкость

Наконец, анализ различий в структуре связной речи в зависимости от уровня развития когнитивной гибкости в детском саду показал, что по развитию макро- и микроструктуры во 2-м классе между выделенными группами значимых различий нет ($t = 1,152$; $p = 0,257$; $t = 0,717$; $p = 0,478$ соответственно). Однако на уровне тенденции в средних значениях, как видно из табл. 4, дети из группы с высоким уровнем развития когнитивной гибкости в ДООУ, демонстрируют несколько более высокие баллы по макро- и микроструктуре в школе.

Таким образом, дети, которые в дошкольный период демонстрировали более высокий уровень развития по всем компонентам регуляторных функций, на уровне тенденции в средних значениях в школьный период имеют более высоко развитые показатели макро- и микроструктуры нарратива. Указанные различия по макроструктуре подтвердили свою значимость для слухоречевой рабочей памяти. По микроструктуре различия были подтверждены для слухоречевой рабочей памяти и сдерживающего контроля.

Обсуждение результатов

Полученные нами данные о развитии нарративов, вопреки процитированным выше работам (Lindgren, 2019; Gagarina, 2016), показывают, что у детей с возрастом улучшаются навыки связной монологической речи как с точки зрения лексико-грамматических особенностей (микроструктуры нарратива), так и с точки зрения общего построения высказывания (его макроструктуры).

Мы увидели, что наибольший прирост среди нарративных компонентов макроструктуры от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту был зафиксирован для баллов по семантической

полноте нарратива (+49,41 %), затем — для структуры нарратива (+34,49 %), и почти в равной доле — для типа нарратива (+26,88 %), программирования (+26,23 %) и семантической адекватности (+26,16 %). То есть дети прежде всего отмечают в своих рассказах большее количество значимых элементов, их рассказы становятся длиннее и полнее. Прирост по структуре нарратива показывает, что рассказы детей в большей степени начинают соответствовать стандартной структуре нарратива «цель — действие — результат». Несмотря на это, у многих детей по-прежнему отсутствует такой компонент, как «цель», результат описывается чаще. Что касается прироста лексических и грамматических параметров микроструктуры, то, как мы увидели, по грамматике было зафиксировано приращение на 23,4 %, а по лексике — на 35,5 %. Мы объясняем это тем, что грамматический строй у нормативно развивающегося ребенка-монолингва к 6 годам уже в целом сформирован и в дальнейшем происходит освоение более сложных конструкций. А вот обогащение лексики в школьные годы активно продолжается (Василевич, 2016).

Удивление вызвал тот факт, что на нашем материале мы не получили значимых различий между возрастами в том, что касается использования лексики внутренних состояний и показателей сеттинга. Представляется, что этот факт вызван тем, что некоторые дети, которые в 6 лет демонстрировали умение использовать подобную лексику и показатели начала рассказа, в 8 лет почему-то не продемонстрировали этого умения. Возможно, это было связано с отсутствием интереса к слишком детским картинкам для такого возраста. В дальнейшем мы планируем использовать более сложный и разнообразный набор картинок, например, MAIN (Gagarina et al., 2012).

Что же касается влияния развития регуляторных функций, то слухоречевая рабочая память — это, бесспорно, основной фактор, положительно влияющий на развитие связной речи. Чем лучше ребенок запоминает образцы языкового инпута (входного материала), который он получает, тем лучше развивается его собственная речь. Это подтверждается и теми исследованиями, которые на первое место среди факторов, благоприятно влияющих на языковое развитие ребенка, ставят именно языковой инпут (Snow, Perlmann, Nathan, 2021). Что касается влияния сдерживающего контроля, мы считаем, что этот аспект еще нуждается в дополнительной проверке, поскольку ранее указывалось в основном его благоприятное влияние на освоение грамотности, то есть письменной речи (Limpo, Olive, 2021), было отмечено однозначно сильное влияние сдерживающего контроля

на развитие речи в младшем возрасте (2–3 года) (Gandolfi, Viterbori, 2020), на развитие грамматики в 5 лет (Ibbotson, Kearvell-White, 2015), а также на освоение второго языка (Darcy, Mora, Daidone, 2016). Однако подтвержденные данные о влиянии сдерживающего контроля на макроструктуру рассказа отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что при оценке нарративов отсутствуют показатели, оценивающие сдерживание нерелевантных стимулов.

Наконец, зафиксированные различия в развитии речи между мальчиками и девочками также неоднозначны, как уже отмечалось в более ранних обзорах по этому вопросу (Eriksson et al., 2012; Etchell et al., 2018). Наши данные показывают, что различия между мальчиками и девочками проявляются только в дошкольном возрасте, а затем нивелируются. Мы полагаем, что это связано с общей образовательной программой для мальчиков и девочек, а также с тем, что наша выборка относилась к норме, а данные о большей распространенности недоразвития речи у мальчиков, особенно в дошкольном возрасте, которое часто фиксируется дефектологами и логопедами, получены на ненормативно развивающихся детях.

Выводы

Лонгитюдное исследование развития связной речи детей с 6 до 8 лет показало:

1) В этом возрасте происходит развитие как общих структурных показателей связной речи, ее полноты, семантической адекватности, структуры, так и улучшение лексико-грамматических показателей, особенно семантической полноты и лексики, что связано с обогащением словарного запаса детей;

2) На развитие речи регуляторные функции оказывают неодинаковое влияние. Наиболее явно выражено влияние развития слухоречевой рабочей памяти и в меньшей степени тормозного контроля;

3) В развитии речи у детей наблюдаются различия между мальчиками и девочками в пользу девочек, однако значимо это различие только в дошкольном возрасте.

Полученные данные имеют ряд ограничений. 1. Мы не оценивали рассказы детей по таким особенностям звучащей речи, как паузы, самоисправления, фальстарты. В связи с этим, возможно, мы упустили взаимосвязь пауз с тормозным контролем, а также различия в речи мальчиков и девочек по количеству и длине пауз. Возможно, в следующих исследованиях мы специально обратимся к вопросу о взаимосвязи этих характеристик. 2. Наши данные относятся к нормативно

развивающимся детям — монолингвам, проживающим в г. Москве, что не позволяет однозначно экстраполировать выводы на детей с особенностями развития и билингвов. 3. Мы считаем необходимым продолжить данное исследование на детях более старших возрастов, поскольку исследования развития связной речи у подростков намного менее распространены, а вопрос о том, как далее развивается нарративная структура рассказа, остается малоизученным.

Литература

Ахутина Т.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет. М.: Изд. В. Секачев, 2020.

Ахутина Т.В., Ощепкова Е.С. Диссоциация развития синтаксиса и лексики у младших школьников с разным нейропсихологическим профилем // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 3. С. 92–103. <https://10.17759/chr.2022180312>

Безруких М.М., Верба А.С., Филиппова Т.А., Иванов В.В. Речевое развитие и формирование социально-коммуникативных навыков в старшем дошкольном возрасте // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 4. С. 5–17. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.1>

Василевич А.П. Опыт оценки индивидуального словарного запаса // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 27, № 1. С. 71–75.

Веракса А.Н. Социальный аспект в развитии регуляторных функций в детском возрасте: обзор современных зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 91–101.

Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А. Диагностика регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте: батарея методик // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 6. С. 108–118.

Веракса А.Н., Веракса Н.Е. Взаимосвязь метапознания и регуляторных функций в детстве: культурно-исторический контекст // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 79–113. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.04>

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций (из неопубликованных трудов) / под ред. А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.М. Теплова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Глозман Ж.М., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста. М.: Смысл, 2022.

Каргушина Н.А., Ковязина М.С., Ощепкова Е.С., Шатская А.Н. Факторы, влияющие на макро- и микроструктуру нарративов у дошкольников билингвальных регионов России // Вопросы психологии. 2022. № 3. С. 35–47.

Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Потанина А.М., Ишмуратова Ю.А. Осознанная саморегуляция в системе предикторов успешности по русскому

языку в школе (общая модель и ее модификации) // Национальный психологический журнал. 2021. Т. 43, №. 3. С. 15–30.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Ушакова О.С., Волкова О.С. Речевая готовность старших дошкольников к обучению в школе // Современное дошкольное образование. 2020. Т. 99, № 3. С. 51–59. <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2020-10074>

Эйсмонт П.М. Эпизод и событие в устном детском нарративе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 67–76.

Berman, R.A., Slobin, D.I. (2013). *Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study*. London: Psychology Press.

Blom, E., Boerma, T. (2016). Why do children with language impairment have difficulties with narrative macrostructure? *Research in Developmental Disabilities*, 55, 301–311.

Cortés Pascual, A., Moyano Muñoz, N., Quílez Robres, A. (2019). The Relationship Between Executive Functions and Academic Performance in Primary Education: Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychology*, 10, 1582. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01582>

Darcy, I., Mora, J.C., Daidone, D. (2016). The role of inhibitory control in second language phonological processing. *Language Learning*, 66 (4), 741–773.

Eriksson, M., Marschik, P.B., Tulviste, T., Almgren, M., Pérez Pereira, M., Wehberg, S., Gallego, C. (2012). Differences between girls and boys in emerging language skills: Evidence from 10 language communities. *British journal of developmental psychology*, 30 (2), 326–343.

Etchell, A., Adhikari, A., Weinberg, L. S., Choo, A. L., Garnett, E. O., Chow, H. M., Chang, S.E. (2018). A systematic literature review of sex differences in childhood language and brain development. *Neuropsychologia*, 114, 19–31.

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Balčiūnienė, I., Bohnacker, U., Walters, J. (2012). MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives. *ZAS papers in linguistics*, 56, 155–155.

Gagarina, N. (2016). Narratives of Russian–German preschool and primary school bilinguals: Rasskaz and Erzählung. *Applied Psycholinguistics*, 37 (1), 91–122. <https://doi.org/10.1017/S0142716415000430>

Gandolfi, E., Viterbori, P. (2020). Inhibitory control skills and language acquisition in toddlers and preschool children. *Language Learning*, 70 (3), 604–642.

Ibbotson, P., Kearvell-White, J. (2015). Inhibitory control predicts grammatical ability. *PLoS One*, 10 (12), e0145030.

Limpo, T., Olive, T. (2021). *Executive functions and writing*. Oxford: Oxford University Press.

Lindgren, J. (2019). Comprehension and production of narrative macrostructure in Swedish: A longitudinal study from age 4 to 7. *First Language*, 39 (4), 412–432.

Lindgren, J. (2022). The development of narrative skills in monolingual Swedish-speaking children aged 4 to 9: a longitudinal study. *Journal of Child Language*, 49 (6), 1281–1294.

Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41, 49–100.

Oshchepkova, E., Bukhalenkova, D., Veraksa, A. (2020). The relation between cognitive flexibility and language production in preschool children. In *International Conference on Cognitive Sciences* (pp. 44–55). Cham: Springer International Publishing.

Ovchinnikova I. (2005). Variety of children’s narratives as the reflection of individual differences in mental development. *Psychology of Language and Communication*, 9 (1), 29–53.

Paul, R., Hernandez, R., Taylor, L., Johnson, K. (1996). Narrative development in late talkers: Early school age. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 39 (6), 1295–1303.

Pazeto, T.C.B., Seabra, A.G., Dias, N.M. (2014). Executive functions, oral language and writing in preschool children: development and correlations. *Paidéia (Ribeirão Preto)*, 24, 213–221. <https://doi.org/10.1590/1982-43272458201409>

Raven J., Raven, J.C., Court, J.H. (1998). Raven’s progressive matrices and vocabulary scales, (pp. 223–237). Oxford : Oxford Psychologists Press.

Schneider, P., Hayward, D., Dubé, R.V. (2006). Storytelling from pictures using the Edmonton narrative norms instrument. *Journal of speech language pathology and audiology*, 30 (4), 224.

Slot, P.L., Von Suchodoletz, A. (2018). Bidirectionality in preschool children’s executive functions and language skills: is one developing skill the better predictor of the other? *Early Childhood Res. Q.*, 42, 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005>

Snow, C. E., Perlmann, R., Nathan, D. (2021). Why routines are different: Toward a multiple-factors model of the relation between input and language acquisition. In *Children’s language*, (pp. 65–97). London: Psychology Press.

Trabasso, T., Nickels, M. (1992). The development of goal plans of action in the narration of a picture story. *Discourse processes*, 15 (3), 249–275.

Utendale, W.T., Hubert, M., Saint-Pierre, A.B., Hastings, P.D. (2011). Neurocognitive development and externalizing problems: the role of inhibitory control deficits from 4 to 6 years. *Aggressive Behavior*. 37, 476–488. <https://doi.org/10.1002/ab.20403>

Veraksa, A., Bukhalenkova, D., Kartushina, N., Oshchepkova, E. (2020). The relationship between executive functions and language production in 5–6-year-old children: Insights from working memory and storytelling. *Behavioral Sciences*, 10 (2), 52. doi.org/10.3390/bs10020052

Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Kovyazina, M.S. (2018). Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Function. *Psychol. Russ. State Art*, 11, 115–129. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0408>

Veraksa, A., Gavrilova, M., Lepola, J. (2022). Learning motivation tendencies among preschoolers: Impact of executive functions and gender differences. *Acta Psychologica*, 228, 103647. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103647>

Veraksa, A.N., Sidneva, A.N., Aslanova, M.S., Plotnikova, V.A. (2022). Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (4), 62–82. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0405>

Veraksa, N., Gavrilova, M., Veraksa, A. (2022). “Complete the drawing!”: The relationship between imagination and executive functions in children. *Education Science*, 12 (2), 103–112. <https://doi.org/10.3390/educsci12020103>

Willoughby, M., Kupersmidt, J., Voegler-Lee, M. (2012). Is preschool executive function causally related to academic achievement?. *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 18 (1), 79–91.

References

Akhutina, T.V. (2020). Methods of neuropsychological assessment of children aged 6–9 years. Moscow: Izd-vo Sekachev. (In Russ.).

Akhutina, T.V., Oshchepkova, E.S. (2022). Dissociation of Syntax and Vocabulary Development in Junior Schoolchildren with Different Neuropsychological Profile. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 18 (3), 92–103. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180312>

Berman, R.A., Slobin, D.I. (2013). Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study. (Eds.). London: Psychology Press.

Bezrukikh, M.M., Verba, A.S., Filippova, T.A., Ivanov, V.V. (2021). Speech development and the formation of social and communication skills in senior preschool age. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 1, 18 (4), 5–17. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.1> (In Russ.).

Blom, E., Boerma, T. (2016). Why do children with language impairment have difficulties with narrative macrostructure? *Research in Developmental Disabilities*, 55, 301–311.

Cortés Pascual, A., Moyano Muñoz, N., Quílez Robres, A. (2019). The Relationship Between Executive Functions and Academic Performance in Primary Education: Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychology*, 10, 1582. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01582>

Darcy, I., Mora, J.C., Daidone, D. (2016). The role of inhibitory control in second language phonological processing. *Language Learning*, 66 (4), 741–773.

Dream Stories: A Corpus Study of Oral Russian Discourse. (2009). In Kibrik, A.A., Podlesskaya, V.I. (Eds.) Moscow. (In Russ.).

Eismont, P.M. (2017). Episode and event in oral children's narrative. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya (Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology)*, 5, 67–76. (In Russ.).

Eriksson, M., Marschik, P. B., Tulviste, T., Almgren, M., Pérez Pereira, M., Wehberg, S., Gallego, C. (2012). Differences between girls and boys in emerging language

skills: Evidence from 10 language communities. *British journal of developmental psychology*, 30 (2), 326–343.

Etchell, A., Adhikari, A., Weinberg, L.S., Choo, A.L., Garnett, E. O., Chow, H.M., Chang, S.E. (2018). A systematic literature review of sex differences in childhood language and brain development. *Neuropsychologia*, 114, 19–31.

Gagarina, N. (2016). Narratives of Russian–German preschool and primary school bilinguals: Rasskaz and Erzählung. *Applied Psycholinguistics*, 37 (1), 91–122. <https://doi.org/10.1017/S0142716415000430>

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Balčiūnienė, I., Bohnacker, U., Walters, J. (2012). MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives. *ZAS papers in linguistics*, 56, 155–155.

Gandolfi, E., Viterbori, P. (2020). Inhibitory control skills and language acquisition in toddlers and preschool children. *Language Learning*, 70 (3), 604–642.

Glozman Zh.M., Soboleva A.E. (2022). Neuropsychological diagnostics of school children. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Ibbotson, P., Kearvell-White, J. (2015). Inhibitory control predicts grammatical ability. *PLoS One*, 10 (12), e0145030.

Kartushina, N.A., Kovjazina, M.S., Oshchepkova, E.S., Shatskaya, A.N. (2022). Factors Influencing the Macro- and Microstructure of Narratives in Preschool Children in Bilingual Regions of Russia. *Voprosy psikhologii (Issues in Psychology)*, 3, 35–47. (In Russ.).

Limpo, T., Olive, T. (2021). Executive functions and writing. Oxford: Oxford University Press.

Lindgren, J. (2019). Comprehension and production of narrative macrostructure in Swedish: A longitudinal study from age 4 to 7. *First Language*, 39 (4), 412–432.

Lindgren, J. (2022). The development of narrative skills in monolingual Swedish-speaking children aged 4 to 9: a longitudinal study. *Journal of Child Language*, 49 (6), 1281–1294.

Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41, 49–100.

Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., Potanina, A.M., Ishmuratova, Yu.A. (2021). Conscious self-regulation in the system of predictors of success in Russian language at school (general model and its modifications). *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 3 (43), 15–30. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0302> (In Russ.).

Oshchepkova, E., Bukhalenkova, D., Veraksa, A. (2020.). The relation between cognitive flexibility and language production in preschool children. In *International Conference on Cognitive Sciences*, 2020 October, (pp. 44–55). Cham: Springer International Publishing.

Ovchinnikova I. (2005). Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development. *Psychology of Language and Communication*, 9 (1), 29–53.

Paul, R., Hernandez, R., Taylor, L., Johnson, K. (1996). Narrative development in late talkers: Early school age. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 39 (6), 1295–1303.

Pazeto, T.C.B., Seabra, A.G., Dias, N.M. (2014). Executive functions, oral language and writing in preschool children: development and correlations. *Paidéia (Ribeirão Preto)*, 24, 213–221. <https://doi.org/10.1590/1982-43272458201409>

Raven, J., Raven, J.C., Court, J.H. (1998). Raven's progressive matrices and vocabulary scales, (pp. 223–237). Oxford : Oxford Psychologists Press.

Schneider, P., Hayward, D., Dubé, R.V. (2006). Storytelling from pictures using the Edmonton narrative norms instrument. *Journal of speech language pathology and audiology*, 30 (4), 224.

Slot, P.L., Von Suchodoletz, A. (2018). Bidirectionality in preschool children's executive functions and language skills: is one developing skill the better predictor of the other? *Early Childhood Res. Q.*, 42, 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005>

Snow, C. E., Perlmann, R., Nathan, D. (2021). Why routines are different: Toward a multiple-factors model of the relation between input and language acquisition. In *Children's language* (pp. 65–97). London: Psychology Press.

Trabasso, T., Nickels, M. (1992). The development of goal plans of action in the narration of a picture story. *Discourse processes*, 15 (3), 249–275.

Ushakova, O.S., Volkova, O.S. (2020). Speech readiness of senior preschoolers for learning in school. *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie (Preschool Education Today)*, 3 (14), 51–59. <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2020-10074> (In Russ.).

Utendale, W.T., Hubert, M., Saint-Pierre, A.B., Hastings, P.D. (2011). Neurocognitive development and externalizing problems: the role of inhibitory control deficits from 4 to 6 years. *Aggress. Behav.* 37, 476–488. <https://doi.org/10.1002/ab.20403>

Vasilevich, A.P. (2016). Experience in assessing individual vocabulary. *Voprosy psikholingvistiki (Journal of Psycholinguistics)*, 27 (1), 71–75. (In Russ.).

Veraksa, A., Gavrilova, M., Lepola, J. (2022). Learning motivation tendencies among preschoolers: Impact of executive functions and gender differences. *Acta Psychologica*, 228, 103647. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103647>

Veraksa, A.N. (2014). Social aspect in the development of executive functions in childhood: Contemporary foreign research review. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 4, 91–101. (In Russ.).

Veraksa, A.N., Almazova, O.V., Buhalenkova, D.A. (2020). Diagnostics of executive functions in senior preschool age: a battery of methods. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 41 (6), 108–118. (In Russ.).

Veraksa, A., Bukhalenkova, D., Kartushina, N., Oshchepkova, E. (2020). The relationship between executive functions and language production in 5–6-year-old children: Insights from working memory and storytelling. *Behavioral Sciences*, 10 (2), 52. <https://doi.org/10.3390/bs10020052>

Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Kovyazina, M.S. (2018). Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Function. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11, 115–129. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0408>

Veraksa, A.N., Sidneva, A.N., Aslanova, M.S., Plotnikova, V.A. (2022). Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (4), 62–82. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0405>

Veraksa, A.N., Veraksa, N.E. (2021). Interconnection of metacognition and executive functions in childhood: cultural-historical context. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 79–113. (In Russ.).

Veraksa, N., Gavrilova, M., Veraksa, A. (2022). “Complete the drawing!”: The relationship between imagination and executive functions in children. *Education Science*, 12 (2), 103–112. <https://doi.org/10.3390/educsci12020103>

Vygotskij, L.S. (1960). Development of higher mental functions (from unpublished works). In A.N. Leont'ev, A.R. Lurija, B.M. Teplov (Eds.). Moscow: Izd-vo APN RSFSR. (In Russ.).

Willoughby, M., Kupersmidt, J., Voegler-Lee, M. (2012). Is preschool executive function causally related to academic achievement? *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 18 (1), 79–91.

Поступила: 01.06.2023

Получена после доработки: 29.06.2023

Принята в печать: 11.08.2023

Received: 01.06.2023

Revised: 29.06.2023

Accepted: 11.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Сергеевна Ощепкова — кандидат филологических наук, сотрудник кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, oshchepkova_es@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6199-4649>

Арина Николаевна Шатская — научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, arina.shatskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7283-8011>

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina S. Oshchepkova — Cand.Sci. (Linguistics), Researcher, Lomonosov Moscow State University, Institute of Psychology of the Russian Academy of Education, oshchepkova_es@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6199-4649>

Arina N. Shatskaya — Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Education, arina.shatskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7283-8011>

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

Памяти Владимира Владимировича Умрихина (22.05.1958 – 07.07.2023)

7 июля 2023 года скоропостижно ушел из жизни Владимир Владимирович Умрихин — замечательный человек, ученый и педагог, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В.В. Умрихин родился в Москве 22 мая 1958 года в семье военного врача. После окончания московской общеобразовательной школы № 97 поступил в 1975 году на факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончил в 1980 году и был принят в аспирантуру Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова, где под руководством профессора М.Г. Ярошевского подготовил диссертацию об истории и значении психологической школы Б.М. Теплова. После защиты кандидатской диссертации (1984) работал научным сотрудником в Институте и параллельно начал преподавать на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1996 году перешел на должность доцента кафедры общей психологии факультета психологии МГУ, где вскоре стал ведущим преподавателем в области истории психологии, общей психологии. Его преподавание отличалось широкой эрудицией, четкостью и доказательностью формулировок, неизменным уважением к студенческой аудитории.

Научные изыскания В.В. Умрихина изложены в 120 публикациях и посвящены актуальным вопросам теории, истории, методологии психологии.

Отдельную главу составляет постоянное участие В.В. Умрихина в организации и проведении Летних и Зимних психологических школ МГУ, где он неизменно был душой научных и дружеских дискуссий, звездой факультетского песенного фольклора.

Посвятив свое основное время жизни преподавательской деятельности, Владимир Владимирович не защитил докторской диссертации и формально не получил звания профессора университета. Но он останется в благодарной памяти образцовым университетским профессором, как писали в отзывах слушавшие его студенты: «на таких людях держится наша наука и наша страна», «великий ученый, прекрасный лектор. Человек с большой буквы».

В.В. Умрихин постоянно читал лекционные курсы не только в МГУ, но и в Российском православном университете, ВШЭ, РГГУ и других вузах. С фундаментальными лекционными курсами Владимир Владимирович неоднократно бывал во многих городах нашей страны. В его послужном списке Санкт-Петербург, Калининград, Нижневартовск, Тюмень, Улан-Удэ, Якутск, Сургут, Тула, Иркутск, Кемерово, Баку, Ташкент, Барнаул, Дубна, Томск и другие города.

Тысячи студентов и магистрантов, слушателей различных курсов приобщались к психологии, начинали понимать и любить ее благодаря мастерству и профессионализму В.В. Умрихина, его личности, всегда открытой к учащимся и отдающей без остатка свои знания и любящую душу. Недаром в 2005 году В.В. Умрихину была присуждена высшая награда Московского университета — Ломоносовская премия за выдающиеся достижения в просветительской и преподавательской деятельности.

Велика горечь утраты, но — одновременно — восхитимся подвигом его деятельного таланта и самоотверженного труда на благо Просвещения.

*Коллектив кафедры общей психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

В память нашего Коллеги, Друга и Учителя — Ольги Тимофеевны Мельниковой

16 августа 2023 года ушла из жизни **Ольга Тимофеевна Мельникова** — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета.

Ольга Тимофеевна Мельникова родилась 19 ноября 1949 года в Вильнюсе. Поступила учиться на факультет психологии Московского университета и блестяще окончила его в 1972 году. Научным руководителем ее диплома был профессор А.А. Леонтьев. В 1984 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему: «Социальные установки и коммуникативное поведение молодежной аудитории телевидения» под руководством профессора Ю.А. Шерковина, а в 2003 году — диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук по теме: «Фокус-группы в социально-психологическом исследовании: методология и техники». Она была первой, кто стал проводить в нашей стране фокус-группы, и, несомненно, стала признанным мастером этого метода.

С 1983 года Ольга Тимофеевна Мельникова работала на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, где прошла путь от младшего научного сотрудника до профессора. В разные годы она была заместителем декана факультета психологии МГУ по учебной работе, членом Президиума УМО по психологии, членом Ученого совета факультета психологии, а также членом Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ольга Тимофеевна стояла у истоков создания и разработки методологического направления качественных исследований в нашей стране, была ведущим специалистом по качественным методам в психологии и социальных науках, задачу которых она видела в возможности выявить не только результат, но и процесс конструирования человеком или группой образа социального мира, найти понимание значений и смыслов, которые раскрывают отношение людей к тем или иным сторонам социальной реальности. Именно благодаря ее работам качественные методы стали широко применяться в современных

психологических исследованиях, явились крайне востребованным инструментом для изучения современного общества.

На протяжении нескольких десятилетий Ольга Тимофеевна занималась руководством, организацией и проведением качественных исследований в самых разных сферах: в менеджменте и маркетинге, в сфере потребительского поведения и рекламы, политического консультирования и электорального поведения. Огромный практический опыт Ольги Тимофеевны нашел свое отражение в книгах: «Фокус-группы в маркетинговом исследовании: методология и техники качественных исследований в социальной психологии» (Мельникова, 2003) и «Фокус-группы: методы, методология, модерирование» (Мельникова, 2007). Ее последняя монография «Методологические проблемы качественных исследований в психологии» (в соавторстве с Д.А. Хорошиловым) в 2020 году получила премию Национального конкурса «Золотая Психея».

Ольга Тимофеевна внесла значительный вклад в развитие лучших университетских образовательных традиций на факультете психологии МГУ, на котором на протяжении многих лет читала авторские курсы по качественным методам. Ее лекции всегда пользовались неизменным успехом у студентов и слушателей всех поколений, так как в них сочетались высокая методологическая культура и профессионализм, практическая ориентированность и ясность изложения самых сложных научных тем.

Она была награждена медалью имени К.Д. Ушинского, почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, грамотой и благодарностью ректора за плодотворную деятельность на благо Московского университета в связи с 250-летием МГУ имени М.В. Ломоносова.

В отношениях с коллегами, учениками, друзьями Ольга Тимофеевна являлась эталоном деликатности, интеллигентности и тактичности, всегда была дружелюбной, готовой поддержать, подсказать, помочь всем, кто к ней обращался в различных профессиональных или жизненных ситуациях. Нам будет не хватать ее улыбки, ее добрых слов, сказанных таким тихим, спокойным голосом, ее мудрости и ее поддержки.

Ее уход отозвался болью в душе всех, кто ее знал. Ученики и коллеги глубоко скорбят о безвременной утрате и будут всегда хранить светлую и добрую память об Ольге Тимофеевне Мельниковой.

*Коллектив кафедры социальной психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова*